ПУТЬ ВОЕННОЙ МЕДСЕСТРЫ

ПУТЬ ВОЕННОЙ МЕДСЕСТРЫ

Издательство литературы на иностранных языках
Корея, Пхеньян
103 чучхе (2014)

От автора

Встречая 60-летие Победы в Великой Отечественной освободительной войне, я как автор этой книги прежде всего хочу послать горячий товарищеский привет бойцам Народной Армии, прошедшим пропахший порохом путь ожесточенной войны.

И выражаю глубокое соболезнование народноармейцам, отдавшим свою дорогую молодость и погибшим на поле сражений за защиту Родины в суровые 1950-е годы, и шлю боевой привет моим незабываемым соратникам по фронту, которые и сегодня неизменно, как в те военные дни, идут по пути революции.

Мои записки являются не рассказом о боевом герое, более того, не рассказом о подвигах отдельного военного командира.

Во время войны я была только 18-летним бойцом, простой медсестрой, а не танкистом и пулеметчиком.

Как много можно говорить о подвигах солдат, кто своей грудью заслонил амбразуру вражеского дота или ценой крови подбил вражеские танки!

А что с гордостью можем рассказать о себе мы, медсестры?..

Но теперь, когда мне уже перевалило за 80, хотелось, что-

бы не было забыто все увиденное, испытанное мною в суровые дни войны, и я, перебирая в памяти, написала записки.

Надеюсь, что мои записки станут хоть малейшим вкладом в воспитание представителей грядущих поколений, призванных под руководством Верховного Главнокомандующего КНА уважаемого Маршала Ким Чен Ына непременно добиться объединения Родины.

Конечно, думаю, что в моих записках немало будет недостатков. Но я написала их, так как хотела вернуться к тем же годам 18-летней девушки-солдата и вместе с молодым поколением снова мысленно идти той фронтовой дорогой, и прошу понять меня.

Июнь 102 года чучхе (2013).

Содержание

МОЙ ВЫБОР

Освобождение 5
Первый шаг 11
Первая ночь медсестры 16
Огонек на поле боя 24

ПРЕОДОЛЕВАЯ ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Три дня в санитарном вагоне 33
Ночь на 38-й параллели 54
Неожиданные обстоятельства 58
Кромешная тьма на реке Чхончхон 65
В поисках части 72
«Расписка» 84
Шаги китайских народных добровольцев 91
Родина, сохраню тебя в моем сердце! 96

В БРАТСКОЙ СТРАНЕ -– КИТАЕ

С чувством дружбы 107

Люшуй на заснеженном просторе · · · · · · · · · · 112
Незабываемый старик Пэн · · · · · · · · · · · · · 117
«Больше не напишу надгробное слово» · · · · · · · · 128
Добродушные китайцы · · · · · · · · · · · · · · · 135
На поле в Люшуе · · · · · · · · · · · · · · · · · · 142
Родина зовет · 150

НА ПУТИ НОВОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Ребята, не плачьте! · · · · · · · · · · · · · · · · 162
Что, мне заботиться о янки? · · · · · · · · · · · · 175
Через перевал Масик · · · · · · · · · · · · · · · · 183
Парашют светящейся бомбы · · · · · · · · · · · · · 190
Эвакуация больных через перевал · · · · · · · · · · 199
Прием в партию на фронте · · · · · · · · · · · · · 210
Это не сон, а явь · · · · · · · · · · · · · · · · · 218
Вечно буду жить солдатом · · · · · · · · · · · · · 227

Послесловие · · · · · · · · · · · · · · · · · · · 241

МОЙ ВЫБОР

Освобождение

28 июня 1950 года. Все улицы Сеула оглашались восторженными возгласами: «Да здравствует освобождение!», «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» Люди, охваченные восторгом, высыпали волной на улицы. К ним присоединилась и я.

На улице ликующие люди с возгласами «ура» обступили танк Народной Армии. Громадная машина стояла на пересечении дорог, на ее броне молодой народноармеец энергично разговаривал с ними.

Пробираясь сквозь толпу, я подходила к нему. Смуглое лицо танкиста в шлеме, обтянутом до лба, ярко сверкающие зрачки под густыми бровями, нежно улыбающиеся губы, симпатичный торчащий зуб… Словно бы сразу влюбленная в него, я не отводила от него глаз. «Ой! Танкист Народной Армии! Какой он симпатяга!»

Я напрягла слух, чтобы не пропустить его каждое слово, и в возбуждении прислушивалась к нему.

Тот рассказывал, что весной этого года Даллес инспектировал район вдоль 38-й параллели и дал старому лакею Ли Сын Ману секретное распоряжение – совершить нападение

против Севера Кореи, что в свете такой обстановки ЕДОФ (Единый демократический отечественный фронт) 7 июня опубликовал обращение о проведении всеобщих выборов на Севере и Юге Кореи, а 19-го выступил с предложением осуществить мирное объединение страны путем слияния Верховного Народного Собрания КНДР и «парламента» Южной Кореи в единый высший орган власти. Но на это, он логично объяснял, империалисты США и предательская клика Ли Сын Мана 25 июня ответили вторжением на Север Кореи.

Танкист дал научный анализ – американские империалисты развязали войну с целью превращения в свою колонию не только Южной, но и всей Кореи, и во избежание кризиса перепроизводства, начатого в их стране с 1948 года.

Действительно, каждое его слово врезалось мне в душу.

– Враги нас далеко не возьмут, – заключал он. – Нами командует Полководец Ким Ир Сен, он более 20 лет сражался с японской армией и победил ее. Еще у нас есть Корейская Народная Армия, организованная из сыновей и дочерей рабочих, крестьян и других людей труда, она унаследовала традиции антияпонского партизанского отряда. Но, как маленький щенок, говорится, не боится тигра, враги осмелились вторгнуться на нас. И уважаемый Полководец Ким Ир Сен отдал приказ – разгромить агрессоров и освободить южную часть страны. Горожане Сеула, вы были освобождены! – высоко подняв руку, громко крикнул танкист.

Вмиг раздались восторженные возгласы: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!», «Да здравствует доблестная Корейская Народная Армия!», «Да здравствует Корейская Народно-Демократическая Республика!»

К танкисту летели букеты цветов. Он держал их в охапке и со слезами на глазах спрыгнул с танка. Подошел к одному старику и почтительно передал букет цветов в его руки. И тот крепко прижал его к себе, как бы вечно не выпуская его из своих объятий. Он, долго гладя его по спине, подергивал губами. По его морщинистым щекам катились горячие слезы.

И из моих глаз лились слезы струями. Люди в слезах не прекращали возгласы. Так вся улица ликовала от восторга и радости.

Наконец уехал танк, а вон там появился автомобиль, и толпа сразу же хлынула туда. В кузове сидели бывшие заключенные. Это были патриоты, выпущенные с освобождением города из тюрьмы «Содэмун». Они, махая костлявыми руками, слезливым голосом кричали: «Да здравствует Солнце нации – Полководец Ким Ир Сен!», «Да здравствует Трудовая партия Кореи!» Возгласы окружающих их людей, всхлипывания…

Я еще направилась к другому месту. Там один парень, стоя на стуле, агитировал среди собравшихся, а они откликнулись:

– Давайте поднимемся на борьбу! Пойдем на фронт!

– Безжалостно добьем янки на этой земле!

Сжатые кулаки поднялись на небо. Поддерживая их, я

тоже кричала «ура», взмахивала кулаком. Тут по улице чеканной поступью шли народноармейцы, и все бежали к ним и радостно обнимали их. В один миг строй воинов смешался с толпой. Женщины подносили на голове кувшины с водой и угощали их, приветствуя воинов:

– Приятно, очень приятно…

У всех на глазах навернулись слезы радости.

Целый день я, то шагая, то бегая по улицам, до боли в горле кричала «ура». И вдруг остановилась, взирала на небо. «Неужели и только вчера я жила на этой земле?.. Ой, когда же небо чувствовалось мне так голубым, как сейчас?!»

Подняв глаза, глядела вдаль на гору Пукак, и мне казалось, что очертания ее вершины необычно подчеркивались под светло-голубым небом. Как-то яснели будто угрюмые и обессиленные улицы и дома.

На улице было полно людей. С трудом верилось, что всего лишь несколько часов назад они переживали всякие обиды и тяготы, как заключенные в камере.

Казалось, вдруг на мрачных улицах Сеула сосредоточились все лучи, как во сне. Но это был не сон, а действительность. Все пространство Сеула наполняли лучи Солнца нации – Полководца Ким Ир Сена, как заря.

Это была такая великая действительность, во что трудно верить мне, юной девушке. У меня словно прерывало дыхание от пульсов новой жизни, которой раньше никогда не испытывала, от надежды на новый свет, где не жила никак.

На самом деле, с поражением Японии была освобождена страна, но на ее Юге все оставалось прежним. Вместо японцев хозяйничали американцы, к власти пришли прояпонские и проамериканские элементы.

За 5 лет после освобождения страны 15 августа 1945 года в Сеуле ничего не изменилось. На улице перед горой Нам только был сделан подземный переход и возле него разбит фонтан. А они скоро превратились в трущобы нищих. Увеличилось только число ресторанов, кафе и ночных клубов с вывесками на английском языке, американских военных баз и казарм.

Однако с освобождением Народной Армией Сеула все изменилось, наступил новый свет. С освобождением города новый свет каждую минуту и каждый день менял свой облик. Уже красовались доски с надписью «Народный комитет», на крышах развевались флаги КНДР. Были созданы органы народной власти, общественные организации, а также проводились народные мероприятия, которые быстро преисполнили жизнь людей радостью.

Убежали американские оккупанты и реакционеры, и все в городе стало принадлежностью народу. В учебных заведениях было создано самоуправление, вернулись преподаватели, бросавшиеся за решетку, и учащиеся, отчислявшиеся за демонстрацию в знак протеста.

Лучи Солнца просочились и в жизнь женщин, переживавших всякие жизненные тяготы для одной пачки риса.

По дороге в школу я видела, что одна женщина, неся на голове тяжелый мешок с рисом, шла легкой походкой, а вслед за ней следовал около десятилетний мальчик, у которого на спине тоже лежал мешок с рисом.

– О Док, быстрей за мной, – повернув голову назад, торопила сына мать.

– Ой, как тяжело, – бормотал мальчик.

Женщина попросила меня помогать сложить ношу и говорила:

– Не могу поверить и сейчас. Народная власть раздала нам так большое количество риса. У меня пятеро детей. Часто осыпала их бранью, зачем они так родились на свет презренными. А сегодня нам выдали так много риса и за их долю. – На ее лице играла улыбка от радости.

Помогая мальчику, я вместе с ними поднималась по откосу холма до поселка Ымдаль, где находится их дом. В этом поселке, что у подножия горы Нам, после освобождения страны все больше появилось хижин. И мне так жалко было его обитателей, что я сознательно не хотела обратить свой взгляд на них.

– И этот поселок с хижинами, я уверяю вас, скоро снесут. – Поднимаясь на холм, она с улыбкой добавила: – Народная власть, несомненно, не оставит его таковым.

Когда мы дошли до околицы поселка, из общего крана на переулке доносились шумные голоса:

– Вот смотри, идет вода струями!

– Что? Вода идет?!

Опустив мешок, мать О Дока взяла у одной женщины черпак и пила воды глотками.

– Это воды «подарила» нам народная власть? – спросила она.

– Да. Говорят, открыли водопроводную трубку, проложенную сюда.

С несдержанной радостью мать О Дока взирала на небо, выговаривая:

– Это, может, Полководец Ким Ир Сен распорядился снабжать водой нас, бедняков! Теперь мы будем счастливо жить на новом свете! Ха, ха, ха!

Слезливые восторги женщин низших слоев, которые от нужды сводили концы с концами, глубоко тронули меня.

«Ой, наконец закончилась “темная ночь” над этой землей!» – воскликнула я про себя.

Перед нами взошло великое и яркое Солнце! То Солнце – спаситель нации Полководец Ким Ир Сен! Под его лучами открылась новая эпоха, новая жизнь, новый свет. Окрыленная солнечными лучами, я буду рождаться новым человеком.

Первый шаг

Как я тогда сделала правильный выбор и прошла достойным путем!

И сейчас я иногда не без гордости окидываю мыслен-

ным взором свой жизненный путь, по которому достойно прошла, юной девушкой осознав назначение времени.

У человека разные жизненные пути. В зависимости от того, какой выбор делают и каким путем идут, люди живут разными судьбами. Одни, неправильно сделав первый шаг, всю жизнь живут бесплодно, а другие, поддавшись на соблазны, до конца не идут по своему правильному пути и на полпути повертываются обратно.

На собственном опыте жизни я поняла, что судьба человека решается не каким-то сверхчеловеческим существом, а своим выбором. Оглядываясь назад, я могу сказать, что мой достойный путь жизни начался с освобождением Сеула 28 июня 1950 года.

Южнокорейская марионеточная армия зажгла фитиль войны против Севера и, намереваясь одним махом поглотить его, напала на него, но встретила решительный отпор Народной Армии и начала обратно отступать на юг.

Уже до улиц Южной Кореи, стонавшей под деспотическим режимом марионеточной власти и растоптанной ботинками американских оккупантов, доносился грохот канонады Народной Армии.

Остатки разбитой марионеточной армии все толпой убежали на юг. Везде и всюду раздались горькие стоны, создалась полная неразбериха.

Народноармейцы уже преодолели перевал Мэари? Землю потрясали гулы гусениц танков, далеко доносились

победные кличи.

Не сдерживая себя, я встала с постели и вышла на улицу, покрывавшуюся предрассветной мглой. Сердце мое учащенно билось от несказанного волнения, как будто в кромешной тьме застала огонек. Все приближающиеся гулкие звуки, как симфония, вещающая мне новую судьбу, быстро долетели до моих ушей, овладели моим сердцем.

Чувствуя невольно выступившие на глаза слезы, я подумала: «И моя судьба, и моя новая, долгожданная жизнь начнется только теперь!»

Бальзамин в моей душе, который безнадежно увядал на земле, где все гнило из-за упадочнических тенденций, расцветал во всю с освобождением Сеула под руководством великого Полководца Ким Ир Сена.

Моя старшая сестра училась в Токсонской женской гимназии. А она, считаясь одним из организаторов ученической забастовки, подвергалась постоянному преследованию. Но ночью под одеялом учила меня «Песне о Полководце Ким Ир Сене», шепотом рассказывала мне о поразительной действительности на Севере, как о легенде.

Пхеньян, где находится Полководец Ким Ир Сен, для меня всегда был маяком надежды. И в страдальные, и в горестные дни он освещал, как утренняя звезда, мою душу. А вот армия Полководца Ким Ир Сена, уничтожая свору злодеев, лавиной наступала.

Это отнюдь не был сон. У меня кровь кипела. «Надо,

чтобы лучи Солнца нации – Ким Ир Сена дошли до края Южного моря. Что мне сейчас делать, каким путем идти? Да, буду делать, чтобы лучи великого Полководца озарили всю территорию Родины. Пусть убьют меня десять, сто раз, я буду идти только одним путем, следуя за ним. Вместе с народноармейцами, присланными Полководцем, я должна встать на священную войну за освобождение Родины. Меня на этот путь зовет Полководец. Это путь верного служения ему!» – кричала моя душа.

И я первой вступила в ряды добровольческого отряда. Тогда на площадке Рихваской женской гимназии было полно народу. Все они вызывались вступить в добровольческий отряд. Было естественно, что здесь собрались пылающие справедливостью юноши и девушки.

Проводилась несложная процедура для добровольцев. Офицер спросил меня:

– Сколько вам лет? Что? 18 лет?.. Дата рождения – 31-е число декабря. Значит, тебе пока 17 лет.

У меня екнуло сердце, но все-таки меня записали в список.

В день отправления я заметила старшую сестру в рядах офицеров, идущих по улице, и окликнула ее. Она уже вступила в Народную Армию, на ее плечах сияли погоны младшего лейтенанта. Час прощания был короток.

– Мы никогда не погибнем. Поняла? Ведь у нас здесь есть своя вера, – положив руки на грудь, говорила сестра.

Мы с ней так разошлись. Тогда я не могла все понять

смысл ее слов. Но в дни священной борьбы за Родину я всем телом испытывала, что у меня в сердце преисполнено какой-то веры. Так у меня в глубине души поселилась твердая вера в великого Полководца Ким Ир Сена.

Я впервые слышала о нем в детстве. В летние вечера старики поселка собирались во дворе и, сидя на соломенном мате и выкуривая комаров, часто рассказывали о Полководце, который в горах Пэкту бьет японских захватчиков. Их легендарные рассказы, как утренняя звезда, волновали меня, юную девочку. Мое уважение к нему, которое так зародилось с детства, более углублялось с моим ростом.

И сейчас живо помню, что, лежа на траве у дороги в школу и смотря в небо, по-своему представляла себе дорогой образ Полководца Ким Ир Сена.

Тогда мне казалось, что Полководец не далеко, а очень близко зовет меня на путь наступления на Юг, в ряды славных бойцов. Так я, как указывал он, сделала первые шаги солдата.

Под ливнем пуль и снарядов я всем сердцем чувствовала чудесную силу, вселяющую гордость народноармейца, веру в победу и уверенность в будущем. Ее источником была незыблемая вера в то, что мы, ведомые Полководцем Ким Ир Сеном, всегда непобедимы и ничто на свете не возьмет нас.

Вот с этой верой я могла смело преодолевать грань смерти сотни раз.

Первая ночь медсестры

Начало всех дел, думаю, всегда оставляет глубокую память.

Моя военная служба как медсестры началась с ночным дежурством. Впервые ухаживая за ранеными, мне пришлось всю ночь трудиться: не было никакого опыта, все дела мне были непривычны.

В конце июля 1950 года Народная Армия, уничтожая врагов, стремительно наступала на юг. За наступающими частями и я выходила на фронт в сильном волнении.

И наш лазарет продвигался на юг. В самом разгаре лета, в последней декаде июля он расположился в одной из деревень у подножия горы Чирён.

Только сняв с плеч вещмешки, мы сразу взялись за уход за ранеными по взводам.

Лазарет находился в километрах 12 от рубежа, где бой шел в разгаре, но до него часто доносились орудийный гул и взрывы, потрясающие горы и поля. От этого мы всем телом чувствовали ожесточенность войны.

Мои раненые лежали в одном из помещений небольшого деревянного здания, использовавшегося как общественное здание для собраний. Все они, раненные в бою, мучились от боли.

А вдруг один из раненых ухнул от нестерпимой боли.

К нему немедленно подбежали начальник лазарета и другие военврачи. Сразу был созван консилиум, перенесли его в операционную.

У медсестры, отдежурившей день, я слышала о нем. По ее словам, в кровяной повязке на ноге нашлась записка от имени бойцов его роты. В ней было написано: он, заместитель взводного, один сражался с 30 врагами и героически отстоял свою позицию. Они настоятельно попросили обязательно восстановить его раненные ноги и вернуть обратно в роту его целым.

А прошел уже час после того, как доставили его в операционную, но он еще не возвращался. У двери в операционную я с нетерпением ждала его. Наконец раскрылась дверь, и из нее вышла медсестра с длинным белым свертком на руках.

– Как больной? Все в порядке? – спросила я.

– Ему повезло. Он чуть было не лишился жизни.

– Теперь я могу успокоиться. Ведь у него обрезали сгноенное место, – с облегчением сказала я.

А она с досадой мельком взглянула мне в лицо.

– Обрезали?.. Как лучше было бы, если бы было так! Но у него отрезали ноги до бедренного сустава.

– Что?! Отрезали? – невольно переспросила я с удивлением.

А та, передавая мне завернутую в простыню вещь, поспешно говорила:

– Ну, держи-ка ее и постой здесь. Я пойду за лопатой.

– А что это?

– Что? Отрезанные ноги.

– ?!

От испуга я судорожно тряслась всем телом. От страха я чуть не уронила сверток. И губы, и ноги дрожали сильно.

Между тем операционная медсестра бежала за лопатой, а я, держа на руках завернутые в простыню длинные ноги, холодела от ужаса. Казалось, отрезанные ноги вот-вот вскочат и ударят меня.

Однако я не могла опустить их на землю. Мне думалось, что такое поведение вроде дает раненого в обиду, да и оно недопустимо для медсестры и не отвечает ее обязанностям.

Я, плотно закрыв глаза, в ужасе все держала на руках окоченелые ноги. Мне было так страшно, казалось, сама стояла перед мертвыми. Скоро послышались шаги.

– Идите за мной! – говорила она.

Я шла вслед за ней и за горой, в темноватом месте опустила тот сверток. Операционная медсестра начала копать землю. Уловив страх на моем лице, она спросила:

– Ну, тебе страшно? Ничего, скоро ты привыкнешь.

– …

Она закопала ноги в яму и даже утоптала землю. По-видимому, она уже привыкла к этому делу. Страх от того, что я держала отрезанные ноги на руках, не сразу снимался с руки и груди.

Тут открылась дверь в операционную, обратно перено-

сили на носилках раненого в палату. Он не стенал, лежал как мертвый, от невыносимой боли после операции иногда стискивал зубы.

Ненадолго я стояла у его койки и взглядывала ему в лицо. «Ой, как он может дальше жить без ног?» – огорчилась я. По щекам незаметно для себя текли слезы. Тут из другой койки доносился стон. Я быстро подошла туда.

– Товарищ, что с вами? На что жалуетесь? – нежно спросила я и, положив руку на его лоб, успокаивала: – Держитесь, сделали вам укол с новокаином, и скоро вам будет лучше.

От высокого жара его глаза тускнели, как у больного малютки, он все еще бывал в бреду. Хотелось бы как-нибудь утолить его боль.

Но я не решилась снова идти к ночной дежурной – старшей медсестре. Незадолго заметив, что тот больной очень страдал, я боялась, как бы он не умрет, и попросила ее сделать ему укол, чтобы успокоить его. И в него ввели новокаин. А как я могу опять обратиться к ней?.. Но я все-таки снова обратилась к старшей медсестре. Она вопросительно смотрела на меня.

– Товарищ старшая медсестра, тот больной… ему уже сделали инъекцию. А он от невыносимой боли все страдает. Разрешите еще раз сделать ему инъекцию! – смело попросила я.

– Ты что?

– Я...

Она некоторое время смотрела на меня непонятным взглядом и тихо говорила:

– Ты же медсестра. Тебе надо знать в определенной мере. Нельзя всю ночь не раз делать ему укол с новокаином. Иди и успокой его чем-нибудь другим способом.

– Слушаюсь. Разрешите идти?

Сделав под козырек, я обернулась. Направлялась в палату, но мне было досадно. «Другим способом? Каким?» Я очень сожалела, что плохо знает о таком же способе, пока не усвоила способность утолять боль раненого без инъекции и лекарств. Однако я знала только об одном, т. е. о том, что больным эффективно помогает милосердие.

Когда я вошла в палату, тот раненый смотрел на меня с ожиданием. Я опустилась у его изголовья и прижала губы к его горячему лбу. Мне вспомнилось, что раньше мать так делала, чтобы узнать температуру у младшего брата.

– У вас еще высокая температура. Товарищ, знаете, частое применение новокаина привлекает невосполнимые последствия. Крепко держите мою ладонь, как мамину, и закройте глаза. Пожалуйста! – предложила я.

Мой голос звучал так нежно, как голос мамы, убаюкивающей больного ребенка.

Я то легко поглаживала его по голове с растрепанными волосами, то ладонью ласкала по покрасневшим от жара щекам. Тускло горел огонек светильника на гильзе, повешенной

на стойке помещения, скоро слышалось ровное дыхание больного, видимо, он заснул. Я испустила облегченный вздох.

Кругом царила мертвая тишина. Откуда-то печально доносился грустный плач птицы. Тут раненый пожилых лет с повязкой на голове, повернувшись в мою сторону, предложил мне хоть немного сомкнуть глаза. Я ему улыбнулась с благодарностью. Но я, ночная дежурная, не могла уснуть.

Я подумала: «Заботиться о дорогих соратниках, которые получили ранение, сражаясь за Родину, понимать их боль и заменять им родную сестру, мать – это действительно почетная боевая задача. Сейчас все они здесь лежат и стенают, но восстановить их здоровье и обратно вернуть в строй не менее важно, чем боевое задание у воинов других родов армии».

Вдруг мой взор остановился на больном, у кого ампутировали ноги. «А ведь он больше не может стоять в боевых рядах!» Тут он приглушенным тоненьким голосом обратился ко мне:

– Сестренка!

– Я здесь. Сейчас! – Я быстро подошла к нему. – Вы уже проснулись!

Я нежно пожимала его обессиленные и недвижимые руки. Хотелось говорить что-то теплое, но не сразу нашла нужных слов.

– Почему опять ноги так ноют? – жаловался он. – Передвиньте их, пожалуйста.

Он еще не знал, что у него ампутировали ноги. Он перепросил подвинуть их. «Разве у него есть ли ноги?» Но он еще раз обессиленным голосом умолял. Я не могла отказаться от его просьбы, и спешила с ответом:

– Конечно. Я помогу вам!

Я приподняла простыню. Вмиг у меня вздрогнули руки. Под ней не было ног, показалась только часть перевязанных его бедер. Я чуть не издавала вопль. Не ожидала, что у него отрезали обе ноги. Никакими словами нельзя было выразить мой испуг. Значит, я незадолго держала на руках не одну, а две ноги? Какая беда! Злые враги отняли у этого отважного бойца две ноги. Я прикрыла его простыней и, проглатывая слезы, выбежала из палаты. От нестерпимой досады заплакала.

Тогда старшая медсестра приходила в нашу палату и, заметив меня, удивленно спросила:

– Зачем ты плачешь? В чем дело?

– Товарищ старшая медсестра! Как же вы так могли? Отрезали у него обе ноги…

– Другого способа не было. Все-таки мы были обязаны спасти его от верной смерти… – от волнения не договорила она.

Я с переживанием жаловалась:

– А как же мне делать? Тот больной все жалуется на ноги, просит подвинуть их.

– Понятно. Он, может, не знает, что у него отрезали ноги. Пока не скажи ему об этом. Хорошо? Пока нельзя! –

Стирая слезы с моего лица, она продолжала: – Все это из-за врагов. Ну, перестань плакать. Скоро ты должна пересиливать более огромную печаль и огорчение. Поняла?

Я кивнула головой, вслед за ней вошла в палату. Тот больной с закрытыми глазами тоненьким голосом вымолвил:

– Не могу терпеть боль на ногах. Прошу подвинуть их.

Старшая медсестра с добротой ответила:

– Товарищ, ну, давайте передвинем ноги. После операции, естественно, больно. Но через день или два постепенно пройдет боль. Теперь пора сделать тебе укол.

И она ввела в него обезболивающее средство. Спустя немного больной погрузился в сон.

Скоро за окнами палаты начало рассветать. Ушла первая ночь с ранеными, и началось утро с новым боевым заданием.

Так началась моя военная служба, протекли тяжелые дни ухаживания за больными, что трудно выражать никакими словами.

Впоследствии я, не замечая смену дня и ночи, увлекалась уходом за ранеными, и постепенно у меня накоплялось вместе с опытом много познаний о медицинских требованиях при лечении больного, о лекарствах, ранах, их лечении и рецептах.

Однако для нас, медсестер, это было не все. Постепенно я познала: и во-первых, и во-вторых, и в-третьих, надо проявлять такие милосердие и самоотверженную любовь к больным, какие у их родных матерей и сестер, а также выработать

в себе ответственность и обязанность непременно восстановить раненых и обратно вернуть в свою часть.

Огонек на поле боя

В самом деле, медсестрам нелегко достается случай, когда сами могут выйти на поле боя, своими глазами видеть и участвовать в боях.

Вступая в армию, я так хотела, как мужчины, с винтовкой в руке наступать на юг, а иначе хотя бы с носилками пройти сквозь огонь. Но им, медсестрам, как я, трудно ожидать этого.

Как-то женщин-солдат расставляли согласно их слабости в лазареты дивизии, полевые или тыловые госпитали. В батальонных и полковых медсанбатах обычно служили мужчины.

Однако иногда бывают случаи, когда и мы, девушки, должны бежать по полю боя под градом пуль и снарядов.

Первая декада августа 1950 года. Перед больничной палатой, на доске часто помещалась информация о боевых успехах народноармейцев, наступающих на юг, радуя нас, медсестер и раненых: «Освобожден Ёнчхон! Освобожден Исон!..»

Летом того года как никогда было жарко. Зато ожидался невиданный зимний мороз.

В один из жарких дней к нам прибежал очень моло-

денький связной, весь мокрый в поте, с артиллерийского дивизиона, расположенного недалеко от нас на высоте.

Он сказал, что вражескими артобстрелами унесло медсанбат в одно мгновение, и не осталось ни одного бинта, ни капли зеленки, поэтому он пришел за ними. По его словам, первая батарея его дивизиона выдвинулась на этот рубеж по приказу дивизии. Вчера всю ночь она на артиллерийских тягачах вышла на назначенный рубеж. Выкапывая артиллерийские позиции, бойцы еще не успели позавтракать, а появились вражеские танки.

Не зная, что за ночь позиции заняла батарея Народной Армии, враги спокойно продвигались вперед и, неожиданно встретив сокрушительный удар, убежали. Но они не бросили атаковать, под прикрытием артиллерии снова хлынули танки.

Артиллеристы разлетались от взрывной волны, получили ранение осколками, но они не прекращали нацеливаться на вражеские танки и подбивать их. Под метким выстрелом из наших пушек враги, оставив множество трупов, отошли снова.

Однако наша батарея тоже понесла потери: погибли наводчик и подносчик снарядов, вражескими снарядами разбилась артиллерийская панорама. В батарее целым осталось лишь одно орудие.

И связной торопил: «Дайте мне, пожалуйста, медикаменты. Я не имею права держаться здесь».

В ту минуту нам так хотелось сами выйти на ту бата-

рею, которая вела тяжелый бой, и вместе с бойцами участвовать в нем.

Старшая медсестра донесла начальнику лазарета об этом и повелела нам скорее готовить для него вещмешок с медикаментами.

Девушки нашего отделения бежали к аптекарскому складу и процедурной, а я предлагала связному флягу с прохладной родниковой водой. Вдруг у меня в голове мелькнула одна идея, и я шепотом подсказала старшей медсестре:

– Товарищ старшая медсестра! Давайте сначала отпустим связного без медикаментов, а мы сами возьмем их на высоту. Как по-вашему? До нее отсюда недалеко…

Сразу же ее глаза сверкали радостью.

Мне тогда помнилось, что когда-то она говорила о своем намерении выйти на поле боя, и я предложила это.

Старшая медсестра, получив от начальника согласие, вернула обратно связного. Он взял в вещмешке только несколько яблок, собранных нами на горе за лазаретом. И мы трое – старшая медсестра, я и одна девушка нашего отделения – поспешно собирались уйти на высоту. Взяв с собой не только медикаменты, но и свежие дыни, присланные местными жителями раненым, скоро мы тронулись в путь.

Санитарная сумка, как часть моего тела, всегда, где бы я ни находилась, висела у меня на одном боку. «Поездка» на высоту, что, говорят, находится в километрах 12 от нас, как-то приподнимала наше настроение, а предстоящая

встреча с бойцами на ней торопила нас с шагами. Раньше мы ни разу не побывали на поле боя, и оно с такой чудесной силой притянуло нас к себе.

Эта высота была невысокая, но она для противника была важным пунктом, что нельзя потерять. От высоты к югу простираются широкие поля, и лишишься ее – отойдешь далеко до сотен километров. И враги так не раз выступали на контрнаступление. Они не займут высоты – уступят площадь в сотни километров, а мы защитим ее – приобретем ту площадь.

По дороге на фронт мчались автомобили с военными материалами, поднимая пыль.

Выйдя за околицу какого-то села, мы только что повернулись в узкую дорожку возле пруда, а резко раздались металлические взвизги вражеских самолетов, уже обрушилась пулеметная очередь.

– Воздух! Воздух! – крича навстречу мчащемуся автомобилю, мы скрылись в лесу.

Нагруженный патронными ящиками автомобиль, укрываясь от воздушного налета, чуть приостановился с тормозами, а тут по нему хлестали пулеметные трассы. Вмиг автомобильный кузов был охвачен огнем. В эту минуту с кабины спрыгнул лейтенант, который быстро нес горящий ящик на плече и выбросил его в пруд. Потом он свалился с себя, больше не встал. А кто-то водил автомобиль под дерево у обочины.

Возле сваленного офицера уже была старшая медсестра. И мы вслед за ней побежали к нему. Из его бедра, порезанного, скорее, осколком, фонтаном брызгала кровь. Старшая медсестра оказала ему первую помощь и крикнула нам:

– Ребята, быстрей переносите этого раненого вон туда!

– Что вы говорите, девушка? Оставьте меня, – возразил офицер. – Мне надо вытащить патронный ящик из пруда!

– Патронный ящик? Вам нельзя! – оборвала его она.

– Что? Мне надо выполнять задание. Это не твое дело! – Искажая лицо от боли, он пытался ползти к пруду.

– Ребята, живо переносите его, пожалуйста!

Мы попытались нести его на спине. Но он, ладонями сильно оттолкнув мою спину, просительно говорил:

– Товарищи, послушайте, я должен вытащить этот ящик и послать его на фронт!

– Хватит! Говорите, будто вы один выполняете боевое задание.

И у него брови дергались от обиды:

– Что? Ладно. Я всю жизнь не забуду тебя с двумя косами. Черт!

Его, обессиленного, мы несли на спине у дороги. Тут из автомобиля вышел ефрейтор, кажущийся его помощником, и прибегал к нам.

Мы вместе с ним стали поискать ящик в пруде. Наконец нашли его и стащили с грязи. И посадили раненого в другой автомобиль и отправили в лазарет вместе с медсестрой.

А вдруг недалеко от нас, из высоты доносились оглушительные взрывы, будто поглощающие все звуки вокруг. Вот и начался бой.

Мы изо всех сил побежали к высоте на передовой. В вечерних сумерках наконец добрались до артиллерийской позиции. А орудие молчало, впереди было видно, что приближались вражеские танки.

Мы быстро открыли вещмешки, выложили медикаменты на станину пушки и уставились на поле боя. Тут к нам прибежал санитар с повязкой со знаком красного крестика на рукаве. Положив в сумку бинты настолько, насколько попали в руки, он громко сказал:

– Сегодня организовали группу охотников танков. Сейчас они впереди, устроили засаду. – И он еще бежал куда-то.

Раздавливая землю гусеницами, головной танк приближался. Откуда-то появился боец с бинтом на голове, засидевший в засаде, и метко бросил противотанковую гранату. Разбитый танк, кругом повертываясь набок, остановился. Но из него бешено стреляли из пулемета. Тот боец упал на землю. Из-за подбитого танка виднелся еще один танк. Боец с противотанковой гранатой бросился к нему – вмиг железная громада вместе с взрывным гулом была охвачена огнем.

Откуда ни возьмись, бойцы, наготове держа винтовки со штыками, с возгласом «ура» устремились вперед развернутым строем. На широком поле не прекращались трески пуль, во мгле перекрещивались трассирующие очереди.

Вслед за бойцами, выступающими на контратаку, мы тоже бежали за ранеными. Санитары дивизиона с носилками в руках, стремительно пробегая мимо нас, кричали:

– Вы вернитесь на свое место! Здесь вам не место!

– Что вы говорите?! – возражала я и бегала за ранеными.

В негустой темноте лежал вниз лицом один боец. Повернув его вверх лицом, я распахнула гимнастерку и приложила ухо к его груди. Слышалось слабое биение сердца. От радости я воскликнула:

– Он жив, жив!

Я индивидуальным бинтом туго перевязала его окровавленные руку и ногу, чтобы по всей возможности остановить кровотечение.

– Давайте носилки! Где носилки? – выкрикнула я.

Прибежали носильщики. Я снова оглядывалась вокруг. Там, у воронки виднелся черный силуэт человека. Подбежав к нему, я хотела разглядывать его лицо, но он уткнулся лицом в землю. На его вытянутой набок руке часы испускали ярко-зеленоватый свет, слышались тиканья секундной стрелки. Я прижала его к себе – внезапно перепугалась. Это был труп убитого солдата марионеточной армии Южной Кореи.

Ночью того дня, поспешно прочесывая все поле боя, я искала раненых, переносила их на спине на артиллерийскую позицию у выступа горы, прощупывая раны, перевязывала и оказывала им первую помощь.

Между тем боевой строй уже продвинулся далеко вперед, издали раздавались победные возгласы. Казалось, постепенно затихали выстрелы. Вдруг меня охватывала забота о старшей медсестре. Я совсем забывала о ней. Где она? Я кричала во все стороны:

– Товарищ старшая медсестра! Товарищ старшая медсестра!

Но не было ответа. А тут в той стороне поля боя мелькал огонек, привлекая мой взгляд к себе. Я бежала туда, остановилась как вкопанная. Старшая медсестра, повесив карманный фонарик на ветку дерева, переливала свою кровь раненому.

– Товарищ старшая медсестра!.. – Со слезами на глазах больше я не вымолвила слова.

Но она, как бы не слышала ничего, сосредоточивала все нервы, чтобы не шевелилась игла шприца, вколотая в кровеносный сосуд раненого. Только после конца своего дела у нее испустился облегченный вздох.

– Слава Богу, я вовремя нашла его. Ну, помоги мне нести его на спине, быстро!

Я хотела бы удержать старшую медсестру, но она уже носила окровавленного бойца на спине и бежала вперед. Тот боец подбил последний вражеский танк и упал на землю. А тут его нога оторвалась гусеницами танка, из нее ручьем хлестала кровь. Нельзя было ни на минуту замедлиться.

Ночью того дня мы, перенося его на носилках, преодолели

12 километров. Когда мы добрались до лазарета, старшая медсестра выглядела очень жалко. Лицо все в поте и слезах, покрасневшие глаза, растрепанные волосы, разорванные на коленях штаны, запятнанная кровью гимнастерка…

Увидев ее, удивлялись все командиры лазарета. Казалось, она впала в транс. Когда переносили раненого на носилках в реанимационную, она хрипловатым голосом попросила:

– Надо обязательно спасти его от смерти… Обязательно!

Своими глазами увидев, что положили раненого на койку в реанимационной, она с облегчением вздохнула и, потеряв сознание, свалилась на том же месте. Чтобы спасти раненого, нуждающегося в неотложной помощи, она так напряженно работала, что дошла до такого состояния. С тыльной стороны ладони старшей медсестры, лежащей на столе для медосмотра, текла кровь. Кожа руки была разорвана, по-видимому, осколком бомбы, на трещине уже свернулась кровь.

«Ой, как же она такими руками могла поднять носилки?!» – очень удивилась я.

Впоследствии, в дни службы в госпитале я часто помнила тот огонек на поле боя. Каждый раз, представляя себе образ старшей медсестры той ночью, я набиралась энергии и бодрости, старалась работать с такой самоотверженностью и сердечностью, с какой она отдала раненому даже свою кровь.

Впечатление от «поездки» того дня на высоту у меня в душе сохранилось как никогда не забываемые боевые вспоминания, бесценное сокровище.

ПРЕОДОЛЕВАЯ ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Три дня в санитарном вагоне

В одной из книг об Отечественной освободительной войне было записано:

«Под руководством товарища Ким Ир Сена соединения, подведомственные командованию фронта КНА, в срок со средины по конец сентября 1950 года на рубеже реки Рактон отбили крупномасштабное наступление империалистов США.

Перед стремительным наступлением героической Народной Армии американские войска терпели поражение за поражением и наконец стиснулись только в узком районе южнее от реки Рактон. Оказавшись в опасности полного разгрома, они пытались любой ценой восстановить безжалостно подорванный свой престиж и во что бы то ни стало добиться цели агрессии против Кореи. И они перешли в отчаянное генеральное наступление, мобилизовав на него свои сухопутные войска, ВМС и ВВС в тихоокеанском регионе, часть средиземноморского флота, даже военные корабли в резерве и войска 15 государств-сателлитов.

Только на оборону реки Рактон были переброшены в об-

щей сложности более 228 290 человек, 1500 самолетов, тысячи наземных пушек, сотни танков и военных кораблей…»

Но в то время наши бойцы, сражавшиеся на рубеже реки Рактон под огненным ливнем, не могли знать такие потрясающие цифры.

Ужасающие раны и налитые кровью глаза раненых, из полков и дивизии доставленных в полевой госпиталь, давали нам всем телом ощущать ожесточенность боев.

Натянутая атмосфера в лазарете, сомкнутые губы командиров намекали, что боевая ситуация на фронте изменялась к худшему.

Как-то наша группа из 4 человек, организованная для эвакуации раненых, села на кузов автомобиля, идущего на фронт, и возвращалась в часть. Наша санитарная машина сгорела при ночной бомбежке, и мы, неся раненых на спине, преодолели 12 километров до назначенного места и передали их.

На рассвете лессовая дорога в сосновом бору, идущая в нашу часть, была окутана туманом. Откуда-то слышался глухой гул канонады. Я спросила Ын Сук, старшую группы, идущую рядом со мной:

– Как будет? Получится, как мы попросили?

Но от нее не было ответа. Казалось, какая-то тяжесть давила меня, и я молчала. Перед эвакуацией раненых мы настоятельно попросили начальника лазарета:

– Товарищ начальник, скажите, почему мы всегда должны только идти назад? На следующий раз направите

нас на передовую.

Это для нас, всех четырех членов группы, было горячее желание, искренняя просьба. Конечно, в армии все проводится только по приказам, но все-таки не исключается и возможность упорно требовать или попросить. И мы упросили начальника лазарета передать командиру части о нашей просьбе.

Когда мы вошли в палатку командного пункта, офицеры, наклонившись над картой, развернутой на деревянном столе, находили какой-то пункт. Как бы дожидаясь нашего прихода, начальник лазарета торопливо подходил к нам.

– Товарищ начальник, наша группа…

Прервав рапорт старшей группы, он низким, но отчетливым голосом проговорил:

– Ребята, молодцы! Благодарю вас за выполнение задачи! Мы сейчас вас ждали. Вам некогда отдохнуть. Вы сразу же должны уехать в эвакуационном эшелоне. Поняли?

– А где поезд?

– Не беспокойтесь! Поезд, свезший на передовую военные материалы, сейчас ожидает там, перед въездом в железнодорожный туннель.

Читая удивление в наших глазах, начальник лазарета начал рассказывать о фронтовых обстоятельствах.

На фронте создалось серьезное положение. Мобилизуя даже и «войска ООН», враги перешли в контрнаступление. И часть должна была срочно выступать на новый рубеж, по-

этому надо было поездом эвакуировать раненых до назначенного места и передать их. По его словам, с учетом такой обстановки на фронте Верховный Главнокомандующий отдал приказ о временном стратегическом отступлении.

От его неожиданных слов мы очень удивились: «Значит, нам надо отступить назад?!» Не верилось это, но надо было верить.

Мне вспомнилось, как только недавно мы обрадовались, слыша информацию о том, что враги были загнаны до Пусана на краю Корейского полуострова.

– Но мы отходим назад не просто, а стратегически для большей победы, – подчеркнул начальник лазарета.

Вся часть торопилась. Одни уехали на новый рубеж, а другие собрались эвакуировать на поезде раненых в тыл.

Поезд стоял перед въездом в железнодорожный туннель и давал гудки, как бы торопясь с отъездом. У железных дорог хлопотало много людей. Торопливо уносили в вагоны раненых с повозок и носилок.

Наша группа переносила завернутое в простыню толокно, бочки с водой, санитарные коробки, деревянные ящики с бинтами и стерильной марлей, вещмешки в кабину для служебного персонала в вагоне, прицепленном к хвосту эшелона.

Бок Сир всегда брала на себя самую тяжелую вещь. И в этот раз она несла бочку на голове, даже не удерживая ее руками, большими шагами поднималась по лестнице в вагон-кухню. Она так активно помогала нам поднести багажи.

– Значит, война дала мне возможность ехать на поезде. Как хорошо, ребята! – нарочно балагурила она, показывая улыбку на простодушном и широковатом лице.

Тут загудел паровоз. Мы спрыгнули с вагона, глядели в сторону дороги до боли глаз. Скоро появился джип, выходили из него командир части и начальник лазарета.

– Товарищ командир, – доложила старшая группы, сделав под козырек, – эвакуационный эшелон готов к отъезду. Разрешите отправиться? Старшая группы Чо Ын Сук.

Командир сильно пожал нам руки.

– Ребята, – заговорил он, – я услышал от начальника лазарета о вашем желании. Но часть решила снова отправить вас назад. Я уверен, что вы отправляетесь в трудный путь, но хорошо выполните порученное боевое задание.

На это мы бодро ответили:

– Служу Отечеству!

У командира глаза повлажнели. И он подчеркнуто спросил нас:

– Хочу задавать вам, уходящим, вопрос. Вы знаете, что значат слова «Служу Отечеству»?

Мысль вертелась в голове, но старшая группы так и не ответила. И я про себя подумала над ответом.

– Ну, ладно, ребята! Отправляйтесь. Ответ буду слушать после. Ясно?

– Слушаюсь!

Старшая группы вынула из-под ремня красный флажок

и размахивала им. И паровоз дал длинные гудки.

Нарушая утреннюю тишину, поезд несся вперед. В переднем грузном вагоне находились легкораненые, за которых ответила Ми Сон, а в пассажирском – тяжелораненые, за которыми ухаживали я и Бок Сир.

До назначенного места можно было дойти за сутки, и мы взяли с собой лишь небольшое количество толокна, фляги и полевые кружки. Туго было с медикаментами, так что мы оставили в части как можно больше растворов для инъекций и лекарств. В наших санитарных коробках со знаком красного крестика были лишь морфий, камфара, бинты и стерильная марля.

Раненые здесь стенали не только от боли. Их нервы более больно, чем раны, раздражала мысль о том, что сами едут в тыл, оставив позади сражающихся товарищей и пылающие высоты.

– Сестренка, зачем вы все время увозите меня назад? Здесь нельзя лечить меня?.. – звучал недовольный голос раненого. Он с повязкой на лбу и руке, приподнимая голову с постели, обратился к нам: – Ну, мы, как видите, раненые, и вы считаете нас дураками? Зачем вы берете нас только назад?!

В его недовольном тоне звучала его невыразимая грусть.

– Наши ребята ценою крови перешли реку Рактон… Они громили вражеские танки, чтобы не уступить ни пяди земли… А, товарищи!..

На его налитых кровью глазах выступили слезы, и он

отворачивался на бок. Тут старый раненый, успокаивая всех, предложил:

– Ну, хватит! Девушка, пойте нам, пожалуйста, песню. У меня на душе смутно… Непонятно, почему враги разбили именно походную кухню нашей роты!.. Кто же за меня стоял бы на том месте?..

Его взгляд просил Бок Сир петь песню. Она всегда не отказывалась ни от какой просьбы раненых, не поворачивала лицом к их требованиям. Показывая улыбку на простодушном лице, встала с места и стала петь «Землю мы пашем весной». Когда она закончила спеть, старый раненый спросил:

– Песня пахнет землей! Раньше ты занималась земледелием?

– Пахнет землей? У вас чутье острое.

На хмурившихся лицах раненых, по-видимому, показывалась оживленность.

Мы вместе со старшей группы ходили между ранеными, наблюдая за их состоянием. А тут перед глазами произошел удивительный случай, что с трудом верилось. Вынули у раненого термометр и увидели его показания, и у нас сразу же расширились глаза. Зрачки, как бы окаменели, остановились на шкале термометра. Температура была так высокая, что не хватало шкалы термометра. Лицо раненого от высокого жара стало темным, губы трескались, как кора сосны. Место ранения на груди чернело от сильного нагноения.

– Давай антибиотики! Живо!

На торопливый голос старшей группы я бежала в задний вагон и рылась во всех коробках, но не было антибиотического раствора. Нет, его не могло быть. У меня их было несколько, но перед уходом я щедро оставила их в части, выступающей на новый рубеж.

Я растерялась, в глазах потемнело. Перед моим взором мелькало черневшее лицо того раненого, бродящего от жара на грани жизни и смерти, и сердитое лицо старшей группы. А тут у двери неожиданно появилась она, следовал ее торопливый голос:

– Чего ты мешкаешь? Зачем ты рассеянно стоишь?

Однако она сразу обо всем догадалась. С ее глаз каплями катились слезы от сожаления:

– Ах, что же я натворила? Я сама должна была взять медикаменты… Чего я доверила тебе это дело?..

От своей непоправимой оплошности ей было столь досадно. И, взяв флакон соляной кислоты, выбежала к раненому.

Схватившись за свою грудь, я не знала от растерянности, как делать. Было страшно даже и подумать о том, какую невозвратимую оплошность я допустила. «Если раненый умрет?..» Постигшие меня опасения я сознательно отрицала. Если бы можно было достать этот препарат, я хотела бы отдавать и мою жизнь. «А где же можно взять его?»

Мои глаза устремились на мелькающие за окном горы и поля. А вдруг эта местность чем-то была знакома мне. Мой взор привлекал дугообразный каменный мостик через ру-

чейку. Вспоминала я, что 2 года назад, в летние каникулы я вместе с подругой погостили у ее дяди и через тот мостик бежали на лугу рвать цветы.

Уже высунула часть тела из тамбура, зря суетилась, будто собираясь прыгнуть из вагона. А, как бы понимая меня, эшелон вошел на платформу и, громыхая, остановился. Неизвестно откуда взявшаяся старшая крикнула вперед:

– Чего эшелон остановился?

– Надо дополнить водой из водонапорной башни.

Как говорится, из любого кризиса есть выход. Я торопливо объясняла старшей: «Недалеко отсюда находится больница “Инчжэ”. Его хозяина я хорошо знаю. У него можно взять антибиотики».

Я уже перешла железные дороги, спешно бежала по дороге перед вокзалом к больнице. Была разрушена часть ограды, но все-таки висела вывеска больницы «Инчжэ». Распахнув дверь, я громко спросила:

– Есть кто-нибудь?

На мой торопливый и запыхающийся голос открыл дверь пожилой мужчина. Он с расширенными глазами смотрел на меня.

– Слава Богу, вы как раз в больнице, – радостно крикнула я.

– А как ты здесь?

– Мы сейчас эвакуируем раненых, у нас, к сожалению, кончились антибиотики… И раненый умирает… Есть ли у вас антибиотики?

– Ну, да! Но…

Он торопливо вошел в помещение, где стоит аптечный шкаф. Мои глаза обратились на ящики шкафа, где рылся он. В одной коробочке остались растворы для инъекций. Я быстро захватила их.

– Дядя, дайте мне это, – от радости дрожал мой голос.

А тут из-за шкафа неожиданно появился какой-то мужчина. Длинные волосы, страшно сверкающие глаза… С сильного испуга я взвизгнула.

– Нельзя тебе давать эти препараты. Отдай… Там, в горной пещере болеет мой человек, – бросил тот.

Я, крепко держа их в руке, бросила на него злобный взгляд.

– Сука, значит, ты эвакуируешь? Тоже думала, что нашему свету уже был конец?

Хозяин больницы, дрожа от страха, обвел руками.

– Не надо, пожалуйста! Дайте ему препараты, прошу тебя…

Но я еще крепче держала их в руках. Он хотел набрасываться на меня, а я бросила в его лицо стеклянную бутылочку, лежащую рядом. А вдруг раздался выстрел. И он, схватившись за свое плечо, перепрыгнул через ограду и убежал.

В этот критический момент на помощь мне прибежала старшая группы. Сразу взяв меня за руку, она бежала к станции. Однако там не было эшелона. На территории станции уже было пусто, лишь валялись в беспорядке листы бумаги.

Увидев плаксивое выражение на моем лице, старшая утешала меня: «Эшелон, наверняка, скрылся от бомбежки, но с наступлением темноты он вернется назад».

Мы изо всех сил побежали вперед. Абсолютное чувство своей обязанности – как можно скорее сделать раненому укол и любым способом непременно спасти его из верной смерти, более торопило вперед наши шаги.

Но от недоедания и усталости я больше не могла удержаться на ногах, и грузно опустилась на рельсы. На меня устремился молчаливый взор старшей. В темноте она по откосу железнодорожной насыпи спустилась в огород и принесла мне дыню с кулак.

– Вот всего две. Ешь, пожалуйста!

Я сразу положила дыню в рот, жадно кусала ее.

– И вы покушайте! – говорила я, щупая ее руки. Но в ее руке не было ничего.

Мы снова встали, бежали по рельсам. А впереди было слышно громыхание колес поезда, и к нам двигался задом его громадный корпус. Из него доносились озабоченные крики наших ребят: «Товарищ старшая!», «Чхун Ок!»

– Ребята, мы здесь!

Остановился эшелон, и к нам прибежали Бок Сир, Ми Сон вместе с несколькими ранеными и машинистом. Мы со слезами на глазах обняли друг друга.

–Товарищ, простите нас, – плаксивым голосом извинилась перед машинистом старшая группы.

– Я не взял бы раненых и женщин…

– На войне всякое бывает. Прошу понимать нас.

– Ну, скорее отправимся. Бок Сир, как больной себя чувствует?

А старшая медсестра поспешно побежала к эшелону и уже вскочила в вагон.

Той ночью мы делали укол раненому, страдавшему высокой температурой от гноения, с сочувствием сидели у его изголовья до рассвета.

Болезнь лечится не только лекарствами. От других раненых услышав, как ради его жизни старшая группы и медсестра бродят где-то по незнакомому поселку в поисках лекарств, он получил сильное душевное потрясение. У него гаснувшее сердце оживало. Боль пересилила воля остаться в живых, пока медсестры не вернутся.

– Товарищ старшая, спасибо большое! Вы спасли мою жизнь, – выговорил тот со слезами.

Его слова трогали нас до того, что мы не могли сдержать слезы. «Он был жив! Не умрет!.. Какое это благородное дело!» Я крепко сжала его руки в моих маленьких руках.

Каждый раз, когда в памяти всплывал тот опасный случай в больнице «Инчжэ», я нарочно старалась забыть его. И на вопросы раненых, как достали лекарства, я отвечала, что просто взяла их из больницы. Не хотела рассказать о том, что уже появились реакционеры.

Прошла первая ночь в эшелоне, и уже рассветало. С рас-

светом нас снова тревожил возможный налет вражеских самолетов. Что еще сегодня будет?

Снимая с себя усталость от бессонной ночи, я вышла на тамбур. «Сегодня мы непременно доберемся до назначенного места. Там, может быть, с нетерпением ждут нас. Не случилось ли что-нибудь с частью?» Вдруг вспомнилось, что было только перед отъездом. В ушах все еще звучали наши ответы: «Служу Отечеству!» Перед глазами всплывало доброе лицо командира части, который спросил, в чем заключается суть этих слов «Служу Отечеству!» Вдруг откуда-то доносился моторный гул самолетов.

– Воздух! – крикнула я, а пулеметные пули уже с визгом втыкались между рельсами. Позади нас взрывались бомбы, и эшелон заволокло пороховым дымом.

Но, как говорится, собака лает – караван идет. Наш эшелон стремительно мчался навстречу вражеским стервятникам. К счастью, он благополучно прошел бомбежное крещение.

Хотя поздно, но мы раздавали раненым пищу на завтрак и впервые после отъезда собрались в заднем вагоне. Попили воды с толокном, затем развязали вещмешки, чтобы искать в них материалы для повязки. Уже кончились запасные бинты, которые мы взяли с отъездом, и мы не могли заменить нескольким раненым пропитанные кровью и гноем бинты новыми.

– Ребята, у меня есть идеальный заменитель бинта! – проговорила Бок Сир.

Мы с Ми Сон заглянули в ее вещевой мешок. А она достала из него аккуратно сложенный шелковый платок.

– Надо же, это не шелковый платок? – Я отрадно развернула его, а из него упало на пол что-то. – Ой! Это же цветистые носки для младенца?!

От удивления мы не оторвали от них свой взгляд. Ми Сон, улыбаясь миндалевидными глазами, лукаво говорила:

– Мы с вами – женщины, конечно, выйдем замуж, родим детей. А Бок Сир уже думает о тех днях. Хорошо, после войны выйди замуж, роди крепкого сына…

И мы катались со смеху. Я, подойдя ближе к Бок Сир, расспрашивала:

– Бок Сир, откуда у тебя эти цветистые носки? Ну? Скажи, не скрывай!

От неловкости у нее лицо покраснело, она заговорила:

– Ах, да! Это для нашего малыша!

– Что?! У тебя есть ребенок? Ты врешь!..

Но Бок Сир качала головой. Ой, какая неожиданность! Мы были очень ошеломлены: «В самом деле, Бок Сир замужняя женщина?!»

У меня сердце трепетало от слишком сильного толчка. Решив осведомить старшую об этом, зашла к ней. Как раз она читала что-то вроде письма, качая головой, как будто не понимает.

Взяв ее за руку, я привела ее к нам, в задний вагон. Входя в него, она с удивлением увидела цветистые носки в ру-

ках Бок Сир и вдруг взяла их у нее. И с недовольным видом, глядя на нее, упрекала:

– Бок Сир, почему раньше ты об этом не говорила нам ни одного слова?.. Как ты тоскуешь о малыше!

Бок Сир ласкательно целовала и целовала носки.

– Прости меня, Бок Сир. – На глазах у старшей навернулись слезы. – Я так и не знала, как все мы собрались в этом строю.

Тогда Бок Сир начала рассказывать.

В день, когда ребенку исполняется годик, она, неся его на спине, отправилась в уездный город, в фотоателье, по дороге услышала о начале войны. Скоро муж ушел на фронт, и она всю ночь не могла заснуть, думая, что нельзя потерять этот благодатный свет. И оставила ребенка у своих родителей, сделала себе короткую прическу и покинула родной край.

Рассказ Бок Сир, простой женщины, так растрогал нас, что мы с трудом глотали слезы. Тут старшая вынула из-за пазухи какое-то письмо. По ее словам, один из раненых попросил ее передать тете Бок Сир, если она будет в полевом госпитале, а она с уверенностью ответила, что там есть Бок Сир, но она не тетя. И она передала то письмо Бок Сир. Взяв трепаное письмо у нее, Бок Сир заглянула и уткнула лицо в него.

– Бок Сир, на фронте все письма читают вместе. Давай читать нам. Ну, давай!

Мы просили ее так упорно, что она убежала в угол. Вдруг послышались металлические взвизги пикирующих самолетов.

– Воздух! Воздух! – крикнула старшая, побежав к тамбуру. – Идите к раненым!

Мы бежали в свои вагоны. И, как бы заключая в свои объятия всех раненых, с широко распахнутыми руками наклонились над ними.

– Ах, как жаль! Было бы у меня ружье – стреляла бы в них! – доносился из тамбура досадливый голос старшей.

Пулеметная очередь с самолета хлестала по эшелону. На тамбур выбежала Бок Сир.

– Товарищ старшая, опасно! Вернитесь!

Прозвучал острый упрек. И я побежала туда. А вражеский самолет, повернув курс, плавно улетал. Взяв осколки у ног старшей, я сетовала:

– Видите, вы погибли бы! Вам нельзя забывать, что вы начальник эвакуационного эшелона.

Признаваясь, что чуть было не умерла, она делала виноватый вид. И Бок Сир, косясь на меня, бросила:

– Зачем ты говоришь о смерти? Говорят, пуля боится смелого человека.

– Бок Сир, ты хочешь дожить до ста лет? – шутила я.

Старшая, сравнивая нас с только что цветущими цветами, с улыбкой добавила, что пока нам рано умирать.

– Товарищ старшая, вы говорите, что мы только что

цветущие цветы?! Очень, очень мне нравятся эти слова, – засмеялась Бок Сир, и ее смех заразил всех нас.

И в трудных условиях смех никак не покидал женщин. А тот самолет, который, мы думали, совсем улетел, снова пикировал с верхушки горы. «Ох, может быть что-то страшное!..» В эту минуту все, предчувствуя приближение опасного момента, ощущали лишь колебания поезда.

Паровоз, собираясь с последними силами, по опасному железнодорожному пути гнал вагоны вперед к туннелю и наконец забился в него. У всех из горла испускался длинный выдох облегчения.

Однако беда была под носом. Ведь последний вагон, заменявший нам «кухню» и «тыловую базу», остался за туннелем. Вражеский самолет, уже заметив его, снова пикировал. Тут мы видели, что из вагона выбрасывали вещмешки, ящики с медикаментами. Это была Бок Сир.

– Бок Сир, беги оттуда, быстро!

Но в этот момент сотряс бомбовый взрыв, вспыхнуло пламя.

В тот день, стараясь отцепить горящий последний вагон, многие люди получили ожог. Снимая раскаленную сцепную ось, машинист и даже его помощник не ощутили, что обжигают себе руки и ноги.

В огневом дыме мы искали Бок Сир, но ее уже слетело с вагона. Сердце женщины, которая мечтала много и всегда улыбалась светло, перестало биться.

Никакими словами я не могу описать скорбь и горе того времени.

В тот день в вагоне мы прощались с покойной. Все мы собрались перед ее обгорелым вещмешком, где сохраняются цветистые носки для ребенка. В вагоне царила атмосфера прискорбия, печали и горечи от утраты.

– Ой, сестренка, ты так уходишь из жизни?.. – Старый раненый, попросивший петь, не сдерживал навернувшиеся слезы.

Со слезами всхлипывая, старшая группы произнесла прощальные слова. И вынула из ее кармана то письмо, которое муж написал на фронте:

– Бок Сир, не прочитав и это письмо, так ушла в последний путь…

В вагоне низко звучал дрожащий от скорби голос старшей, которая читала письмо.

В нем (тогда то письмо я взяла для хранения, а впоследствии в дни ожесточенных боев, к сожалению, потеряла его) писалось:

«Дорогая моя, я слышал, что ты оставила Бом И у родителей и ушла на фронт. Как я рад! Очень тоскую по ликбезу, где мы с тобой впервые учились родной письменности, и по двору родного дома, где играла милая доченька. А американцы, недооценивая корейцев, набросились на нас…

Когда отгремит война, на родном краю построим детские ясли с 30 помещениями, как мечтала ты, и создадим

фруктовый сад…»

Медсестра Бок Сир так ушла от нас. Утрата была неутешная, но нам надо было еще тронуться в путь. Нельзя было все время укрыться в туннеле.

Старшая вместе со мной пошли к паровозу. Помощник машиниста, лежа на груде угля, стонал от обожженных рук, а машинист, ухватившись за раненное плечо, сидел за рукояткой управления.

– Ну, поехали! Угля мы подбросим в топку. – И старшая уже взяла в руки большую лопату с угловатым лезвием.

Тут помощник сердито крикнул:

– Сами засыпаете уголь? Это не женское дело. Нельзя!

– Почему женщинам нельзя делать это? Где же такой закон? – возразила я. – Мы вдвоем делаем с углем, и поехали быстро, товарищи!

И машинист попросил нас с силой тянуть к себе клапан гудка. Я сделала, как он повелел, – раздались гудки. Наконец поезд снова тронулся.

Мы со старшей засыпали уголь в топку без передышки. Какой жалкий вид был у старшей! Все тело в поту, гимнастерка запачкана углем и потом, с фуражки свешены спутанные волосы, на одну из двух кос нависла резиновая тесемка…

Мы выбивались из сил, порой с лязгом пустой лопатой ударяли о рамы топки. У нас силы иссякли, но мы, стиснув зубы, старались до последней силы.

А тут впереди кто-то, стоя на железных дорогах, махал

одеждой, крича: «Здесь прерван путь». Расслабившись от его слов, мы грузно опустились на рельсы.

Отсюда до пункта передачи было недалеко, но не было путей связи. И средства связи поезда уже были поломаны. Старшая подумала о выходе.

К ней подбежала Ми Сон и смело сказала, что сама отлично умеет ездить верхом, так что сможет сходить в пункт передачи, если будет только лошадь.

У нас не было другого выхода. К нам подошел тот старик, махавший нам своей одеждой. Мы попросили: где-нибудь не найдется ли лошадь? К удивлению, он легко ответил, что может, и бегом спустился по откосу железнодорожной насыпи. Спустя немного он вернулся с лошадью. Он сказал, что в этой местности для телеги используют больше лошадей, чем быки. Где-то, за горой с грохотом взорвалась бомба, как гремел гром.

– Товарищ старшая, разрешите мне, ефрейтору Чон Ми Сон, сходить в пункт передачи для связи.

– Ты непременно должна вернуться! Как можно скорее! – Старшая крепко обняла ее.

Я теплым взглядом провожала ее. Ее лошадь скакала стрелой по лессовой дороге, протянутой вдоль железнодорожного пути. Я долго не сводила глаз с нее, все удаляющейся одной точкой от нас.

Ми Сон родилась в одном из высокогорных районов провинции Северный Пхёнъан, где находилась животно-

водческая ферма. Там, работая с лошадями, она мечтала стать поэтессой, всегда любила одна думать о чем-то и разговаривать с собой.

После того как узнала, что она, работая на ферме, мечтала быть поэтессой, я почему-то хотела никогда не говорить, что и сама люблю литературу, и делала вид, будто я не сведущая в этом виде искусства. Тогда я, в самом деле, хотела, чтобы из нас только она одна гордилась своей литературой и поэзией.

Очень завидовала я ее жизни на ферме, где она родилась и росла. Мне казалось, что обширная степь фермы дала ей мечтать стать поэтессой. Для меня, считавшей школу совокупностью моей жизни, ее жизнь как неизвестный мир вызвала у меня огромный интерес.

Через немногим больше двух часов появилась лошадь с Ми Сон. Она, разбрасывая гриву, мчалась по полям. Вслед за ней к эвакуационному эшелону спешно следовали повозки и солдаты с носилками. Их командир подошел к нам.

– Товарищ офицер! Эвакуационный эшелон… – до конца не могла доложить старшая группы, у нее комок подступил к горлу.

– Товарищи!.. – Офицер крепко обнял всех нас.

Скоро переносили раненых на повозках и носилках по горной тропе к высоте 800.

Молча глядя на железные дороги, мы думали о пройденном трудном пути, и глаза у нас повлажнели. На этом пути мы потеряли Бок Сир, служили Родине до последней воз-

можности. Теперь мы смогли гордо ответить на вопрос, в чем заключается суть слов «Служу Отечеству!» «Когда встречусь с командиром части, буду отвечать: служить Отечеству – это означает считать Родину дороже своей жизни», – подумала я.

Делая поход по горной тропинке, мы встретили отступающую часть.

С тех пор утекло много воды, но никак не забывается трехдневная поездка в эвакуационном эшелоне, из памяти не изглаживаются образы моих боевых товарищей тех дней. С течением времени они будут оставаться в глубине моего сердца.

Ночь на 38-й параллели

Издали слышался гулкий грохот канонады. Уже высадившись в Инчхоне, американские войска яростно стреляли из дальнобойных орудий по Сеулу.

Раньше отправив раненых вместе с некоторыми силами части, бойцы нашего подразделения наконец начали временное стратегическое отступление на север. Позади нас, в Сеуле оборонительные части еще вели ожесточенные бои. Перед походом главврач госпиталя тихонько, но подчеркнуто говорил:

– Как и вам известно, американские войска высадились в Инчхоне и сейчас уже продвинулись до окраины Сеула. По требованию изменившейся обстановки мы будем отхо-

дить стратегически и временно. За стратегическим отступлением непременно будет новое наступление. Мы обязательно перейдем на новое наступление…

Артиллерийские тягачи, санитарные машины, женщины, дети, старики – все шли на север. Солнце уже ушло к западу, перед нами появился поселок с каштановыми деревьями.

Как только была подана команда на привал, бойцы спешно кушали колобки вареного риса, брякали крышки котелков. Колодец кишел людьми.

И мы расположились возле забора и кушали колобки вареного риса, которые взяли перед походом. А тут из-за забора вышел ребенок, который поднял на руках таз с вареным бататом. Держа один батат в руке, я глядела в ночное небо. Из-за горной вершины на востоке восходила луна, как застенчивая девушка.

Спустя немного раздалась громкая стартовая команда. Откуда-то доносился грохот канонады, нарушая ночную тишину. Над головой чувствовались металлические взвизги бомбардировщиков, прилетающих на ночной налет. Но мы еще двинулись вперед. Послышался низкий, но четкий голос начальника госпиталя:

– Ребята, когда именно над нами будет луна, мы, может, окажемся на 38-й параллели.

У меня сердце колотилось, как неумолкаемо бушующие волны. Скоро я ступлю на ту проклятую 38-ю параллель,

которая проволочными заграждениями разделила нашу нацию надвое и причинила ей боль раскола. Вот из-за этой проклятой линии были разорваны кровные узы родных, началась трагическая история раскола нации.

Когда стало ясно поражение Японии во Второй мировой войне, американцы, замышляя превратить Корею в военную базу для захвата материка, составили «прекрасный вариант» для осуществления своего черного замысла. По нему в Корее 38-я параллель стала рубежом ответственности СССР и США за зону разоружения японских войск. Так 38-я параллель явилась лишь временной разграничительной линией для послевоенного разрешения вопроса капитуляции Японии.

Впоследствии советские войска, выполнив свою миссию, вернулись в свою страну, но американские войска, не пролившие ни одной капли крови для освобождения Кореи, высадились в Инчхоне и превратили Южную Корею в свою военную базу.

Тогда о 38-й параллели я имела только такое представление. В сплетении запутанных чувств у меня в груди что-то стало бушевать, как будто скоро оно взорвется.

Все приближалась 38-я параллель – среди отступающих не слышалось никакого говора. Вдруг тишину нарушил голос: «Вот 38-я параллель!» Там высоко росли травы, от непривычных звуков шагов пугались и разлетались насекомые, ночные птицы летали, громко плакали. Травы, как растрепанные волосы, шумели от ветра. Мы все шага-

ли тропинкой, вдоль ней валялись остатки проволочных заграждений и столбы.

Вдруг мне вспомнились друзья и учителя из нашей гимназии, вступившие в добровольческий отряд. «Они тоже сейчас, наверное, пойдут на север, хотя мы с ними служат в разных частях. Гиль Соб, Ли Чхоль Хи, Пак Бок Сун, Ван Сон Хва и Пак Ын Сук, Чвэ Ан из нашего класса, учитель-художник и скульптор Ю Чин Мён, Чон Он Нё, ученица младшего класса Ли Ран У…»

Наконец мы уже, казалось, перешли 38-ю параллель. Впереди послышались радостные голоса.

Там, из леса вышли несколько воинов во главе с офицером, которые подбежали к нам. Они, по-видимому, пришли из развернутой в районе 38-й параллели части Народной Армии.

– Очень приятно с вами увидеться.

Меня охватили радость и восторг: «О, вот я оказалась на Севере!» По щекам неудержимо текли радостные слезы.

В сумерках рассвета воины, особенно в длиннополых шинелях до щиколотки, трясли нам руки. Это солдаты Охранных войск в районе 38-й параллели, стоявшие на посту всю ночь, тепло встретили нас.

Я оглянулась на пройденный путь. «Сколько сотен километров мы с юга проходили сюда!» – подумала я. От чувства облегчения, что я, преодолев трудности и испытания, наконец вступила на Север, меня, чудилось, клонило ко сну.

– Ребята, там вас ждет ночлег.

Бойцы охранного отряда проводили нас туда. Ночь в зоне 38-й параллели так медленно проходила с наступлением рассвета.

Неожиданные обстоятельства

Я, состоявшая в свежесформированной части, получив задание по эвакуации раненых, садилась в поезд. Отправившись от Пхеньяна, эшелон мчался к Сунчхону.

Внимания всех сосредоточивались на воздушном полете. Все хлопотали: и то в открытое оконце вагона следили за небом, и то заменяли раненым бинт, и то ухаживали за больными в горячке. А вдруг поезд остановился у поворота горы, недалеко от Сунчхона.

– Разрушены железные дороги! – впереди выкрикнул железнодорожник, махая красным флажком.

Из вагона уже сестры и раненые торопились выходить. На железнодорожной насыпи новый незнакомый командир громко командовал:

– Всем послушать! Уносите раненых вон туда, в церковь! Быстрей, надо спешить. Командиры рот, взводов и отделений, вы поняли меня?

– Да, слушаюсь.

– Так точно.

Слышались тут и там звонкие ответы.

– Ребята, быстрей в церковь!.. Вражеские самолеты могут налетать на нас… – выговорила нам комвзвод, подбегая к двери вагона.

Из вагона спускали носилки, а внизу она поддерживала их передние ручки. Носильщики уже спустились с насыпи и быстро бежали к церкви. Раненые, способные передвинуться, плечом к плечу, хромая, шли туда. Взяв двух раненых под руки, я, спотыкаясь о грядки, прямой дорогой пошла в церковь. Только через час мы смогли опустить всех больных из вагона.

На верхушке треугольной крыши церкви крест, делая печальный вид, зачернел под серым небом. Широкий зал Сунчхонской церкви с паркетным полом скоро превратился в палату. Мы, медсестры, уже разбегались в разные стороны, приносили снопы соломы на голове и спине, застилали ими пол и укладывали больных.

Мы не знали, до какого времени будем здесь, в церкви. Знали только одно: будем до нового приказа. Тогда нам неизвестно было, откуда передали этих раненых нам, какое ранение у них и каковы их фамилия и имя. Просто нас свела с ними товарищеская обязанность: мы, медсестры, должны заменить им родную мать, родную сестру.

Я тоже принесла сноп соломы на голове, раскрыла его на паркетном полу и пыталась приподнять раненого, чтобы туда уложить его. А он махал руками, отказываясь от этого:

– Сестренка, я могу терпеть. Перенесите других.

Налитые кровью глаза глядели на нас:

– Меня? Мне лучше здесь, на деревянном полу. Положите там другого, чтобы он не чувствовал рану на жестком месте.

Они так уступили друг другу принесенный мною последний сноп соломы, и наконец соломы были разостланы под спиной молоденького солдата с перевязанными ногами.

Так проходил день, другой. Эшелон дальше не ехал, все еще стоял здесь, в Сунчхоне. Неспокойное и тревожное выражение на опаленных лицах командиров части намекало, что перед нами будет больше трудностей. Изменяющиеся каждую минуту обстоятельства требовали от нас, каждого солдата, преждевременно готовиться ко всему даже и без команды.

Странно в течение 3 дней было спокойно, на небе не было видно ни одного вражеского самолета. Эта тишина предсказывала нам что-то опасное.

Наш эшелон по-прежнему стоял, как будто прилип к рельсам, но не прилетели стервятники. Неужели у них иссякли бомбы? Ведь раньше они, не оставляя нас в покое, налетали на нас, как коршун на добычу, сбрасывали бомбы и стреляли из пулемета.

На следующий день, ранним утром была подана команда о боевой тревоге. Мы, не сняв обувь и фуражки, лежали в углу палаты, так что сразу встали на ноги.

– Ребята, срочная ситуация. По информации ожидается

новая попытка противника. Нам надо быстрее выйти за пределы Сунчхона. Первой и второй ротам – увезти тяжелых больных на повозках! Сейчас отправимся! – приказал командир части.

В церкви торопились все. Уже были готовы повозки, на них спешно переложили тяжелых больных.

– В путь! – побежав вперед, крикнул кто-то.

Уже повозки, громыхая, тронулись в путь, возле них сестры с носилками на руке стали идти быстрыми шагами. Но еще оставалось много больных. Все они встали с соломенного пола, опираясь на костыли, их глаза сверкали гневом.

– Враги, кажется, задумывают новую гнусную затею. Тишина всегда означала атаку!

– А надо быстрее уйти из Сунчхона?

– Не планируют ли они высадку десанта здесь?

Как бы забыли, что сами были ранены, они хотели сразу же уйти на ожесточенный бой, скрипели зубами, глаза сверкали яростью.

– Черт, чего враги хотят? Ничего, мы готовы к смертельному бою.

Когда я слышала их, вдруг откуда-то доносился гул мотора самолета. В миг все насторожились.

– Посмотри, там самолетов много, не один!

Уже они скопились у открытой двери церкви. И я глядела в небо:

– Раз, два, три, четыре…

– Ребята, – побежав к нам, кричала командир взвода, – скоро высадится парашютный десант. Быстрей к горам, помоги раненым!

Мы, каждая поддерживая двух-трех больных, вышли на улицу. А какая беда! Над нами кружили вражеские самолеты по всему небу. Как же нам выбраться в этой обстановке?..

– Чего ты замедляешься? К горе быстрей! – торопил меня командир.

Команда, как особое оружие, имела абсолютную силу. Нам надо было во что бы то ни стало увезти раненых под этими злыми стервятниками.

Невысокая гора лежала вон там, за сравнительно широким полем. Поддерживая больных, я через дорогу бежала кукурузным жнивьем. Тут и там кучей стояли снопы сухих стеблей кукурузы. Взяв больных за руку, бегом шла, изменяя направление от одной к другой куче. Стягивала, падала, кричала…

Вражеские самолеты кружили так низко, что нам было видно морды летчиков. Редко стрекотала пулеметная очередь с самолета, но мы, разбегающиеся растерянно, по-видимому, не были их целью. Казалось, они хотели мощью авиации подавить большее сопротивление на суше.

Мимо последней кучи кукурузных стеблей нам вместе с ранеными удалось дойти до подножия горы. Там и сям наши ребята, запыхаясь, с трудом таскали больных.

Широкое воздушное пространство был охвачен гулом самолетов, гудело в ушах, ничего не слышалось.

Незнакомый офицер спускался со склона горы, подходил к нам. Его фуражка и спина была покрыта маскировочной сетью с травинками. Он, лейтенант по воинскому званию, повелительным тоном сказал нам, сидящим с одышкой:

– Товарищи, сейчас вражеские самолеты так кружили над нами, чтобы подавить наземный огонь для высадки своих десантников. И нужно быстрей выбраться из этого района. Скоро здесь будет ожесточенный бой.

Оказалось, это был офицер оборонительной части, которая спряталась в засаде и ждет того часа боя с парашютно-десантными войсками. Тем временем к нам подбежал командир нашей части и командовал:

– В путь!

Мы по горной тропинке направились на север. Шли и шли. Между молочными облаками сияло солнце. Казалось, уже наступил полдень. Позади слышались трески выстрелов, и я остановилась, оглядывалась назад. Вдали, в небе разлетались черные точки и блестели искры. Это сбрасывались вражеские парашютные десантники.

Именно тут наши народноармейцы начали бой, чтобы до последней души разом уничтожить врагов на воздухе.

– Смотрите, наши бьют вражеских парашютистов!

– Они, наверное, намеревались отрезать нас от тыла и за-

гнать отступающих бойцов в район реки Чхончхон. Но нельзя! Ни в коем случае!..

Командир роты (я пока не знала его имени) торопил нас:

– Ребята, наверно, вам трудно. Но надо идти. Нужно быстро перейти реку Чхончхон.

Шагая, он снял с плеч лентовидный мешок, вынул горсть риса. Положив в рот раненых по нескольким зернышкам риса, он бодрил:

– Ребята, большие трудности будут впереди… Давайте наберемся сил!

Мы, жуя сырой рис, безмолвно шагали вперед. «Да. Нас ждут большие трудности!» – подумала я. А тут больной, которого поддерживала я, упал было. Я повернула спину к нему и предложила:

– Как вам больно на боку! Давайте на мою спину, пожалуйста!

А его широковатые ладони толкнули меня в сторону. Высвободившись из моих рук, он, сжав губы, с трудом делал шаг за шагом.

Когда шел ожесточенный бой с вражескими десантниками, мы вместе с ранеными направились к месту назначения по горной тропинке.

Наша часть шла вперед, а за нами народноармейцы сражались мужественно. Мы твердо верили, что наши доблестные бойцы обязательно разобьют врагов, срывая их гнусные попытки. Эта вера облегчила наши шаги вперед.

Кромешная тьма на реке Чхончхон

Несколько лет назад у нас, писателей Творческого объединения «Корейский киносценарий», была организована экскурсия на Выставку дружбы между народами в горах Мёхян.

Прохладный воздух из окна поезда освежал нас, которые в летний день отправились на путешествие. За окнами проплывали зеленые горы и поля.

Бросив внимательный взгляд за окно, я старалась найти что-то знакомое. Когда поезд переходил реки или речки, мои глаза бегали по берегам.

В какой-то книге читала я, что река Чхончхон, берущая свой исток в юго-западном подножии горы Ранрим, течет по ущелью Мёхянсанского горного хребта к юго-западу и вливается в Западное море. И на пути путешествия на горы Мёхян мне хотелось снова увидеть то незабываемое место на берегу реки Чхончхон, где была я в дни войны.

Но я так и не могла найти то место на берегу реки Чхончхон, где нам удалось переправиться в кромешной тьме.

На карте железнодорожный мост через реку Чхончхон обозначен только в Анчжу… Значит, тогда мы перешли эту реку по железнодорожному мосту в Анчжу?..

В середине октября 1950 года «ооновские войска» под командованием Уоркера захватили Пхеньян. Они дальше продвигались на север, грязными сапогами растаптывая территорию нашей Республики.

В то время главари американских войск цинично заявляли, что до Рождества полностью уничтожат Корейскую Народную Армию на рубежах рек Амнок и Туман. А Ли Сын Ман нелепо обещал наградить орденом того, кто первым дойдет до реки Амнок или Туман и принесет ему воды из них.

Как маленький щенок не боится тигра, враги, подкрепленные пушками и танками, наступали на Север, мечтая об «окружении на реке Чхончхон». С часами сгущалась темнота. Уже недалеко, за горой раздавались грохот канонады и гулкий звон моторов танков.

Мы вместе с ранеными дошли до реки Чхончхон, но не смогли скоро переправиться через нее. На ехавшие мимо нас машины, джипы и повозки мы посадили хоть одного или двух раненых независимо от того, что в них есть свободные места или нет.

– Неужели здесь нет моста? – нервно бормотал кто-то.

– Говорят, мост прерван вражеской бомбежкой.

Иные смело вступали в реку, собираясь переправиться через нее.

«У нас была бы хоть соломенная веревка! И она помогала бы нам переправить наших больных!» – сообразила я.

Выйдя с дороги, я бежала к поселку, где разбрасывались избы. Бросились мне в глаза соломенные веревки, разграничившие огороды у них. Смотав намного, я пыталась срезать их, но не могла, и зубами разорвала, затем быстро бежала к реке.

А тут откуда-то налетели на нас вражеские самолеты. Береги реки потрясли оглушительные бомбежки, с пламенем что-то летало на воздух.

– Попали в лодку! – поспешно кричал кто-то.

Запыхаясь, я обратилась к ним:

– Ребята, посмотрите сюда. У меня соломенная веревка.

Во мгле кто-то схватил ее у меня. Это был командир роты. Он, пуская в воду бревна, крикнул:

– Ребята, берите за бревна и быстро переходите реку… Завяжите веревкой пояса раненых с бревнами. Держите веревку, ну быстрее!

Остальным раненым помогали умеющие плавать медсестры, чтобы они переплывали реку, опираясь на бревна.

Теперь гул гусеницы танков уже слышался не за горой, а недалеко, в ущелье. Как всю землю вокруг нас поглотила кромешная тьма, нам ничего было не видно. Откуда ни возьмись, собирались большие фигуры мужчин.

– Ребята, готовимся к оборонительному бою. Дадим отпор противнику, – звучал чей-то резкий голос. – Те, кто будет участвовать в бою, быстро туда, на гору! Вы, сестры, идите за этим бойцом!

В темноте кто-то звонким голосом командовал:

– Девушки, за мной вперед!

По срочной команде мы во мраке рядами стали бежать за ним. Никто из нас не знал, кто командовал, где и как надо переправиться через реку, но все бежали за ним.

Но я не могла успокоиться. Все так хотелось узнать, перейдем ли мы реку за эту ночь. «Раненые, которые переплыли без нас, на том берегу ждут нас…» И я крикнула вперед:

– Товарищ командир, разрешите спросить?

– Что?

– Мы будем переходить реку за ночь?

Мой голос звучал так резко, как бы катясь по всему строю.

– Кто спрашивает? Мы перейдем железнодорожный мост.

Только тогда я сознала, что мы сейчас бежим вдоль берега реки.

Над нами во тьме бушевал сильный ветер, как бы унося тяжелые тучи, недалеко от нас заревел лес. Не могли знать, сколько пробежали, но мы ощутили ногами, что с берега поднимаемся по покатой дамбе. Наконец поднялись на железнодорожную насыпь. Строй на минуту остановился, тут и там запыхались.

– Теперь мы перейдем железнодорожный мост. По обе стороны моста нет перил. В одну колонну!

Во мраке мы расширенными глазами хотели заметить хотя бы очертания моста, но не было видно даже и своего носа.

– Ничего не вижу. А как же перейти?.. – слышался дрожащий голос.

– Неуверенные в себе оставайтесь! Запомните: если хоть один из нас неправильно ступит или упадет с моста, все мы – бах в воду! – предупредил командир.

Я то и дело кусала дрожащие губы, стараясь пересилить страх в душе. «Хоть умри, я обязательно перейду. Нельзя здесь на полпути отстать. Ведь я уже преодолела сотни километров вслед за Полководцем?! Нельзя! Перейдем! Надо перейти!..» В тот момент в голове, как молния, блеснула мысль: «Промежуток между шпалами равный. Может быть, между ними сантиметров 30? Значит, надо делать ровный прыжок».

Уже впереди другие ровно перепрыгивали с одной на другую шпалу: «Раз, два, раз, два…» Я потихоньку делала шаг за шагом, пока не ступила на шпалу. Впереди меня кто-то подсказал:

– Сделай первый шаг!

Я в растерянности ступала на первую шпалу и переступала дальше:

– Раз, два! Раз, два!

Все мои нервы, чутье, мозг ощущали одни только шпалы под ногами. Как сказал командир, хоть и один из нас оступился бы на шпалу или перепрыгнул бы не по такту –

следующие за ним навалились бы друг на друга и все упали бы в бушующую реку. «Да. Надо идти вперед, ступая на шпалы, по такту, без малейшей ошибки. Если оступлюсь, то я слечу вниз со шпалы. Но ничего! Мешок на спине помешал бы мне упасть в реку…»

Из моих уст неизменно пошла команда: «Раз, два, раз, два…» Вдруг в небе сгустились дождевые облака, загремел оглушительный гром, сверкала молния. Дождь начал лить крупными струями, хлестал по фуражке и лицу. А под нами бушевала река, поднимая волны.

И сейчас не могу понять, с какой силой мы в кромешной тьме преодолели такой опасный железнодорожный мост. Тогда тот железнодорожный мост казался мне очень длинным. Это, очевидно, был длинный мост.

– Вот и я перешла!.. – слышался голос спереди.

И я наконец перешла мост, уже чувствовала ногами гравий между шпалами, но по-прежнему размеренно переступала под командой: «Раз, два, раз, два». Во мгле кто-то дергал меня за руку:

– Теперь наземные железные дороги!

Вмиг из моих глаз хлынули горячие слезы, как будто накопленное в душе чувство сразу же вышло наружу с ними. Слезы, сливаясь с крупными каплями дождя, струями текли по лицу, по груди. Одновременно меня охватили невыразимые радость и гордость от того, что я еще раз преодолела путь трудностей и испытаний.

Благополучно перейдя реку, строй остановился на рельсах. Никто ничего не говорил. В темноте звучал басистый голос командира:

– Ребята! Молодцы! Мы никогда не забудем этой ночи!

Мы спустились с железнодорожной насыпи, продолжали поход сквозь дождь.

Следуя за строем, я подумала: «Какая воля и вера хранятся у всех нас в душе? Что же дает нам преодолеть такой суровый и трудный путь?..»

Тогда я пока не поняла все. Но в дни суровой и жестокой войны мы, девушки, росли волевыми и настоящими бойцами.

И сейчас я вспоминаю о той ночи, когда мы переходили железнодорожный мост, с удивлением задаю себе вопрос: «С какой волей я тогда могла бежать, ступая на шпалы в адской тьме?»

И я так старалась искать реку Чхончхон за окном, вспоминая тот незабываемый в дни прошлой войны берег, незаметно для себя приходила в волнение.

В ущелье у подножия горы Мёхян течет хрустальная, неглубокая ручейка. Она тоже, думаю, впадает в реку Чхончхон и вливается в Западное море. И на нее меня все влечет, хоть горсть ее прозрачной воды мне кажется так дорогой…

Родная река моя, река Чхончхон! Ты не забудь и передай из поколения в поколение те военные дни!

В поисках части

Не зря говорят, что человек не видит дальше своего носа. А со мной был так неожиданный случай.

…

Лодка, рассекая лазурные волны, быстро плывет. На борту я размахиваю головным платком, громко хохочу. Волны хлещут о борт и откатываются. А вдруг поднялась сильная буря, и я падаю в морские волны. Раздается мой истошный вскрик «Ах!»

…

Мне снилось. Но вскрик, во сне вырвавшийся из моего рта, пробудил всех нас, крепко заснувших в мокром от дождя скирде рисовой соломы.

– Ах, что это? – Сильно испугавшись, мы вылезли из скирда, но недолго стояли, не зная, в чем дело. Голова кружилась по-прежнему, будто ударило железной палицей.

– Куда все делись? Где наша часть? – Наконец мы опомнились и смотрели друг на друга.

В полумраке мы поспешно бежали к избе и открыли дверь в сарай. Но в нем никого не было! И в соседних избах тоже было пусто.

– Товарищи! Товарищи…

Мы с окликом бегали по избам, но наши голоса только вернулись обратно эхом. Откуда-то слышались шаги. Каза-

лось, из соседней избы вышел кто-то. И появилась старуха и вопросительно смотрела на нас. Мы торопливо спросили ее, когда и куда отправились воины, отдыхавшие здесь.

– Ох, они же давно ушли, – цокала она.

Полное отчаяние как бы свалило нас с ног. Как-то перебирая в памяти, старуха добавила:

– На дороге громко звали кого-то по имени и, кажется мне, бегали за вами… И я вышла из погреба для кимчхи *(засоленные с приправой овощи на зиму)*, оглядела вокруг, но никого не видела.

Вдруг у нас из глаз вылились слезы от досады. По ее словам, после отправления части уже прошло не менее двух часов. Мы попрощались с ней и побежали по дороге. Казалось, что бегом скоро можно догнать часть. На улице все моросил дождь.

…

И вчера ночью не прекратился поздний осенний дождь. Под дождем мы уже несколько дней маршировали. К ногам прилипали обмокшие штаны, изношенная обувь промокла до нитки, но все двигались сквозь дождь, за сутки преодолевая по 40 километров. Поход под холодным дождем сильно измотал нас. Хотелось бы хоть немножко укрыться от дождя, отдохнуть, вздремнуть на сухом месте.

И командир, видно, был переутомлен, не мог не заметить усталый вид солдат. Ведь командиры только по походкам солдат точно понимают все.

Часть остановилась на дороге, по ее обочинам стояли несколько изб с соломенной крышей. Дождь не перестал лить, а командир карманным фонарем обвел строй и приказал:

– Привал! Запомните, не спите слишком крепким сном!

– Слушаюсь!

И бойцы уже расходились по избам.

Мы с Ок Хи и Юн Хун бежали в сарай, но он уже битком был набит бойцами. И мы хотели укрыться от дождя хотя бы под крышей или где-нибудь, но не могли найти подходящего места. Вдруг мне в глаза бросились скирды рисовой соломы на поле. Я тянула туда двух остальных за руки:

– Вон смотри, там скирд рисовой соломы. Пойдем туда!

Мы стащили мокрую солому, влезли в скирд и тесно прислонились друг к другу спиной. Там было холодно, но постепенно по телу разлилась теплота.

– Не надо прослушать команду!

– А как же!..

У нас чутье к команде было так острое, что мы были готовы к любым тревогам, и нечего было беспокоиться. Мы сразу заснули.

Ок Хи и Юн Хун вместе со мной служили в одном отделении.

Они учились на математическом и химическом факультетах Университета имени Ким Ир Сена, были старше меня на два года.

Я была очень рада служить в одном отделении плечом к плечу с бойцами из студентов Университета имени Ким Ир Сена, которым я так завидовала на Юге. Это была для меня большая радость и гордость. Я всегда уважала их, а они тоже тепло относились ко мне, очень любили мой чувствительный и бодрый характер.

Мы трое глубоко расположились в скирде и погрузились в глубокий сон. А что мы натворили?! Наше острое чутье в этот раз изменило нам.

…

– Ты с ума сошла. Разве ты переутомилась так, что не могла очнуться? – Ок Хи кулаком стукала по своей голове, не удерживая свою досаду.

Я тоже про себя ругала самого себя: «Эх, ты соня! Тупица!»

Мы бежали так спешно, что немного спустя от сильной одышки больше не могли бежать. Плюхнулись на землю посередине дороги. Не было силы снова подняться. Из горла испускался тяжелый вздох.

– Что же говорят в части о нас? Не считают ли нас дезертирами?..

Жалоба Юн Хун будто шилом уколола мою душу.

– Перестань! Брось дурь! Как мы можем быть дезертирами? – со слезами на глазах возразила я.

От непосильной досады мы сидели так на дороге, забывая самого себя. Между тем небо прояснело, из-за далекой

горы поднялось солнце. Освеженные горы и поля постепенно обнаруживали свои величественные очертания, словно ничего не случилось. Ок Хи, первой поднявшись с места, протянула нам руку:

– Ну, вставайте! Набираемся бодрости! Ведь мы все не умерли!

– Верно. Из тупика есть выход. Часть мы непременно сможем найти!

По-видимому, у двух девушек глаза сияли надеждой и верой. Я вскочила с места, глядела на них. Моя душа шептала: «Вместе с ними я могу идти куда-нибудь!»

По дороге мы зашли в дом под черепичной крышей, расположенный недалеко от обочины дороги. В доме никого не было, но дверь в кухню была распахнута. Мы решили здесь высушить мокрую одежду и с легким настроением идти дальше.

Во дворе мы собрали ветки, хотели зажечь огонь в топке, но все спички в вещмешках были мокры. К счастью, на краю плиты лежала коробка, где остались всего лишь несколько сухих спичек, и мы могли затопить топку.

Внутри дома мы заперли кухонную дверь на запор, сняли мокрые гимнастерки, просушили их на верху кухонной плиты и чугунного котла. Юн Хун и я сидели перед очагом, а Ок Хи, повернувшись спиной к нам, что-то писала на полу кухни.

– Что ты делаешь? – спросила я, заглядывая цифры на полу.

– Часть, может, идет на рысях, а мы бежим… – повернув голову ко мне, ответила она. – Она тронулась в путь два часа назад, так что я считаю, сколько часов мы можем догнать ее.

Я с изумлением смотрела на нее: «Да, ведь она выходец из студентов математического факультета…» Она на основе математической формулы вычисляла скорость нашего движения и время догнать часть.

– Так, получается Х… – Она все находила значение Х.

Мы с Юн Хун сварили жидкую кашу из остававшегося в мешке риса. Черпали ее ковшом и вкусно ели.

– Ну, пошли! И часть тоже в это время позавтракает и тронется в путь. Мы можем догнать ее, самое позднее, через три дня.

– Значит, ответ Х – три дня?

– Да, не позднее!

Мы необычно торопились. Надев высушенные гимнастерки, мы приятно чувствовали себя. И изношенная обувь, из прорыва которой высовывается большой палец ноги, казалась очень легкой.

На пороге кухни вдруг мне в голову пришла прекрасная идея. Я поспешно достала из вещмешка бережно сохранявшуюся кипу записок и вырвала несколько листков.

– Ты что? Чего хочешь? – Две пары глаз вопросительно обращались на меня.

– Здесь, на листе с нашими именами хочу написать: «Мы идем в поисках части».

– ?..

– Думаете, только мы ищем часть? Нет, и свои, наверное, ищут нас. Пусть они читают эту записку, ища нас. Я оставлю ее на дороге.

И я всунула записку в карман, по дороге опустила ее на землю.

Ответ Х, найденный Ок Хи, как безмолвная указка придал нам сил и бодрости.

Спустя немного перед нами дорога разветвилась на три направления, как бы запутывая нас. Не зная, как делать дальше, мы ненадолго стояли на развилке дорог. Перед неожиданными обстоятельствами мы чувствовали себя изможденными. Ответ Х, который нашли без учета других путей, разочаровал нас.

– Я думала, впереди нас лежит только одна дорога. Эх, какая я дура! – упрекнула самого себя Юн Хун.

Какие все мы глупые! Думали только об одном пути. Нет, где-то в голове, несомненно, вертелась мысль о том, что могут быть разные пути. Но мы сознательно хотели отрицать ее.

Сидя у обочины, мы тревожно глядели на развилку дорог, не сведя с нее растерянный и блуждающий взгляд. «По какой дороге прошла часть?» На дороге отпечатались многочисленные шаги, но все же не могли найти следов от нашей части. Падая духом, я плюхнулась на траву, покрытую опавшими листьями, посетовала:

– Как жаль! Они не оставили ни одного следа. Просто ушли!

Но мои спутницы не отреагировали на меня. Хотя была поздняя осень, под моими ногами на ветерок легко колебались полевые цветы.

– Какую из этих дорог выбрать? Даже малейшее отклонение в конечном счете приведет нас в совсем другое место… – И Ок Хи тоже опустилась на траву, не зная, как дальше делать.

Изредка там по шоссе спешно шли воины или люди в гражданской форме с ношами на спине. Они, равнодушно глядя на нас, без колебаний выбрали одну из разветвленных дорожек и ускорили свои шаги.

Поздней осенью день был короткий, солнце уже клонилось к западу. Юн Хун и Ок Хи, нарисовав на земле карту северной окраины Кореи, о чем-то задумывались.

Я, как в детские годы, играла пальцами, про себя говоря: «Если наш путь центральный, то остановитесь на среднем пальце!» Но не получилось. Левая или правая дорога тоже не была выбрана игрой в пальцы. Тут по шоссе размашисто шли два офицера. Они, что-то разговаривая, подошли к нам:

– Послушайте, вас случайно не зовут Ом Ок Хи и Юн Хун?

От неожиданного вопроса мы вскочили на ноги.

– Наверное, пришли из нашей части! – И я первой выбежала на дорогу.

Офицеры остановились у разветвления и показали нам улыбку.

– А как вы знаете наши имена? Вы из нашей части? – спросила Ок Хи.

– Нет, – засмеялись они, – мы идем издалека. На дороге лежала записка, мы взяли и читали ее. Вы не хозяева этой записки?

– Ой, как жаль!

В одно мгновение наши плечи бессильно опустились. Видимо, они хотели немножко делать передышку у разветвления дорог. Они вынули из вещмешка поджаренные картошки и колобки вареного риса, раздали их нам в руки.

– Вы ищете свою часть, да? Значит, вы отстали от нее, ха-ха!

Мы, как бы оправдывая себя, коротко объясняли им, как отстали от своей части. И плаксивым голосом сказали, что мы еще не решили, куда держать путь.

Офицер в погонах капитана, указывая на одну из трех дорожек, сказал, что им надо идти по ней. А офицер в погонах младшего лейтенанта не без гордости подчеркнул, что они из *х х х* войсковой части непосредственного подчинения Ставке Верховного Главнокомандования.

– Откуда вы? – спросили мы.

– Издалека.

– Из Пхеньяна?

– Нет.

– Тогда из Сеула?

– Нет, более издалека. Из рубежа в районе Тэгу, за рекой Рактон.

– Ах, вот как! Мы тоже были там. А куда вы сейчас? – торопливо спросила я.

– К Верховному Главнокомандующему.

– Что? К Верховному Главнокомандующему, говорите?.. – В миг мы одновременно взяли офицера за руку.

– Да, идем за новым боевым приказом.

– Товарищ офицер, мы тоже пойдем вместе с вами. И мы хотим идти к Полководцу!

Особенно Ок Хи чуть не плакала.

– Прошу вас взять с собой и нас туда, к уважаемому Полководцу Ким Ир Сену! Там, где находится Ставка Верховного Главнокомандующего, мы будем сражаться в составе новой части.

– Ребята, пойдем вместе с ними к нашему Полководцу. Ну, вставайте! – с волнением крикнула Юн Хун.

Мы с удовольствием вставали с места.

– Подождите, девушки. Мы здесь ждем машины.

Офицеры обсуждали что-то друг с другом, одобрили нас:

– Вы уж так хотите, и мы возьмем вас. А вам, может, в машине теснее.

От неожиданного, слишком большого счастья, от неудержимой радости у нас из глаз покатились слезы. И мы

снова сели на поле травы и ждали, пока машина не прибудет, а офицеры близко от нас, на дороге ждали ее.

Но мы каждая, поправляя тесемки своих вещмешков, стали бороться с голосом следующего за волнением хладнокровного разума: «Мы правильно сделали, решив идти туда, где находится Полководец Ким Ир Сен? Что скажет наш Полководец, когда он увидится с нами, отставшими от своей части?.. Это не нарушение воинской дисциплины? Да. Если каждый идет только туда, куда хочет, то кто заменит нас во втором отделении первого взвода нашей части?.. Нет, нельзя! Мы обязаны непременно вернуться к себе, в свою часть!..»

Я заметила, что сама постепенно клонюсь к разумному мышлению.

– Ребята! – На голос Ок Хи мы встретились взглядами друг с другом.

В эту минуту все мы думали об одном. Прошло несколько секунд…

– Мы должны вернуться к себе.

– Да, ты права!

– Да, я тоже думала об этом.

В этот миг мы трое взяли друг друга за руки.

– Конечно, у меня нет слов о желании идти к Полководцу! Но он будет сожалеть, узнав, что мы расстались со своей частью и пошли к нему, – со слезами на глазах выговорила Ок Хи.

Я, проглатывая слезы, крепко сжала губы:

– Правильно. Мы должны показать ему облик достойного бойца.

Тут по дороге приехал джип. Машина остановилась перед двумя офицерами.

– Девушки, быстрее приходите!

Мы выбежали на дорогу. Ок Хи, откозыряв им, доложила:

– Товарищ офицер, мы снова решили. Пусть перед нами лежит трудный путь, но мы вернемся к себе!

Офицеры кивали головой, вдохновили нас:

– Молодцы, девушки, вы правильно решили. Наверно, и Верховный Главнокомандующий ожидал бы от вас этого. Ну вот, желаем удачного пути.

– Так точно!

Машина уже вихрем помчалась вперед. Солнце постепенно шло на закат, на землю спускались вечерние сумерки.

– Счастливого пути! – Мы махали руками, пока машина не скрылась за поворотом горы.

Откуда-то только доносилось щебетание птиц, на дороге было безлюдно. Вдруг на нас нашла тоска.

– О, уважаемый Полководец!

– Полководец!

Прижавшись головой друг к другу, мы заплакали, как дети, тоскующие по ушедшему отцу. Та радость и счастье от того, что скоро можно было бы увидеться с Полководцем, сменились чувством сожаления и душевной пустотой.

И в дни наступления на Юг, и в дни отступления, где бы я ни находилась, у меня в глубине сердца всегда бережно хранился дорогой образ уважаемого Полководца. Да, он великое Солнце нашей нации, освещающее нашу надежду, наше желание и нашу судьбу! Как мне хотелось увидеться с нашим уважаемым Полководцем Ким Ир Сеном! Действительно, тоска по нему ни на минуту не покидала мое сердце.

Уже все вокруг погрузилось в темноту. От ночного ветра шумел лес. На востоке над горой уже взошла луна, будто освещая нам путь. А лунный свет всегда усиливает тоску своими чудесными лучами.

Обратившись в сторону, где находится Полководец, мы стали петь песню. Пели по велению сердца – революционный гимн «Песню о Полководце Ким Ир Сене». «О, Полководец! Мы непременно вернемся к себе, в часть!» – мысленно доложили мы.

В эту ночь мы, три девушки, наконец выбрали дорогу в свою часть и снова тронулись в путь.

«Расписка»

Преодолев пик Саткат и перевал Кынъи, мы добрались до подножия перевала Пханмак, когда стоял полдень.

Погода не по сезону была очень умеренная. Хотя была поздняя осень, на горе местами еще остались багровые листья, густым лесом стояли береза Шмидта, дуб и липа. А

светло-синее небо над горной местностью как бы создало мирную обстановку.

Мы, передвигая отяжелевшие ноги, вступили в поселок. Издали слышался моторный гул самолета, и мы глядели в небо. Вражеский самолет, как бы скользя по горе, на небольшой высоте улетал куда-то.

Откуда-то появились мальчишки, они кричали:

– Народная Армия. Женщины!

Один старик и молодая женщина, спешно надевая обувь, подбежали к нам:

– Ой! Видимо, вы пришли издали. Давайте к нам.

Мы вместе с ними вошли во двор, за нами следовали соседи – женщины, молодые и старые, и, схватив нас за руки, по-своему молвили:

– Как вы трудились, сражаясь с янки!

– И мой сын, и внук этой бабушки ушли на фронт.

Одни приносили нам воды для питья, а другие – для умывания. Все относились к нам так, как к невесте в свадебный день, и мы чувствовали себя неловко.

– Послушай, скорее приготовь обед! Они, наверное, очень проголодались. – Входя в кухню с вязанкой дров на руках, старик поторопил сноху.

Мы умылись прохладной горной водой, потом вошли в комнату с утепленным полом. Они так тепло заботились о нас, что мы чувствовали себя как дома, усталость, казалось, сняло как рукой. Давно мы не расположились так

удобно, перед детьми, пристально смотрящими на нас, сидели, как модель перед художником.

Женщины поселка наперебой принесли черпаки из тыквы-горлянки со спелыми ягодами актинидии и дикого винограда.

– Угощайтесь, пожалуйста! И хоть немножко поспите… Эй, ребята, идите отсюда, тетям нужно поспать, быстрей!..

Дети поспешно убежали за забор. На утепленном полу мы, переутомленные, не успели отведать две-три ягоды, как незаметно для себя заснули.

В тот день в комнате, где остановились мы, собрались жители поселка – от мала до велика. Они всей душой накрыли стол нам, как невесте, и мы поздно пообедали. И сейчас не забываются уникальные блюда из съедобных дикорастущих трав, которые тогда подавали нам. Бузульник сибирский, подмаренник настоящий, бедренец…

Сидевшие вместе с нами за столом люди с любопытством задавали нам вопрос за вопросом о войне, боях, отступлении нашей армии, злодеяниях врагов.

Мы уверенно ответили им, что сейчас наши временно отступают, но уважаемый Полководец Ким Ир Сен планирует операцию нового наступления, чтобы загнать противника в Южное море. Казалось, они тоже через редкие письма с фронта остро чувствовали трудное положение фронта и ожесточенность боев.

После обеда мы собирались в дорогу. Молчаливая и тихая невестка протянула нам узел с колобками вареного

риса, приправленными солью с кунжутом.

– Это для нас?! Как же вы дальше будете жить, для нас так истратив весь запас риса? – неловко промолвили мы.

Я из вещмешка вынула листок бумаги и огрызком карандаша делала «расписку»: «Трое солдат кушали два раза. Ом Ок Хи, Ли Юн Хун, Ли Чхун Ок». Ок Хи передала старику эту «расписку»:

– Дедушка, когда закончится отступление, покажите эту «расписку» местному народному комитету. За нас государство будет возмещать…

– Что?..

– Знаете, мы, отступая сюда, много делали таких «расписок» помогавшим нам. Трудно их перечислить… Сами кушая жидкую кашу с сушеными капустами, угощали только нас, отступающих воинов колобками вареного риса на дорогу… – У меня к горлу подкатился комок, и я больше не могла вымолвить слова.

– Это расписка?.. – Держа ее в руке, старик показал недовольный вид.

Немного спустя он заговорил:

– За это мы просим рис у государства?.. Так нельзя! До вас около пяти воинов, переходящих этот перевал, тоже выдали такую расписку… Взял ее. Но не для риса. И я хотел бы гордиться, что хоть один раз угостил народноармейцев. – С повлажневшими глазами сунув расписку в карман, он продолжал: – И вы, девушки, знаете, при японцах мы пита-

лись почти только желудями. А после освобождения страны благодаря политике Полководца Ким Ир Сена мы получили землю. Не бог, а наш уважаемый Полководец так раздавал нам землю, притом и со столбом с моим именем. Значит, кому принадлежит моя земля? Нам никак нельзя просить рис за расписку. Мы просто выполняем свою обязанность гражданина.

Тут невестка вынула из комода три пары новых белых ватных носок и протянула нам. Мы отказались, но она уже сунула их в наши вещмешки.

Прощаясь с хозяевами дома, мы через двор вышли на дорогу. А вдруг старик обратно вернулся к себе, вышел в белом турумаги *(корейская национальная одежда)*. Впереди нас шагая с тростью, он предложил:

– Ну, пошли, девушки. Здесь, в горном районе день короткий, скоро ночь. Я вас проведу, следуйте за мной!

Мы не успели удержать его, как он уже направился к лесной тропинке. Тепло попрощавшись с сельчанами, мы той ночью зашагали по горной тропинке вслед за стариком.

«Что связывает этого старика, которому, видимо, гораздо перевалило за 60 лет, и нас, девушек в мундире, в единое целое? Откуда исходит единство армии и народа, которые любят друг друга? – оглядываясь на пройденный путь наступления на Юг и путь временного стратегического отступления, погрузилась я в глубокое размышление: – Мы отнюдь не шли по “пустыне”. Шли по родной земле, смогли

преодолевать трудный путь, окруженные заботой и любовью народа. Все, как родные матери и дедушки, с любовью заботились о нас. Народ ничего не жалеет для Народной Армии, а армия – ради народа. Какие замечательные отношения между армией и народом!»

Тогда я думала об одной женщине в Сольгэгор (к сожалению, я не знаю ее имени), которая, рушив зерно ножной крупорушкой, приготовила нам провизию на дорогу, о том милиционере в уезде Тэгван, который отогревал замерзшие ноги, о старике в деревне Ток, который, запыхаясь, прибежал с вареными картошками на руках и окликнул нас.

Лица людей, с которыми я встречалась и рассталась на пути войны до сих пор, не зная их имен, и которых не могла забывать до гроба, всплывали перед глазами, как в калейдоскопе. Действительно, для них мы были гордыми сынами и дочерями, а для нас они – родными отцами и матерями! Так, переживая войну, я всем сердцем ощутила дорогое, гордо хранила его в глубине сердца.

Вдруг мне вспомнились случаи, увиденные до войны на Юге. Тогда мне вовсе не нравились солдаты марионеточной армии, которые надменно шатались по улицам, как хулиганы. И смотрела на них косыми глазами, про себя сдерживала брань: «Подлецы!» Когда застала их на улице, я старалась как можно посторониться от них. И прохожие, когда они появлялись на улице, держали себя дальше от них или кривили губы…

С глубокой думой шагая, я поднялась до середины перевала Пханмак. Оттуда смутно виднелся внизу спуск. Старик, сделав глубокое дыхание, продолжал проводить нас по тропинке сквозь плеть тыкв. В темноте мерцал огонек.

– Вот в этом шалаше задержитесь немного и с рассветом трогайтесь в путь! – сказал он.

Слегка отодвинув соломенную дверь, мы вошли в шалаш, как в сказке. А там сидели два старика: у одного на плече лежала винтовка, а перед другим – железный колокольчик с рукояткой! Наш проводник пригласил нас у жаровни и с улыбкой промолвил:

– Вы сражаетесь на фронте, а мы, старые, – на этом перевале. Сообщили нам, что здесь, в горном районе, высадится вражеский десант, и мы стоим на посту. Вот посмотри. Появятся они – сразу мы ударим в колокол для сообщения.

В ту минуту я невольно преклонила голову. Мне стыдно было, что думала, что сражаются только те, кто носит военную форму, как я.

«У нас в стране так армия и народ вместе сражаются в одном окопе. Какая гордая моя Родина – Корейская Народно-Демократическая Республика! Буду демонстрировать перед лицом всего мира ее мощь, это единство армии и народа. И обязательно одержу победу!» – кричало мое сердце.

Сегодня мы перевалим последнюю гору по направлению к части. Откуда-то в лесу доносилось пение филина,

предупреждающее о рассвете.

– Ну, пора в путь!

На голос старика мы встали. Спускаясь с горы, мы повернули голову. Между деревьями было видно, что старик долго стоял на месте.

И сейчас я иногда вспоминаю о той «расписке», которую я сделала для него. И думаю, как была права мысль товарища Ким Ир Сена, который призвал всегда с уважением относиться к интересам народа, говоря, что рыба не проживет без воды. Его благородный дух так продолжается и развивается как чистое духовное богатство нашего народа.

У меня все еще свежа память о том старике перевала Пханмак, который, держа в руке «расписку», не скрывал своего волнения души.

Шаги китайских народных добровольцев

Мы денно и нощно маршировали к пограничному городку Чхонсу на северной окраине страны, куда, по нашему рассуждению, пошла наша часть.

В ту ночь, когда нам трудно было решить на развилке дорог, мы в конце концов сделали свой выбор на средней из трех дорог.

Казалось, что конечная точка левой дороги – Синичжу. Мы сообразили, что наша часть ни в коем случае не направилась бы в этот неспокойный пограничный город

на северо-западе Кореи. Более того, поскольку американские войска явно намеревались бомбить Супхунскую ГЭС, она не пошла бы туда. (Впоследствии, в 1952 году, когда переговоры о перемирии проводились не по своим расчетам, американские самолеты совершили безжалостную бомбежку Супхунской ГЭС). А правая? Нет, она тоже была бы не для нашей части.

Наверняка, она выбрала бы не западный район страны или Манпхо, а один из северных пограничных районов. Мы трое так пришли к единому заключению. И решили двинуться дальше, основываясь на этом.

Итак мы весь день шли по средней дороге, ускоряя шаги. На следующий день по дороге неожиданно обнаружили цифры «955» на одной стене разваленной хаты.

– Ребята, вот посмотри! Там написано: 955. – Мы подбежали к стене.

– 955! Неужели это наша часть?

– Ну, наверно! Кроме наших, кто мог писать «955»? Это, несомненно, сделала наша часть! – от радости дрожали наши голоса.

На глинобитной стене наряду с цифрами «955» палочкой были написаны еще и буквы, но остались только буквы «су». От стены отпала некоторая часть.

– Здесь «955», потом был бы знак «стрелка», а дальше – какие-то буквы с буквами «су»! – разгадали мы.

Мы от неожиданности не могли успокоиться. Цифры «955»

дали нам чувствовать дыхание части, теплую заботу товарищей, которые оставили бы надпись для нас. Перед стеной мы вместе еще ломали голову:

– Последние из каких-то букв – «су». Значит, нам надо найти место с окончанием «су». А какое это место?

Мы начали перебирать в памяти географические названия с последними буквами «су». Вдруг Юн Хун, вскочив, крикнула:

– Ого, Чхонсу! По-моему, Чхонсу. Там работает Чхонсуский химический завод, на нем выпускается качественный карбид.

– Правильно. Может быть, в Чхонсу был бы госпиталь, не так ли? Он находится на северной окраине, там течет река Амнок…

Мы, считая цифры «955» как маяк среди ночи, шли и шли по направлению к Чхонсу. Спросили нескольких прохожих, как нам попасть в Чхонсу. Говорили, что можно дойти туда в обход по железной дороге к берегу реки Амнок или по тропе через глубокие ущелья и перевалы в северной части страны.

Но нам некогда было обойти. Тем временем часть могла бы уже уйти на путь нового наступления. Фактически по дороге мы встречали войсковые части, готовившиеся к новому наступлению. «Если можно только скорее добраться до части, мы готовы преодолеть любые неприступные горы и перевалы».

С наступлением ночи нам довелось вступить на дорогу на перевале. Иногда было видно, что по ней шли гражданские люди. Не знали, куда и с какой целью они торопились, но мы в толпе прохожих быстрым шагом шли вперед.

Где-то малая кукушка пела особо звучно. Незаметно подкралась глубокая ночь, в небе мерцали звезды, на перевале и в ущелье воцарилась ночная тишина. А откуда-то по дороге слышались шаги…

Остановившись на месте и обратившись в слух, мы устремили удивительный взгляд на тусклую дорогу. Скоро мы видели, что навстречу нам шли походные колонны, которыми забилась вся дорога. Топ-топ… топ! Казалось, всю землю потрясала поступь большой армии.

В эти минуты полная луна вышла из-за облаков, своим тусклым светом освещая спешно двигающиеся колонны. Они на минуту остановились, заметив нас. Оказалось, это были походные колонны китайских народных добровольцев.

Один из них, кажущийся командиром, с теплотой на душе пожал руки нам, ошеломленно стоявшим на обочине дороги:

– Синькула *(здравствуйте)*, синькула!

– Синькула! – приветствовали нас и другие.

У нас на глаза навернулись слезы.

– Синькула, синькула! – мокрым голосом также отвечала я, радостно махая обеими руками.

Они носили ружье, боеприпасы, гранаты, одеяло, запас-

ную обувь, провиантские запасы. У них были и большой котел, и ведра, и тонкие поленья. И во время минутного привала китайцы хотели произнести по-корейски: «омани *(мамаша)*», «абочжи *(отец)*», «аннёнхасимуга *(здравствуйте)*», «муль чом чусио *(пить хочу)*», «комабусыпнида *(спасибо)*».

Тот китайский воин вынул пампушку из сумки на поясе и положил мне на руку. Делая вид, что бьет кого-то, он указал на юг и шел дальше вперед. И, лицом обернувшись назад, показал нам сплетенные руки. Таким образом он хотел выразить решимость разгромить на юге американские войска и вернуться с триумфом, а также призывал народы двух стран тесно сплотиться для победы. Мы, поняв его, тоже ответили сжатыми кулаками.

Эхо от шагов китайских народных добровольцев долго прокатилось по всему перевалу. Вдруг я чувствовала влаги на моих глазах. Какая великая братская дружба, созданная ценою крови! Раньше я хотя бы немного слышала об исторических фактах, что, когда китайская революция испытывала трудности, Полководец Ким Ир Сен вместе с революционерами Китая развернул кровопролитную антияпонскую войну, искренне помогая им. А на пути отступления я всеми фибрами души испытывала бесценный дух революционеров Кореи и Китая, которые в самый трудный период плечом к плечу пробрались сквозь бурю революции.

– Ребята, вместе попробуем на вкус китайскую пампушку. – Я поровну разделила ее кусочками.

Один старик, будто самому себе, заговорил:

– Наверное, хотел бы этого Мао Цзэдун… помочь Корее, которая сейчас из-за нападения американских агрессоров оказывается в трудном положении. И он призвал бы китайцев кровью ответить на благодеяние Полководца Ким Ир Сена. В самом деле, во время войны за освобождение Северо-Востока Китая наш Полководец оказал им так большую помощь. Много корейцев проливали кровь на Северо-Востоке Китая. Не забывая об этом, сыны Китая так переправились в Корею с готовностью не жалеть своей жизни...

Рассказ старика глубоко взволновал меня. «Да. Историческая дружба с китайцами, созданная ценою крови, будет бессмертна вместе с дорогим именем нашего мудрого Полководца Ким Ир Сена», – подумала я.

Я почувствовала прилив сил. Казалось, уже слышу победные возгласы наших народноармейцев и китайских народных добровольцев, которые разбивают янки на пути нового наступления. Делая шаги, я пробовала по-китайски произнести «синькула», что незадолго сказали китайцы. И другие товарищи бодро попробовали: «Синькула! Синькула!..»

Родина, сохраню тебя в моем сердце!

– Разрешите войти? – с серьезным видом спросила сержант Ом Ок Хи за дощатой дверью.

Мы с Юн Хун стояли за ней, затаив дыхание. Сердце громко стучало.

– Проходите.

Вслед за Ок Хи мы вошли в помещение. Привыкавшие к свету глаза в тусклой комнате еле могли узнать собравшихся в углу людей.

– Товарищ командир части, мы только что прибыли в часть. Сержант Ом Ок Хи.

– Кто? – Кто-то вскочил с места, не скрывая своего удивления.

– Да, мы отстали от своих, но… – больше не говорила Ок Хи, комок к горлу подступил.

Тут одна женщина в офицерском мундире почти бегом подошла к нам и воскликнула:

– Ой, товарищ командир части, это мои солдаты. Знаете, мы потеряли их на пути. А они так появились!

– Это те, пропавшие на рассвете того дня?

– Так точно! Они те самые.

Другие офицеры тоже встали с места и хотели подойти, но командир части, раздвигая их, первым подошел к нам. Он повел глазами нас и, подойдя поближе, с удивлением и любопытством всмотрелся в лицо сержанта Ок Хи.

– Сержант Ом Ок Хи! – щелкнув каблуками, взяла под козырек она.

Затем командир повернул взгляд к Юн Хун.

– Младший сержант Ли Юн Хун!

– Рядовой Ли Чхун Ок! – особенно громким голосом отдала честь я.

И его крупные руки крепко обняли нас троих.

– Как вы испытывали много страданий? Ну вот, молодцы! Вы наконец вернулись в часть…

От нахлынувшей взволнованности мы никак не могли сдерживать слезы. Для момента этого крепкого объятия мы сами выбрали, преодолели такой трудный путь!

Окружающие нас офицеры аплодировали нам.

– Как вы трудились в поисках части! А как же дошли до Чхонсу?.. Конечно, я верила вам, – слезливым голосом радостно говорила женщина-офицер, командир нашего взвода.

Ее мягкие руки гладили нас по плечам. Плечи у нас от неудержимого волнения все дрожали.

Командир части, как бы хотел еще раз взглянуть нам в лицо, выпустил нас из своих объятий и похвалил:

– Ну посмотрите, товарищи офицеры! Какие наши девушки молодцы! Они переживали трудности, но у них блестят звезда на фуражках и пуговицы!

Не упустив этот случай, наш комвзвод гордилась своими солдатами:

– Знаете, эти двое солдат выходцы из студентов Университета имени Ким Ир Сена. Одна училась на втором курсе математического факультета, а другая – на втором курсе химического факультета.

– Вот как! – изумленно крикнули окружающие.

Взводный командир, взяв меня за руку, представила собравшимся:

– И этой девушкой можно гордиться. Ей 18 лет. В Сеуле вступила в добровольческий отряд, прошла путь наступления на Юг и путь временного стратегического отступления.

Одни наперебой сжимали мне руку, а другие слегка хлопали меня по плечу. Мне стало очень неловко. «Мы героями вернулись, что ли? С одним стремлением обязательно вернуться к себе только пересилили трудности», – подумала я.

– Товарищ взводный, принесите им еды и дайте отдохнуть. Видимо, они очень проголодали. После конкретнее послушаем, как они отставали от строя, – предложил командир части.

– Есть! – И взводный командир сразу же подала команду: – Ребята, за мной вперед!

Мы отдали честь собравшимся офицерам, вышли на двор. Солнечные лучи как каркас веера расходились из-за мутных облаков, а со стороны реки Амнок дул довольно холодный ветер.

Мы вошли в отопленную комнату. Командир взвода, усадив нас на пол, с улыбкой на лице проговорила:

– Так, молодцы! Все красиво причесали волосы, пришили чистые подворотники!

– Да, мы не хотели показаться перед частью неопрятными. И мы… – ответила я.

– Это хорошо. И командир части с первого взгляда заметил, как лоснятся звезда на фуражках и пуговицы, – улыбалась она.

Из окна подачи пищи любопытные глаза смотрели на нас.

– Ну, обедайте и отдыхайте.

– Есть.

…

Мы добрались до вершины перевала к полудню, оттуда виднелся городок Чхонсу, как на ладони.

– Ребята, быстрей, вижу Чхонсу! – воскликнула Ок Хи, и мы, спотыкаясь о переплетенные стебли трав, бежали вперед.

– Здесь Чхонсу, да?

Нашему взору открылся действительно небольшой городок, растянутый по берегу реки Амнок. Мы трое, взяв друг друга за руки, рассеянно уставились на незнакомую местность.

Неширокая река Амнок тихо текла белой ленточкой, привлекли наш взор к себе дымовая труба с железной лестницей, сооружения бронзового цвета, как бы демонстрируя вид промышленного города. Однако они не были объектами нашего внимания.

– По-вашему, где наша часть? – от нетерпения спросила я.

– Посмотрим. Если там – часть, то будет видно хоть одного воина.

Тут мы увидели, что девушки порядка одного отделения рядами выходили из проулка на дорогу.

– Вот посмотрите, там находится часть. Очевидно, это наша часть!

Мы облегченно вздохнули.

Появление девушек в мундире наполнило наши сердца несказанной радостью – недалеко находится наша часть, и одновременно вызвало у нас горячее стремление скорее стоять в их рядах.

Но мы сумели подавить свое хлынувшее чувство. Думали, что с таким видом нельзя спускаться с горы и надо сохранить военную выправку. Это было рассуждение хладнокровного разума, к чему мы привыкли на пройденном нами трудном пути.

В самом деле, мы выглядели просто жалко. Летние гимнастерки почти выцвели, обувь была запачкана холодной росой и грязью, из ее прорыва высунулся большой палец ноги, волосы по-своему рассыпались под военной фуражкой.

Как раз мы заметили ручей, журчащий по щелям скал. У него суетливо мылись, вытирались, как невесты готовятся к свадебному обряду.

Мы спешили. Казалось, что часть, которую мы считали как свой родной дом, зовет нас. Пришили чистые подворотнички, что носили в кармане военного мундира, и причесывали друг друга, красиво делая пробор. Жаль, что не загля-

дываем в свое лицо. Хорошо бы, если было бы хоть одно зеркальце! Но в наших вещмешках, как бы ни копались, не нашлось ни одного зеркала, и мы помогали друг другу поправить свой наряд. Замоченными портянками вытирали гимнастерки, начистили кокарды и пуговицы.

И наш вид совсем изменился. Как хорошо, что мы, сдержав свое желание скорее пойти к части, поправили свой военный наряд, как подобает народноармейцам!

Хотя мы преодолевали трудные моменты, но нам не хотелось вести себя так глупо – набить себе цену за свои пережитые испытания. Так мы могли показаться гордыми и достойными бойцами Народной Армии.

…

Весть о нашем прибытии сразу же распространялась по всей части. Едва мы не закончили обедать, за дверью слышались торопливые шаги многих девушек. Распахнулась дверь – враз повалили в комнату.

– Да, мы поверили вам!

– Подумали, что зачисляли вас в другую часть. – И взорвался смех.

Открыв дверь, в комнату вошли еще три-четыре красивые и стройные девушки. Вошедшая первой ефрейтор представилась нам:

– Меня зовут Вон Чон Хи, из первого отделения второго взвода. Эти товарищи, как и я, из Пхеньянского медицинского техникума.

В тот день я в первый раз встретилась с Вон Чон Хи. И мы кратко представляли себя.

– Это известные «артистки» нашей части. Хорошо танцуют, прекрасно поют, – добавил кто-то.

Вон Чон Хи, сделав шаг вперед, объявила, что они будут танцевать для нас, которые вынесли всякие трудности, возвращаясь к себе. И все радостно восклицали, собрались в одной стороне комнаты и сели, и в один миг открылась «сцена». Под музыку артистки, притопывая ногами и похлопывая по ляжкам, кружились в танце. «Концерт» скоро закончился, и посетители тихо вышли из комнаты. Как будто сейчас не то время долго плясать и петь…

Говорили, что часть почему-то еще не собиралась принять раненых и развернуть больничные палаты. Казалось, чего-то ждала, и лишь натянутая атмосфера не дала солдатам успокоиться. Чего ждет наша часть, почему она так спокойно задерживается в пограничном городке?

Враги, по словам Чон Хи, вторгаются в глубь северной части Кореи, до Чанчжина, Унсана и Кэчхона, а отряды китайских народных добровольцев и Народная Армия находятся в полной боевой готовности осуществить новую крупную операцию по окружению их и снова перейти в наступление.

«Значит, мы тоже скоро пойдем на наступательный бой. Да, может, и наша часть ждет такое боевое задание». Все бойцы по-своему так догадались, не ослабляя свою настороженность.

Нам стало душно, и мы вышли на улицу. С реки Амнок дул холодный ветер, гудели телеграфные столбы. Из трубы завода, особенно привлекавшей наши взоры на вершине горы, шел беловатый дым, который на ветер плясал, потом рассеивался. «Может, это химический завод?» – вопросительным взглядом глядели мы на завод.

А со стороны завода шел к нам один молодой человек в военной форме без погон. Он представил себя как химика, отозванного с фронта и направленного на лабораторию доктора наук Ли Сын Ги. Затем с душевным волнением рассказывал: хотя совершают временное стратегическое отступление, он был отозван в тыл для развития отечественной науки; Ли Сын Ги – известный доктор наук нашей страны, который из камней изобрел волокно под названием «виналон»; раньше на Юге ему не давали должную оценку, но Полководец Ким Ир Сен пригласил его на Север и создал лабораторию и опытный завод в районе Чхонсу. Так он уделил большое внимание ученым даже в сложных условиях отступления, в суровой обстановке, когда страна переживает критический момент. Это было невероятно, но факт.

Перед трубой этого завода я не могла сдвинуться с места. Уже здесь ученые посвящали сегодня ради завтра победившей Родины. Как сказал молодой химик, под особым вниманием Полководца Ким Ир Сена они, исследовательский коллектив, снабжались рисом, шерстяным бельём, толстыми ватниками, носками и стеганой обувью, старались

добиться больших успехов в своей работе. Его слова просто впечатлили, тронули меня.

«Наша Республика, поощряющая науку и в такой трудный период, уже победила!» – мысленно крикнула я.

В ту ночь звучала команда о боевой тревоге. Мы все быстро вышли на двор и выстроились. «Пошли! Перейдем на новое наступление и разобьем врагов!» – в душе пульсировала такая решимость.

Строй безмолвно ждал боевого приказа. Но приказ нас ошарашил. Тихонько, но строго командир сказал:

– Товарищи, этой ночью мы покинем Родину и переправимся в братскую страну – Китай.

– Что? Покидать Родину?.. – Мне стало душно, словно бы дух зашелся.

Вся часть затихла, не слышалось ни звука дыхания. Мое сердце заныло, будто кололи шилом, слезы неудержимо лились, от безутешной печали комок подступил к горлу. Я тихо заплакала. Нет, все плакали. Кусая губы, пыталась проглотить слезы, но из моих уст все испускался плач. «О, моя Родина!.. – подумала я. – Как же мы можем расстаться с тобой в такой суровой обстановке, когда все поднялись на решающую схватку с империалистами США?!»

– Шагом марш! – потянулась команда.

Часть отправилась, дошла до въезда на деревянный мост, переброшенный через реку Амнок. Внизу река Амнок во мгле

мирно текла. За этим мостом начинается чужая земля. В рядах стали всхлипывать, как бы больше не сдержали себя.

«Что Родина? Как мне так больно прощаться с тобой?!» – подумала я. Ступая на мост, я оглянулась назад. В ту же минуту мне казалось, что я чувствую Родину всеми фибрами души. Пройденные мною горы, ива на берегу ручья, перевал, белый цветок тыквы-горлянки на соломенной крыше, колыхавшаяся веревка для белья, пристававшие ко мне дети, перейденные мною реки, извилистые дорожки, по которым мы шли… С такой думой я не могла легко сдвинуться.

Строй на минуту остановился, огляделся на родную землю, погрузившуюся в темноту. «Моя любимая Родина, ты вечно останешься моей, прощай! Я иду, храня тебя в моем сердце!» – крикнула я про себя.

В БРАТСКОЙ СТРАНЕ – КИТАЕ

С чувством дружбы

Родная земля, с которой мы той темной ночью попрощались с горькими слезами, все удалялась и удалялась от нас. Мы молча шли тяжелыми шагами по извилистой лессовой дороге, которая без конца лежала по деревням чужой страны.

Под забором крестьянской избы с тяжелой соломенной крышей играли дети. Один из них, увидев нас и указывая напарнику на нас, что-то сказал, затем выбежал на дорогу и смотрел на нас любопытно. Прохожие старики и случайно вышедшие на двор женщины приветливо махали руками, шептались, застенчиво улыбались.

Колени и рукава и у детей, и у взрослых грязнились так, что лоснились гладкой кожей. К тому времени китайские крестьяне еще жили в нужде.

Молча шагая, я подумала: «И эта страна еще не живет достаточно, а даже и мы так…» С такой мыслью я приветливо улыбнулась им. Хотела сказать что-нибудь из слов приветствия, но, к сожалению, не знала китайского языка. А тут в голове мелькнуло: «Синькула! Да, синькула!» Вспомнилось: на дороге по перевалу в провинции Чаган я встре-

тилась с китайскими народными добровольцами. Тогда они приветствовали нас по-китайски: «Синькула!» Высоко подняв руку и махая ей, я выкрикнула:

– Синькула!

Китайцы были очень рады, что мы говорили на их языке, и отвечали: «Синькула! Синькула!», направляясь к обочине дороги.

Это слово сразу распространялось по нашей части, и все наперебой произносили его при встрече с китайцами.

«Синькула» на самом деле означало пожелание успеха в работе. Но мы не знали более уместного, чем это слово, приветствия. И оно тогда употреблялось очень подходящим приветствием при встрече с китайцами.

Начало ноября. Уже стал дуть холодный ветер, предупреждая о наступлении зимы. Мы, втянув голову в плечи, убыстряли шаги. Тогда мы были еще в выцветших летних мундирах. На пути отступления части было не до снабжения нас зимними ватниками.

Холодок пронизал все тело. Но у нас была сила пересилить его. Мы закалились в дни отступления: ночью спали под открытым небом, промокнув до костей поздним осенним дождем и свернувшись калачиком, а на рассвете уже бодро трогались в путь в мокрой военной форме, покрытой изморозью.

Теперь немного оставалось до станции, где мы должны были ехать поездом к месту назначения. Мы добрались до

горной станции в одной из деревень только в полдень. На платформе несколько железнодорожников встретили нас, трясли нам руки.

– Синькула! Синькула! – И скромно одетые старики, и молодые прибежали к нам и пожали нам руки.

Немного спустя паровоз, выпуская пары, остановился перед нами. Мы садились на поезд и сразу чувствовали горячий воздух внутри вагона. А мы не успели попрощаться с китайцами, как паровоз уже мчался.

А неведомо откуда появились китайские женщины с большими деревянными бадьями и корзинами. Казалось, они уже до нас сели на поезд. В вагоне пахло вкусным запахом блюд.

Они быстро раздавали нам пампушки, от которых еще идет пар, и наполняли большие миски густым супом. Мы хотели выражать благодарность, а они жестом и глазами предлагали нам угощаться, слегка похлопывая нас по спинам и любезно улыбаясь.

Мы начали есть их. Очень вкусно ели их, ведь в дни временного стратегического отступления ни разу не наелись до отвала. Я тоже быстро глотала китайский хлеб и рис, которые положили на мои колени, вместе с горячим супом.

И китаянки еще наливали мне миску супом, предлагая еще больше есть глазами и жестами. Они относились к нам, как к своим дочерям и младшим сестрам, вернувшимся

с далекого пути. Чувствуя их искренность, мы и попросили еще одну порцию.

Паровоз несся, унося с собой все это. Наконец прибыл на следующую станцию. За окнами поезда бегали учащиеся, старики и женщины, приветливо махая руками.

Высунув голову из окна, мы тоже махали сплетенными руками. Погодя паровоз стал бежать. А в вагон еще шумно входили женщины с пищей.

– Синькула! Синькула! – Мы помогали им опустить ношу.

«Только что сытно съели, а еще…» Мы поистине чувствовали неловкость. Не ешь их – им будет досадно, но в животе больше не было места. Однако принесенные ими разные блюда пахнули так вкусно, что мы снова ели их. На каждой станции все приносили новые блюда, китайские женщины с материнской любовью относились к нам, как к своим детям.

Тогда я невольно подумала о матерях Родины. Вспомнилась женщина в Сольгэгор, которая и в военной обстановке, завязавшись поясом и рушив зерно ножной крупорушкой, варила нам белый рис. Перед взором всплыли лица тех многочисленных женщин, с которыми я встретилась и рассталась с начала войны до дней отступления. Ой, вот это образы матерей моей Родины…

Казалось, я готова была дать волю слезам. Я встала, открыла настежь окно поезда, чтобы глотать слезы. А за окном много людей на дороге, на телеге, на машине, у проходной

завода размахивали нам руками. Как же они узнали, что мы едем на этом поезде? С такими мыслями я еще больше высунулась и увидела, что на подножке переднего вагона на ветру развевался наш сине-красный флаг Республики.

Паровоз прибыл еще на следующую станцию. Под громкими ударами барабанов и гонгов на платформе девушки, завязанные красными поясами, приветствовали нас китайскими танцами. На столбе висел плакат с надписью «Движение против американской агрессии, за оказание помощи Корее, в защиту своих очагов и родной страны», который привлек наше внимание.

«Вот это да!» – подумала я. Никак не оторвала глаз от этого плаката. Тут мне довелось чувствовать, что все картины, увиденные внутри и вне нашего эшелона с того момента, как мы сделали первый шаг на этой земле, были связаны одними пульсами. Они, очевидно, исходили из благородного духа интернационализма Коммунистической партии Китая и председателя Мао Цзэдуна.

«Да, и выступление китайских народных добровольцев на корейский фронт исходило бы именно из духа движения против американской агрессии, за оказание помощи Корее, в защиту своего очага и отчизны. Когда часть будет располагаться, буду знакомиться с этим движением», – решила я. Вообще я, любопытная и упорная, любила знать все до конца.

Говорят, что через час мы прибудем в место назначения –

уезд Люшуй провинции Гирин. За окнами поезда снег падал хлопьями. После еды все клевали носом, слышались только ритмичные звуки раскатки колес по рельсам – эшелон мчался по покрытым снегом полям.

И сейчас я не могу забыть чувства корейско-китайской дружбы, царившего в вагоне.

Люшуй на заснеженном просторе

Эшелон, в котором мы ехали, прибыл на одну из станций в уезде Люшуй провинции Гирин. Нам было неизвестно, где она находилась на обширном Северо-Востоке. Станция была так маленькая, что сомнительно, обозначена ли она на карте. Мы из вагона волной вышли.

Вот это было место назначения. Железная дорога лежала на невысокой возвышенности, и оттуда мы могли одним взглядом обозревать незнакомую местность.

Заснеженная бескрайняя земля! Широкие поля, или обширная степь тянулась вдаль до самого горизонта, с которым, кажется, сомкнулось серое небо. Там стояло лишь одно дерево с направленными ввысь, необычно голыми ветвями. И по обе стороны проселочной дороги рядами стояли избы с покрытыми снегом крышами.

Все вокруг было непривычно, экзотично. Как-то чувствовалось, что я сама стоит в полотне с изображением бескрайней снежней равнины. Я стояла с такой мыслью, а впе-

реди работники поселка и комсостав части здоровались друг с другом.

На дороге перед зданием станции часть переформировалась на два отряда. Один отряд, говорили, пойдет отсюда дальше, в какой-то поселок в километрах 4. А наш взвод остался вместе со штабом части.

Жители встретили нас у здания кооператива. Мы осмотрели уже обустроенные ими «казармы», кухню, где смачно пахнет кашей и рядами поставлены большие чугунные котлы, удлиненные корпусы для палаты, небольшие комнаты. В них чувствовались щедрая помощь и поддержка населения братской страны.

Мы пошли в спальню. На длинный, возвышенный пол была постлана циновка, установлены двухэтажные нары, чтобы одновременно могли лежать много людей.

Мы опустили на пол вещи, которые носили с собой, – всего полупустые вещмешки. И высвободили ноги из обуви с прорывами, которую давно не снимали мы, наступая на Юг, а потом отступая, и влезли на пол.

Отчего-то в этот час никто из нас, обычно веселых и смешливых девушек, не ронял слово. Все молча сидели, только двигали своими руками. Кто-то из членов нашего отделения с жалостью открыл рот:

– Ох, до какого времени мы должны быть здесь?..

В этих словах звучал вопрос о том, когда мы вернемся на Родину. Тогда мы только думали, когда придет тот

день возвращения на родной край, на Родину.

«А правда, когда же мы будем возвращаться на Родину?» – мысленно спрашивала я самого себя, но у меня язык не повернулся. Не хотелось беспокоить всех, напрасно начав слово. Не только я, но и все другие не отвечали, молчаливо делали лишь свое дело – снимали одеяла с вещмешков, аккуратно клали их у изголовья, пришивали чистый подворотничок к гимнастерке. Вдруг дверь распахнулась – торопливо вошла в комнату старшая медсестра с двумя косами:

– Ребята, из Родины прислали нам ватники.

– Что, ватники?!

– В такую даль послал Полководец!..

– Да, говорили, они поступили уже два дня назад и ждали нас.

– Ой!.. – мгновенно в комнате раздалось дружное радостное восклицание.

Мы обняли друг друга, по щекам текли слезы. Из глаз у нас, которые сдерживали слезы и перед всякими тяжелыми испытаниями, так неудержимо лились ручьями слезы благодарности.

В тот день во дворе нашей «казармы», где целой грудой лежало военное обмундирование, мы получили довольно толстые и теплые ватники и шапки. Командир части обратился к нам:

– По приказу Верховного Главнокомандующего

Ким Ир Сена такие ватники получили и те, кто сражаются на втором фронте, в тылу противника.

Вдруг раздались возгласы «ура». У меня душа взыграла. От гордости за то, что я принадлежу славной Родине и я солдат Полководца Ким Ир Сена, от спокойствия и облегчения, что Родина находится не далеко, а совсем близко от сердца, всегда держит меня в своих объятиях, у меня на душе стало легче, словно плыву куда-нибудь.

Переодевшись в теплые ватники, мы не боялись никакого лютого мороза. Они были выстеганы так аккуратно, что не пронизал даже сильный ветер, так тепло согрели, как одеяло, все тело. Хоть валяйся по снегу, не было бы ничего страшного.

В ту ночь мы допоздна суетились по подготовке к приему раненых. Нам сообщили, что партия раненых, доставляемых в наш госпиталь, уже перешла границу и прибудет к нам завтра.

Да, у нас уже начался лечебный «бой». Мы суетливо дезинфицировали больничные палаты, расставляли койки, приносили чайники, умывальные тазы, обеззараживали посуду и набивали матрасы соломой. Над крышей здания, где оборудованы операционная и процедурная, развевался флаг Красного Креста.

Как мы, так и китайские старики, которым была поручена работа в кухне, прилежно занимались своими делами.

В очаге горели дрова, в ряд стояли большие бочки для

ношения пищи на плече в больничные палаты, в каждом помещении китайские старики в полной готовности ждали больных.

На первый взгляд этот поселок казался просто покрытым снегом укромным уголком, но на деле под крышами так кипела искренняя душа китайцев, готовых оказать нам помощь. Старики хлопотали: ходили за водой, разваривали свинину…

Когда мы в ватниках выходили на проселок, дети ходили по пятам за нами, а женщины у забора улыбались нам. Собаки лаяли на нас, незнакомых, а поселок, привыкавший к тихой жизни, стал оживляться с новой силой.

Еще не проходило и дня, и нам все было незнакомо: и люди, и дороги… Однако наша жизнь с китайцами уже началась, и нам хотелось более сблизиться, открыть душу и подружиться с ними.

Возможно, нам жалко будет проститься с ними – добродушными и скромными стариками, варящими обед для нас, женщинами, улыбающимися нам у забора, и ходящими за нами детьми.

Жизнь идет по собственному закономерному пути. Мы вместе с китайцами будем жить одним дыханием, дружба между нами станет более крепкой, так как мы воюем против совместного противника – империалистов США.

Только глубокой ночью я легла спать, но не могла сразу заснуть, думая о впечатлениях первого дня в поселке.

Казалось, прошла ночь, уже стало рассветать. Где-то послышались петухи, как во сне. Затем звучал голос дневального: «Подъем!» Из-за горизонта широкого снежного простора восходило солнце – наступило утро нового дня.

Незабываемый старик Пэн

Я знала, что издревле употребляли как тонические средства сазан, карась, змееголов, сом, речной угорь. Если бы мы достали таких рыб, то восстановили бы здоровье расслабленных из-за кровоизлияния. Приложив к губам больного ложку с кашицей, я умоляла:

– Вот, пожалуйста. Надо есть хоть немножко, а то тебе плохо будет. Ну, открой рот.

Однако он с закрытыми глазами мотал головой. Мне очень досадно было. Уже несколько дней он совсем не принимал пищи. Что делать? Я сквозь слезы взглядывала ему в почерневшее от жара лицо.

Был бы суп из речной мальмы… На Родине для больных, потерявших аппетит, я на речке ловила мальму, варила суп из нее. Как они вкусно ели его! А здесь ни одной речки, и негде было ловить речную мальму, хоть и вьюна…

Мне досадно было так, что вышла из палаты, держа в руке миску с кашицей. Тогда мне хотелось купить где-нибудь речную мальму за любую цену, ловить рыбу хоть и на отдаленном месте, если там течет какая-то речка.

На следующий день, в день базарный я ходила на базар. У меня в кармане не было ни грошей, но все-таки я решила идти.

На базарной улице мне в глаза бросились незнакомые блюда: ток *(паровой хлебец)* из клейкой чумизы, что-то вроде вермишели, разные пампушки, пельмени… Но живой рыбы нигде не нашлось.

Один человек, подняв над головой нанизанное на шампур что-то, похожее на кусочки фруктов, что-то кричал. «Что это такое? Видимо, они не фрукты, а…» – подумала я.

Осмотрев всю базарную улицу, я уныло вернулась на кухню. На выступе с очагом сидел старик Пэн с длинноватой курительной трубкой во рту.

Его, приготовляющего пищу для нас, мы с первого дня называли «наш батя», имели очень близкие отношения с ним. У него было продолговатое лицо с глубокими морщинами и не было передних зубов, а глаза под густыми бровями всегда улыбались нам.

Как-то мне очень нравились его скромность, добросовестность в работе.

…

Когда мы прибыли сюда, он ранним рассветом, несмотря на сильный мороз, ходил за водой, колол дрова, топил кухонный очаг. На полу кухни он короткой веткой написал иероглифическое слово «一家人». Это значит: «Мы с вами – члены одной семьи, и чувствуйте себя как дома». Я благо-

дарно тепло сжала ему шершавые руки.

Однажды старик Пэн пришел вместе с пожилым китайцем, хорошо говорящим по-корейски. Нежно поглаживая старика Пэна по спине, тот китаец на корейском языке не без гордости представил нам его:

– Знаете, дядя Пэн, хотя ему стукнуло под шестьдесят, добровольно вызвался в группу носильщиков отряда китайских народных добровольцев… А наше правительство предложило ему оказать здесь помощь народноармейцам.

Мы, медсестры, горячо рукоплескали ему, а я не могла оторвать глаз от его морщинистого лица. Затем старик Пэн начал рассказывать.

С тех пор много воды утекло, но и сейчас хорошо помню произнесенные им тогда слова. Он говорил:

– Вам не надо стесняться. В истории китайской революции запечатлены заслуги бойцов отряда Полководца Ким Ир Сена. И Мао Цзэдун сказал, что государственный флаг Китая с пятью звездами пропитан и кровью корейских революционеров, – и он с глубоким воспоминанием продолжал: – В начале 1930-х годов отряд командующего Ким Ир Сена действовал в моем родном уезде Ванцин. Тогда мы, арендаторы, жили в крайней нужде. А командующий Ким создал освобожденный район и образовал народное правительство, безвозмездно конфисковал помещичьи земли и раздал их нам. Итак мы, оказывавшиеся на краю гибели от голода, смогли выйти из критического

положения. И мы уважаем командующего Кима как своего предка. А янки вторглись в страну командующего Кима. Нам хотелось не забывать его заботы о нас и ответить на нее, и все вызывались направиться на корейский фронт. Уже давно мы с вами стали членами одной семьи. В трудную минуту помогали друг другу ценой крови. Командующий Ким умело проводил не только политику, но и бои. Неслучайно самураи вопили, что командующий Ким применяет непревзойденные военные тактики – «сокращает землю», «магически появляется или исчезает». И в народе шли всякие слухи, что он – военачальник престарелого возраста. Но ему тогда было всего двадцать один или два-три года. Правда, он легендарная личность, ниспосланная небом. У него на лице всегда была добрая улыбка, звал нас дядей. Даже пропалывая у нас суходольные поля, он доступными словами объяснил: когда народы Кореи и Китая объединят силы и поднимутся на борьбу против японских захватчиков, то они непременно погибнут, две страны будут освобождены и встретят новый свет. Он необычно любил человека. Действительно, он вождь народа, ниспосланный небом.

Когда он закончил рассказ, мы устроили ему овацию. «О, как мы счастливы иметь такого великого вождя! Ведь и простой деревенский старик соседней страны, не забывая заботы Полководца Ким Ир Сена, в дни войны так отправил своего сына на корейский фронт, заботливо относится к нам». Меня

охватило неудержимое душевное волнение.

Я пока видела нашего Верховного Главнокомандующего только на его портрете. Но уже, когда я жила на Юге, он стал духовной опорой для меня, всегда хотела увидеться с ним. А теперь я так стала его солдатом. Благодаря его заботе, как сказал китайский старик, моя надежда будет осуществляться, моя жизнь станет плодотворной.

Так от старика Пэна я впервые в жизни слышала о временах антияпонской вооруженной борьбы, встретилась с одним из тех, кто пережил дни того периода. И я уважала старика, как ветерана антияпонской вооруженной борьбы, считала его моим учителем, который с живыми примерами рассказывал мне о нашем Полководце Ким Ир Сене, и особо дружески относилась к нему.

…

Подойдя к старику Пэну, я звала его:

– Батя!

По-видимому, и он считал обращение «батя» выражением глубокого уважения к нему. Отогревая мои замерзшие руки, он сделал жест, как бы спрашивая, куда я сходила. Я указала на базарную улицу и тоже жестом спросила, что это за нанизанную на шампур круглую и красную вещь.

– О, бинтанхулу! – ответил старик.

Да, тот продавец, казалось, так произнес. Я хотела расспрашивать, не является ли это одним из видов фруктов, или из чего оно сделано. Но как же я, не зная китайский язык,

могу понять его объяснение? Даже если бы я поняла его, не знала бы, может ли это вызывать аппетит у того больного. К тому же, у меня не было ни китайского юаня.

На мое лицо, видимо, легла тень. На следующий день я вошла в кухню за пищей для больных, застала там старика Пэна. Повернувшись немножко от меня, вынул из-за пазухи завернутую в бумагу вещь и протянул мне ее.

Равнодушно раскрыв сверток, я очень удивилась. В нем было 5 штук бинтанхулу. Отказалась я, но старик рассердился, упрямо положил их на мои руки. Наверное, он по-своему разгадал тень на моем лице вчера.

Он жестом предлагал мне скорее пробовать, и я сразу хотела положить их в рот, но не могла делать так, думая о том больном. Я поблагодарила его и поспешно бежала к палате. Больной не спал. Я показала ему сверток с бинтанхулу:

– Ну, это очень вкусно. Отведывай, пожалуйста.

Я положил ему в рот один бинтанхулу и еще другой, затем медленно поила его водой с ложки. Я мысленно была так благодарна ему за прием пищи.

Съев две штуки, он сказал, что остальные будет после. И я положила сверток с бинтанхулу у подушки больного. И тихо объясняла:

– Это бинтанхулу *(засахаренные плоды боярышника)*. Их дал мне батька Пэн для тебя. Говорят, что это вызывает аппетит у больных так, как речная мальма, – и я лукаво

приврала: – Ты знаешь, на этой местности нет пресноводных рыб, и больным, потерявшим аппетита, подают этот бинтанхулу. Между прочим, батька Пэн желает тебе скорейшего выздоровления.

В этот миг его глаза сияли оживленно. Бывает, когда помогает невинная ложь. Как хорошо было бы, если бы моя затея помогала ему вылечиться...

Вечером того дня я своими глазами видела эффект моей «доброй лжи». Тот больной довольно хорошо глотал кашицу, предлагаемую мною.

После еды я убрала из палаты посуду, легкой походкой, будто пляшу, шла к кухне. Там шарила глазами батьку Пэна, но его не было.

Вечером я рылась в вещмешке. Очень хотелось чем-нибудь возмещать батьке Пэну. На добро надо отвечать добром. А чем выразить ему благодарность? В вещмешке со всем моим имуществом не было ничего особенного, что можно подарить ему.

Вдруг я обнаружила под пачкой записок что-то в бумажной упаковке. Я взяла его. Распаковала – в нем лежала измятая папиросница. Открыла ее. А вот сюрприз! В ней еще оставались несколько папирос. Про себя воскликнула: «Ого, папиросы!»

Я бережно взяла их в руку, словно нашла сокровище. Мне вспомнилось, что летом прошлого года я отнимала их у одного раненого. В палатке медсанбата, развернутого

на рубеже Андона, он тайком пускал табачный дым. Тогда он очень сожалел за отнятые папиросы:

– Знаешь, это редко мне досталось… Больше не буду курить. Верни мне, пожалуйста.

– Нет, нельзя. Курение запрещено. Понял? – холодно сказала я и, держа папиросы в руке, отвернулась от него.

Тогда я решила вернуть ему их в день выписки, но той ночью его перевезли куда-то. И я просто сунула их в вещмешок, хотела дарить кому-нибудь, когда он выпишется. А как-то каждый раз забывала о них.

Обычно табак далек от жизни женщин, и было естественно, что я позабыла о них. А эти папиросы вместе с вещмешком перешли границу и здесь, на Северо-Востоке, появились передо мной, так вызывая глубокое вспоминание.

Я аккуратно завернула папиросы в белую бумагу. На следующий день я пошла к старику Пэну. Как-то немного стукало сердце.

– Батя! Возьмите, пожалуйста! – Я протянула ему сверток.

Раскрыв его, он очень обрадовался, добро улыбнулся мне.

– Это папиросы, – добавила я, будто он понимает меня.

«Да, на искренность отвечать искренностью – это долг настоящего человека», – подумала я. Искренняя дружба между нами сблизила нас с китайцами и продолжалась с днями.

Немного спустя я сильно простудилась. Однажды в спаль-

не остались только мы с дневальным. Во дворе послышались подходящие шаги какого-то мужчины. Дневальный подсказал мне, что пришел батя Пэн.

Я вышла из комнаты, кашляя глухим кашлем. Старик, потирая себе лоб, объяснял что-то и, взяв меня за руку, тащил в жаркую кухню. По-моему, он пришел лечить меня. Я пошла за ним.

Потирая мне лоб большим пальцем, он делал жест, что это поможет мне. И другие старики тоже показывали мне большие пальцы, одобряя его метод.

Я жестом отказалась: приняла лекарство, и скоро мне будет лучше. Однако старик Пэн все стоял на своем. Я больше не могла отклонить его искренность. И я обнажила лоб перед ним, не обращала внимания, как он делает с ним.

В тот день я вошла в спальню, нахлобучив шапку на лоб, чтобы другие не видели мой лоб. Той ночью я спала, не сняв шапку с головы.

Утром у меня жар спал, стало легче. Казалось, возможно было идти на дежурство. Я умывалась, вошла в комнату. А вдруг голос удивления:

– Ой! Что это за «печать» на лбу?

Взгляды всех обратились на меня.

– Какая печать? – Я посмотрела в зеркальце и удивилась.

Действительно на моем лбу была напечатана большая красная «печать» – синяк. Это был результат метода лечения,

который применял старик Пэн для меня.

Я пришла в смущение. Само собой разумеется, этот кровоподтек не исчезнет в течение одного или двух часов, и как же я могу с таким видом появиться перед больными? Я подробно рассказала о происшедшем моим подругам, которые беспокоились за меня, как за себя, и добавила:

– Значит, это «медаль в честь дружбы»!

– Медаль в честь дружбы? Хорошо сказала, – рассмеялись все.

Идя к палате, я немного стеснялась, но подумала: «Ничего. Не сниму шапку, а кто же заметит красное пятно на моем лбу?»

А в палате я, перевязывая одного раненого, невольно сняла шапку, мешающую мне работать. И палата взорвалась хохотом.

– Ха-ха-ха! Какая печать у тебя на лбу?

– Вроде большого штампа.

– Хочешь стать индианкой? Ха-Ха!

Все разразились смехом. У меня лицо покраснело. Я приложила руку ко лбу. Но мне стало радостно, ведь раньше наши больные так, как сейчас, не насмеялись. Я, улыбаясь им, не без гордости заявила:

– Вы чего? Это медаль в честь дружбы.

Я коротко объяснила метод лечения старика Пэна.

– О, оказывается, это медаль в честь корейско-китайской дружбы!

Мне хотелось, чтобы раненые хоть на минуту не забывали боль и еще дольше сохраняли свое веселое настроение.

– Товарищи, сейчас на Родине свои перешли на новое наступление. Они освобождают захваченные врагами районы, снова наступая на юг. Ну, давайте вместе споем! – Я запевала песню «Вперед и вперед!»

Вообще я плохо пою. И в самодеятельные вечера за песню декламировала стихи, а в тот день особо весело звучал мой голос:

Наступаем, наступаем,
Наступаем мы вперед.
…

Все больные – одни лежали на спине, а другие приподнялись с кровати, вместе подпевали мне, глядя в далекое пространство, как бы мысленно представляя себе фронт.

Из палаты, где царила угрюмая обстановка, разносились песни, которые как бы приглашали всех из штаба части, помещения для военврачей и кухни.

С песней я бросила взгляд на морозное окно – знакомые лица с улыбкой заглядывали. В тот день я впервые в жизни пела соло «Землю мы пашем весной». Я выбрала эту песню, чтобы больные весело воспоминали о тех весенних днях, когда они на освобожденной Родине получили землю и радовались так неудержимо.

Как-то глаза всех больных увлажнились слезами. Казалось,

они дали себе клятву грудью защитить свою великую и благодатную Родину.

Когда я выходила из палаты, старик Пэн, стоявший во дворе, показал мне большой палец.

Вспоминая о «медали в честь дружбы» на лбу, не могу забывать этого доброго старика соседней страны и его рассказ о нашем вожде Ким Ир Сене, в ушах будто все звучит та песня, которую мы с больными пели в тот день.

«Больше не напишу надгробное слово»

Видимо, мое стихотворение «Думы о Родине», помещенное на взводной стенгазете, сильно трогало всех, и слухи о нем как-то донеслись до штаба части.

В дни наступления на Юг и отступления всем стало известно, что я люблю писать что-то, но ни разу не писала и представляла никому произведения.

До сих пор во взводах и в ротах выпускали лишь боевые листки, некогда было делать стенгазету. Итак, мои стихи, помещенные на стенгазете нашего взвода, стали первыми для всех.

Боевые подруги называли меня «нашим литератором», а командиры спрашивали:

– Правда, в первом взводе нашлась писательница?

Когда они часто называли меня «литератором», я испытывала чувство неловкости, как перед настоящими знаме-

нитыми писателями. Тогда я ничем не отличилась от других: ростом была маленькая, еще носила на плечах погоны рядового. Но звание «литератора» имела только я, никто его не заслужил.

Однажды старшая медсестра торопливо позвала меня и вымолвила со скорбью:

– Ты, писательница, помоги нам. Ах, какая беда! Тот раненый второй палаты Юн умер сегодня ранним утром. От атрофии печени!

– Что, он умер? Не может быть! – У меня чувствовалось такое потрясение, будто во мне вдруг падал тяжелый камень.

Переступая дрожащими ногами, я бежала ко второй палате. «Это неправда. Нет! Была бы это ложь», – подумала я.

Я открыла дверь и, войдя в палату, бросила взгляд на постель Юна. Его не было видно, на койке лежали только матраса и сложенное одеяло. Уже унесли его в мертвецкую.

Я едва не заплакала. Глотая слезы, подошла к его койке. Пустая койка солдата-студента! Теперь на этом свете его больше не существует. Я с горя повалилась на койку, с трудом сдерживая слезы, дрожала плечами. Очень болело сердце. Просто хотела бы опуститься на колени и извиниться перед ним, если бы он был жив.

«Как же человек может так уйти из жизни?» – спросила я самого себя. Много раз видела смерть людей, сама испытывала на себе опасность смерти, но меня тогда охватили непосильная

душевная боль, огорчение и виноватость перед ним.

Если бы не было тонких отношений между нами, о чем никто не знает, и «ссоры» незабываемой той ночи, у меня так не защемило бы в груди.

…

Вот на этой койке лежал солдат-студент в возрасте 22 лет. У него были интеллигентный вид и упрямо сжатые губы. Он не так хорошо общался с соседями и не беспокоил медсестер.

Когда я иногда подходила к нему, он почему-то не обращал на меня внимания и часто писал что-то на листе бумаги, погрузившись в глубокое раздумье.

С первого дня его прибытия мне не очень понравились его молчание и равнодушие к медсестрам, и я невольно уделяла ему особое внимание. Но я нечасто сидела у его изголовья, принося ему поднос с пищей, специально не заводила ни одного разговора.

У меня часто возникал такой вопрос, не является ли он, как я, любителем литературы. И хотела узнать, о чем он так думает и что пишет, но мне не удалось. Об этом он не говорил ни одного слова и соседям.

Шумно разговаривая с другими больными, я нарочно повернулась спиной к нему, как бы мне совсем равнодушно к нему. Однако его молчание имело такую удивительную силу, что мои нервы сами собой сосредоточивались на нем. Я обнаружила себя, притягивающуюся к его равнодушному молчанию, как попавшаяся на крючок рыба.

Он получил сквозную рану в бедро, его печень увеличилась на три пальцы. Однако после многоразовой операции его рана постепенно зарастала новой соединительной тканью, и он не считался тяжелораненым.

Сестры процедурной приходили с аптечкой к нему и обрабатывали рану, поэтому я просто приносила ему только пищу. Пусть он закрывает глаза на меня…

Как-то я бинтовала голову одного раненого. Вдруг чувствовала взгляд на меня и оглянулась назад. Раненый Юн, устремлявший на меня взор, вмиг повернул глаза в сторону. И после того я порой ощущала такой взгляд. Не помню, сколько раз.

Однажды глубокой ночью в палате стало тихо: казалось, все раненые спали сном праведника. В окно проникал лунный синеватый свет, изголовья оказались в тени.

Отчего-то у меня на душе было смутно. Вдруг кто-то позвал меня. Я обернулась на голос. Это был раненый Юн. Он с трудом приподнялся с постели, и я тут же подошла к нему на помощь.

– Сестренка, знаешь… у меня в сердце засел осколок.

Я с удивлением спросила:

– Что? Осколок? Зачем же вы не сказали врачу об этом?

Я сразу поняла, почему он был так молчалив: это из-за осколка.

– Я скажу врачу. Об осколке, – нетерпеливо заметила я.

Он немного застеснялся и сказал, что врач не может

извлечь тот осколок из своего тела. Я возразила ему:

– Да что вы, кто же может снять осколок, если не врач? А?

Он на минуту молчал, затем смущенно бормотал:

– Осколок из моего сердца можешь извлечь… ты, только ты. Я… я люблю тебя.

Слегка дрожал застенчивый и взволнованный голос Юна. Он сидел, закрыв лицо одной рукой, а я с волнением стояла, не смея дышать. Чаще колотилось сердце. В мозгу мгновенно мелькали всякие мыслишки, сбивая меня с толку. Неизвестно, сколько времени прошло… Вероятно, для него это было первое признание в любви. И я тоже впервые в жизни столкнулась с таким делом.

– О любви говоришь? Не верю. Думаю, я просто тебе приглянулась. – Я непроизвольно перешла на «ты».

– Нет, правда, люблю. Ты бы только знала – как!.. И на фронте я не забуду тебя!

Он в первый раз в упор смотрел на меня под лучами тусклого света. Мы на минуту молчали. У меня на душе точно перекрещивались противоречивые чувства, каждое из которых показало себя. Мозг мой пронзила мысль: «Любовь – это, как говорится, такая вещь, которая овладевает сердцем. А… неужели я могу любить только одного человека?» Как-то я чувствовала к нему странную антипатию.

– Как же я могу любить только тебя? Я люблю всех больных этой палаты. Всех! Ты в этом удобном тыловом госпитале расстраиваешься из-за таких пустяков. Ты,

право же, бессовестный!

Это был ответ моего непритворного голоса сердца, но он задел его за живую струну. Он, укрываясь одеялом с головы, лег в постель на спину. Одеяло пошевелилось. Видно, он всхлипывал.

Я тоже хотела плакать. Не выдержав, вышла на улицу, скрылась за дымовой трубой и расхныкалась. Спустя некоторое время я со слезами пыталась размышлять здравым умом. «Любовь! Как же он может так заявить, что любит меня? Что же он знает обо мне? Нет, это отнюдь не любовь. Любовь – это странная вещь. Ведь она является скоплением, проявлением чистых чувств, вспыхивающих в один миг у человека! Значит, за что я так остро упрекала этого солдата-студента? За объявление в любви?..»

Горькие слезы мужчины вызвали у меня милость. Мне хотелось вбежать в палату, утешать и гладить его.

Я проливала слезы, ибо мне так было досадно и жалко слушать первое признание в любви не на берегу реки или в парковой алее Родины, а именно здесь, в чужой стране, в полутемной палате, и не могла ответить теплыми словами.

Со слезами на глазах я взирала на небо. Луна излучала холодный свет, как будто равнодушна к сложным вопросам в человеческой жизни.

…

А он, правда, ушел на тот свет. Может, он, предвидя свою смерть, в ту ночь так поспешно признался в любви.

Если бы он, уже мертвый, ожил, я бы опустилась на колени и извинилась.

В этот день мне дали задание писать надгробное слово.

О, солдат-студент! Как же я могла знать, что этот раненый Юн станет героем моего первого некролога?..

Надгробное слово я писала, глотая слезы. Я слово в слово приводила строки из письма его отца:

«Помни, что ты первый студент из нашего поселка Санрын! И никогда не забывай о просьбе стариков поселка, провожавших тебя в институт. Как они настоятельно попросили тебя обязательно научиться технике мостостроения и устроить им прекрасный мостик в родном краю! После победы ты должен непременно вернуться в институт и продолжать учебу…»

В день первого траура на чужбине все бойцы части громко всхлипывали, слушая надгробное слово. Передавая неизвестную трогательную историю, оно так вызывало у всех печаль.

А в феврале в терапевтическом отделении подряд умерли три больных. Каждый раз написать надгробное слово поручали мне.

Конечно, я составляла текст, выбирая прочувственные и соболезнующие слова. Однако за ними всегда следовала невыразимая душевная боль. С тех пор я решила больше не писать надгробное слово. Казалось, больные умирают так часто оттого, что я хорошо составляю его.

– Больше я не напишу. Больше! – категорическим тоном заявила я старшей медсестре.

Она просто кивнула и пошла.

Да. Я с удовольствием писала бы благословляющие рождение детей речи. Не некролог, а письменное поздравление в адрес новорожденного! Его хотела бы писать всю жизнь. Как приятно было бы сочинить поздравления!.. С такими мыслями у меня будто камень свалился с души. А, слава Богу, больше не происходила смерть больных.

До сих пор я не могу забывать ту суровую раннюю весну, когда мне приходилось написать некролог. И вспоминаю о той ночи, когда слышала первое признание в любви от одного солдата и обливалась слезами, – нелегко утоляю терзающую душу боль.

Добродушные китайцы

Все еще стояли морозы, будто они пытались выстоять до последних сил на этой земле. Но утреннее небо все же было безоблачным, ясно-синим. Солнце ярко освещал обширный простор.

Настало 8 марта 1951 года, Международный женский день. Так мы встречали его на чужбине. Но все-таки он приподнял у всех настроение.

С раннего утра мы суетились: в части будет скромный банкет для женщин в военном мундире, нас посетят сель-

ские работники поздравить нас с праздником. Мы, как девушки, собирающиеся на свидание с парнем, прихорашивались с азартом. Нам хотелось хоть сегодня показаться здешним работникам красивой корейской девушкой в мундире.

Я тоже начищала до блеска звезду на шапке и коричневый ремень, выпуская пар изо рта. В то время у меня была короткая прическа, почему-то волосы как следует не росли, и я всегда с завистью смотрела на старшую медсестру с двумя косами, в которые вплетены ленты. «Теперь мне 18 лет. Не пора ли заплетать косу и иметь девичий вид?» – мелькнуло в голове.

В этот день я, решив изменить мою прическу, расчесала волосы на затылке и заплела их в две косы. Косы еще не так длинные, но приглядные. А у меня не было ленточки для украшения. И я растворила красную каплю меркурохрома в воде, замочила кусок бинта, потом высушила на огне окрашенный в светло-розовый цвет бинт и вплела в косу его, как ленту.

Все шумно сказали комплименты насчет моей прически. Я удовлетворенно посмотрелась в зеркало, довольно улыбнулась. Другие девушки слегка прижженной спичкой подводили себе брови дугой, и я тоже впервые в жизни спичкой красила брови.

– Вот здесь крем. Ну, давай мазать кремом! – раздался чей-то голос.

Баночка для крема перешла из рук в руки. Мы наперебой нанесли на лицо крем, массировали. Я пальцем опустошила баночку и помазала лицо кремом. Это была единственная, но общая косметика нашего отделения. В один из летних дней прошлого года разведчик, пройдя мимо госпиталя, шутливо насмеялся над нами и подарил крем.

Если бы мы мазали губной помадой, то казались бы более красивыми. Однако все и без нее выглядели красиво, так как были в расцвете молодости. Тут Пхиль Сун, балагурка нашего отделения, заговорила:

– Ну, девочки, как вы думаете? После войны и мы, может, выйдем замуж и родим крепкого сына…

И все разразились смехом.

– Ага! Ты уже думаешь о рождении ребенка, – сказал кто-то, и взорвался более громкий смех.

– А вы не хотите стать матерью? – звучал равнодушный и слегка повышенный голос балагурки.

Все покатились со смеху, даже не ощущая, что спутываются аккуратно причесанные волосы. Смеялись и от радости, и от веселости.

В тот день нас посещали сельские работники. Мы вместе с ними сидели в большой комнате, они поздравили нас с праздником. Среди них был и кореец по фамилии Ли, мы через него без стеснения обменялись приветствиями и поняли друг друга.

Я попросила рассказать мне о движении против американской агрессии, за оказание помощи Корее, в защиту своих очагов и родной страны, развернувшемся в Китае, о чем так хотела узнать уже в вагоне эшелона, в котором мы приехали сюда. Подумала, что, поскольку мы пребываем здесь, в Китае, нужно подробнее знать о нем.

Ли с удовольствием рассказывал.

Помню часть его рассказа: движение против американской агрессии, за оказание помощи Корее, в защиту своих очагов и родной страны развернул китайский народ в благородных целях пресечения агрессивных акций империалистов США, защиты отчизны, оказания помощи корейскому народу в справедливой борьбе, далее, защиты мира в Азии, всем мире и др.; в Китае в общегосударственном масштабе проводятся массовая антиамериканская демонстрация, антиамериканская воспитательная работа, кампания за сбор пожертвований на оружие, разные работы по оказанию помощи корейцам в рамках всенародного движения против американского империализма и за спасение Родины. Под знаменем движения против американской агрессии, за оказание помощи Корее, в защиту своего очага и отчизны, поднятым китайской компартией и Мао Цзэдуном, китайский народ оказывает корейскому народу активную материальную помощь и моральную поддержку, направил на корейский фронт отряды добровольцев из своих лучших сыновей и дочерей.

Он добавил, что на этом фоне каждая семья этого поселка от чистого сердца участвует в работе по сбору пожертвований, нацеленной на поддержку корейцам. Его рассказ позволил нам понять смысл этого движения китайцев шире и подробнее.

В тот день все мы вместе садились за столом, специально накрытым для нас, женщин, пели песню, много разговаривали в теплой атмосфере. Они поднимали тост за наших корейских медсестер, отмечающих Международный женский день, за победу в корейской войне.

После обеда мы вышли на улицу, сфотографировались на память. Один из посетителей принес фотоаппарат, и мы наперебой снимались по отделениям во дворе перед палатой. Действительно, для нас, может, не будет лучших подарков, чем фотография.

Тогда мы ни разу не сфотографировались в военной форме, так что все были в приподнятом настроении. А у двери палаты раненые завистливо смотрели на нас, стоящих перед фотоаппаратом. Мы, тесно собравшись, сфотографировались вместе с ними. Эта фотография была так маленькая, размером с коробку спичек, что на ней трудно было разузнать лица. Однако тогда я и не могла думать, что этот фотоснимок свяжет меня со старшей сестрой, которую я после расставания так старалась отыскать.

Когда у нас закончилась фотосъемка, Ли подошел к нам и вел старшую медсестру за руку. Он объяснил, что женщина,

живущая в этой деревне и пославшая своего сына на корейский фронт добровольцем, приглашала кого-нибудь из нас в гости.

Старшая медсестра попросила меня вместе пойти туда. Уже прошло несколько месяцев, но здесь, в Люшуе, мы еще ни разу не побывали у кого-либо. Не хотели напрасно беспокоить китайцев за нас.

Эта женщина, по словам Ли, первой пожертвовала большое количество хлопчатой ваты в пользу корейцев и поставила своего сына в первые ряды добровольцев. Она вместе с мужем скромно жили в обычной избе. Эти пожилые супруги радостно встретили нас.

Мы вслед за ними вошли в комнату и сели на кан *(китайская печка-лежанка)*. Хозяйка дома отодвинула в сторону обувь, которую прошивала стежками, вынула из корзинки письмо от сына и показала Ли.

– Товарищ Ли, читайте это письмо. В Корее у моего сына, ушедшего от дома, есть много корейских матерей. – Глаза у нее повлажнели от слез.

Она жестом поторопила Ли читать письмо. Он для нас вслух читал его на корейском языке.

Ее сын писал, как заботились о нем женщины одного поселка в Чончжу – когда он заболел, кормили его с ложки водой с медом и ухой, на берегу ручья стирали белье за него… Письмо с начала до конца рассказало, как матери Кореи проявили искренность к ним. В его каждой строке чувство-

валась сердечная благодарность к корейским женщинам.

Я была очень рада, как будто он хвалил мою родную мать. Так хотелось гордиться матерями Кореи, которые от всего сердца заботятся о китайских народных добровольцах, как о своих родных сыновьях.

С довольной улыбкой слушая письмо от сына, домохозяйка бормотала:

– Не знаю, где сейчас мой сын сражается. Но он непременно вернется домой, выгнав американцев. Тогда буду женить его на красивой девушке. И сейчас, как вы видите, делаю обувь, готовлю свадебный подарок невестке…

– Непременно мы приедем, когда ваш сын поженится, и вы только сообщите нам. Давайте мы, корейцы и китайцы, сообща накроем пышный стол и отметим свадьбу вашего сына, – сердечно сказала я, взяв ее за руку.

Будто представляя себе тот день, она говорила: «Хорошо, хорошо». Затем встала, принесла из кухни миску с засоленными яйцами и предложила нам отведывать их.

– В китайской деревне подают это блюдо только дорогим гостям, – объяснил Ли.

– Моего сына женщины Кореи любят, как родного. И вы зовите меня мамой и часто заходите, – попросила домохозяйка.

Я хотела оставить для нее что-то на память. На листе бумаги старшая медсестра написала: «Да здравствует корейско-китайская дружба!», а я – «Дух движения против американской

агрессии, за оказание помощи Корее, в защиту своего очага и отчизны вечно будет сохраняться в сердцах народов двух стран».

Китайские пожилые супруги сказали, что бережно, долго сохранят ее, покажут сыну, когда он вернется. Прощаясь с ними, мы не опустили руки друг другу и чувствовали теплую дружбу между двумя странами.

С тех пор прошло более 60 лет. Я часто думаю: «Вернулся ли тогда ее сын благополучно?» С течением времени тех супругов, вероятно, нет на свете, теперь их потомки рассказали бы о прошлом. Вспоминая прошедшие дни, я по-своему питаю надежду на то, что и у них в сердцах, наверно, сохраняется дух движения против американской агрессии, за оказание помощи Корее, в защиту своих очагов и родной страны.

На поле в Люшуе

Казалось, мы уже привыкали к лютому морозу на Северо-Востоке Китая. Какое счастье, что у человека есть способность акклиматизироваться! Днем я в палате изматывалась от ухода за ранеными, но и ночью не могла отдыхать. В нашем отделении простудились и слегли даже двое, не хватало людей для ночного дежурства. И я добровольно взяла его на себя.

А командир отделения поручила мне отдежурить ночь в палате больных психическим расстройством.

За какими многими ранеными мы ухаживали, вступив в армию!

Мы, медсестры, стирали из живой раны гной с кровью, извлекали из гнойной раны кишащих червей, всегда добродушно и самоотверженно относились к раненым, которые, стиснув зубы и вынося боль, вели себя, как избалованный ребенок перед матерью. Теперь для меня все они считались неотрывной частью своего тела, близкими боевыми товарищами. И в условиях суровых испытаний мы были так стойки, добросовестны и самоотверженны. Всегда молча и усердно занимались своими делами – и легкими, и черными, не заслуживающими внимания людей, не пасовали перед любыми трудностями.

А сегодня ночью я должна была ухаживать за психическими больными. Это было для меня впервые, и растерялась, даже боялась обращаться с ними. Но теперь мне нельзя было избежать, отказаться от дежурства в той палате. Мне оставалось только проявить самоотверженность, искренне обращаться с больными и ухаживать за ними.

Для них использовалась одна из комнат китайской избы. Сквозь трескучий мороз я ощупью направилась к ней. Над головой раскрывалось беловато-мутное ночное небо, на широком поле резко выл студеный ветер. Я чуть открыла дверь в палату и остановилась от испуга. Изнутри донесся жалобный и плаксивый голос дежурной:

– Вы что, с ума сошли? Чего вы суете кулак в огонь? Вынимайте!

Вслед за ним послышался голос больного:

– Сволочь, двуногий волк, убью тебя! Сожгись в огне! Будь проклят!

Я быстро открыла дверь палаты. У камина медсестра изо всех сил старалась вынимать кулак больного из огня. Едва вошла в палату, я сразу же силой оттолкала больного и упрекала:

– Что это? Слушайте меня! Ложитесь, пожалуйста.

Тот больной опустился на спину, руки и ноги судорожно дергались. Пользуясь этим случаем, медсестра сделала укол на его руке, стерла слезы с его глаз и повернулась ко мне. Я крепко сжала ей руку:

– Ну иди отдыхай. Не беспокойся!

В палате лежали 4 раненого. Двое из них почти оправлялись, а у остальных еще появлялись симптомы приступа. Один был расчетом ручного пулемета, ему 30 лет, вот он только что сунул кулак в огонь, а другой – пехотинцем, ему 26 лет.

Медсестра палаты рассказывала мне, что в вещмешке того больного нашелся лист трепаной бумаги, где написано, что американцы сожгли его родное село, загнали оставшихся живыми жителей в пещеру и расстреляли их. Среди жертв были его жена и два младших брата.

Скоро она вышла из помещения, и я сидела в нем одна,

покрыла одеялом его, который лежал как-нибудь, и подумала: «Неужели это письмо вызвало у него нервное расстройство?» Эта война позвала на поле сурового боя всех – рабочих, крестьян, студентов, женщин, и слабых, и сильных людей. И какие страдания и горе только не бывали на войне!

На улице с воем гудел ветер, как бы унося соломенную крышу. Вопреки предположениям больные не беспокоили меня. Они, казалось, погрузились в глубокий сон. Изредка скрипели зубами, бессмысленно бредили во сне. Слава Богу! У камина я, сдерживая накопленную всю день усталость, упорно боролась с дремотой. Стараясь не заснуть, я качала собой, но это было напрасно: меня незаметно для себя клонило ко сну.

Вдруг дверь распахнулась и захлопнулась от ветра – я вскочила с места. Мои глаза проворно обращались на больных. А пусто было место того больного, которого я только что покрыла одеялом. Думая, что он где-то укрылся под одеялом, я поспешно обыскала то там и то сям. Но его нигде не было. Ах! Чего я наделала? Сразу же выбежала из хаты. Осмотрела двор, вышла на дорогу.

– Товарищ, где ты? – окликнула я. Ему было некуда идти.

Мне помнился колодец за дорогой, и дрожь пробежала по всему телу. Бежала к колодцу. Вокруг него все было покрыто льдом, и очень трудно было черпать воду из него.

Я ползла по льду, выкрикнула больного внутрь колодца: «Товарищ, товарищ!» Если бы он утонул в колодце, почувствовался бы малейший признак. Но мой оклик отозвался из колодца эхом. Я очень растерялась от случившегося. Если из-за моей невнимательности при дежурстве что-то неприятное случится с больным, как же я могу поднять голову перед Родиной и дальше жить! Чтобы срочно сообщить о случившемся, я забежала к сестре палаты в соседний дом, попросила доложить командиру отделения и дежурному офицеру об этом. И добавила: «Я пойду на поле, а ты, прошу, прочесывай вокруг дома».

Миновав несколько домов, я уже оказалась на бесконечном поле. Отчего-то меня все мучило предчувствие, что где-то на этом снежном поле больной окоченеет от мороза. Если он замерзнет на снегу… Я поспешно оглядывалась по сторонам, бежала, окликая его: «Товарищ, где ты?!»

Мне это поле совсем не было незнакомым. Со следующего дня по прибытии в Люшуй оно манило меня к себе: где же оно кончится, что будет далеко за горизонтом? Но мне на душе было не до того, как сходить до конца поля, да и не было времени.

А как-то в полдень, в обеденное время, когда стояла сравнительно теплая зимняя погода, нашелся досуг. И я вместе с бойцом одного отделения решили дойти до конца поля. Мы, казалось, были на седьмом небе: шагали, бежали, кричали, пели… В бескрайнем пространстве мы, как бы

сбросили с себя душно сдавливавшую грудь одежду, ощущали легкость и свободу на душе.

А вдруг мы остановились. Перед нами появилось что-то вроде деревянного сундука. Оно лежало тут и там, это были, очевидно, гробы. Они были окрашены ярко-красным и ярко-синим цветами, уже обесцветились от снега и дождя. Мы с перепугу обратно прибежали к себе.

В то время в китайской деревне, говорили, по обычаям не положено было зарыть в землю умерших раньше стариков людей – просто хоронили их в гробе и оставляли на земле.

Вот это поле я избегала, звала, окликала того больного до хрипоты. Но его не было нигде. Я падала духом, тяжелый камень, казалось, подавлял мое сердце. Из темноты я отчаянно глядела на поле. А там на снегу смутно виднелось что-то барахтающееся. И сквозь ветер слегка слышалось что-то, кажущееся выкриком. Ой, что там?! Я стремительно бежала туда. По тому полю, где везде лежат гробы и откуда я когда-то убежала от испуга! Больной, лежа на спину на одном из гробов, руками и ногами бил воздух, громко кричал:

– Сволочь, убью тебя! Чтоб тебе сдохнуть!

Волосы у меня стали дыбом. Меня охватил страх, ужас, как будто из гроба выскочит душа умершего и набросится на меня. Но я, переборов себя, подбежала к нему.

– Товарищ, зачем ты так? Слышишь меня? Как ты мог делать так?

Мне было обидно. Нет, было бы правильнее говорить, что мне было радостно. Из моих глаз по щекам катились слезы. Я пыталась поднять его на ноги.

Но он, ничего не осознавая, все барахтался, выкрикивал. Мне было досадно. Не поняла почему. Но я, очевидно, дрожала всем телом от досады и обиды. Больше не сдержав себя, я избивала его по лицу и голове, безумно ругала:

– Товарищ, как тебе не стыдно! Если бы янки видели тебя таким же, они были бы очень рады! Вот эти двуногие волки так измяли тебя, они и сейчас без разбору убивают наших людей. Как досадно, досадно…

Я вне себя все била его по лицу и голове:

– Вставай, ну, вставай! Родина окутана пламенем войны, а как ты можешь здесь так? – Из моих уст то и дело вырывались бессвязные слова.

А тут же открылось такое зрелище, что глазам не верилось. Больной, только что бредивший что-то, внезапно поднялся с гроба и как вкопанный стоял передо мною. Я, схватив его за руку, хотела тащить его. А из его уст звучал спокойный и четкий голос:

– Сестренка! Прости…

– Что? – Его нормальная манера говорить удивила, даже испугала меня так, от чего я дрожала всем телом. Сразу же меня охватил страх, было страшнее в несколько раз, чем от признака его нервного расстройства. А откуда-то на поле послышались окрики членов нашего отделения:

– Чхун Ок! Где ты?

– Ребята, я здесь. Я здесь! – И я бежала навстречу им, протягивающим мне руку помощи в такую страшную, ужасную минуту. Оглядела больного. Он с опущенной головой шел вслед за мной. Члены нашего отделения от облегчения и радости, что нашли пропавшего больного, сжимали ему руки. Но тот со смущением опустил голову, извинился: «Девушки! Простите! Я уже выздоровел!» Перед этим неожиданным фактом мы озадачились, смотрели друг другу прямо в лицо.

Ушла ночь тревоги и страха, в небе на востоке забрезжил рассвет. Мне чувствовался случай прошлой ночи, как кошмар. В нашем взводе, наверно, привлекут меня к ответственности за то, что плохо несла ночное дежурство. Нет, я, возможно, подвергнусь наказанию или критике.

Я с тяжелой душой встретила новый день. Однако дело шло совершенно иначе. По части распространялся рассказ о мгновенном излечении мною больного нервным расстройством, как анекдоты.

Говорили, я талантливый медик. А как же я могу быть талантливым врачом? Нет. Я подумала. Я с досады только избивала больного по голове и лицу. Не знаю, возбуждали ли мои удары его какие-то нервы, вызывавшие приступ. Все-таки той ночью в один момент он вернулся к нормальному состоянию. Он, сказали, на следующий день обратился к начальнику госпиталя, упорно попросил выписать его, очень хотел выйти

на фронт. Начальник госпиталя согласился выписать его, но он еще несколько дней лечился от ожога, который получил, сунув руку в печку.

В день выписки все отделение пошло на небольшую станцию провожать его на Родину. Я на память подарила ему 3 подворотничка, хранившиеся в вещмешке. Впоследствии, на каком участке фронта он воевал, мне неизвестно было. Только через несколько лет вместе с его фотоснимком я читала в газете статью о том, что он, работая председателем правления кооператива в одном из горных районов, прилагает все старания к претворению в жизнь политики нашей партии в области сельского хозяйства, и была очень рада. Решив при командировке заглянуть к нему, после написала ему письмо, но получила грустную весть о том, что он погиб руками пробравшегося в село реакционера, его могила находится рядом с могилами зверски убитых врагами жены и братьев.

Родина зовет

На чужбине с лечением больных уже прошел пятый месяц. Минул и жесткий мороз, наконец веяло теплотой. И апрель уже подходил к концу.

Однажды я выходила на улицу утомленная от ночного дежурства, а где-то стрекотала сорока. Как будто на войне впервые услышала стрекот сороки, я оглядывалась, но ее не

было видно. Думала, что это галлюцинация от усталости. Снова начала шагать.

С детства слышала: стрекочет сорока – придет радостная весть. И в голове вертелось желание: действительно сорока стрекотала бы.

Все-таки я и вчера слышала о боевых успехах на фронте! Кроме этой радостной вести, что еще будет? Так утешая себя, я за спиной еще раз слышала стрекот сороки. И обернулась лицом к палате – к удивлению, сорока сидела на ее трубе и все пела.

Боясь, как бы моими шагами не вспугнула ее, я просто стояла на месте. «Ой! Неужели сегодня будет что-то приятное? Что для нас приятное?.. Может быть, Родина зовет нас к себе?» И сердцем владела горячая тоска по Родине. «Уже прошел пятый месяц», – думала я, а сорока улетела куда-то, из трубы клубами валил белый дымок.

Повернувшись, я снова зашагала. Навстречу шла старшая медсестра, быстро проходила мимо меня, шепотом говорила с офицером. По их напряженному виду я предугадала: вероятно, ожидается передвижение части.

После вступления в армию я уже десятки раз перемещалась. А каждый раз перед самым движением видела разговор шепотом между офицерами и напряженный, острый блеск в их глазах. И по тому мы, солдаты, интуитивно поняли, что будут какие-то перемены. Я в точку попала.

Сообщили, что наша часть передаст больных в другой

госпиталь, находящийся недалеко отсюда, и пойдет на Родину, на фронт. «На Родину!» – эта весть волновала каждого из нас. Но никто не выражал своего волнения. Все молча перекидывались теплыми взглядами, про себя обменялись словами, аккуратно готовились к передаче больных и отправлению части.

Скоро во двор палаты прибыли повозки, переносили на них больных. Мы с ними в чужой стране, поддерживая друг друга, пожили вместе. Они то нервно жаловались на боль, то капризничали и избаловались, но все время относились к нам, молоденьким девушкам, как к родной матери и сестре. На глазах больных, пересевших на повозки, показались молчаливые слезы мужчины.

– Как же вам оставить нас здесь и уходить одни? – очень грустили они.

– Успокойтесь! Скорее вылечитесь и вслед за нами выходите на фронт!

Сколько раз нам пришлось произносить такие слова! Очень хорошо было бы, если и они вместе с нами вышли бы на Родину, на сражающиеся высоты… Я, поддерживая больного, подходила к повозке, а он говорил на ухо:

– Девушка, знаешь, у меня есть фотография, снятая вместе с тобой. Везде, где я бываю, покажу ее. И буду искать тебе старшую сестру Ли Сун Хи. Как ты хочешь ее найти!

Я тронулась, сжала ему руку:

– Нашу сестру? Спасибо. Прошу. Помогите обязательно

найти ее.

И я по-новому смотрела ему в широковатое и простодушное лицо.

Как-то раз ночью я сидела у его изголовья, жалобно говорила, что еще не знает, где старшая сестра служит в армии. А не думала, что он так не забудет об этом.

Мы с грустными слезами провожали больных, эвакуируемых на повозках в другой госпиталь, ободряя:

– Скорее поправитесь, встретимся на фронте!

Весть о скором отправлении нашей части быстро прокатилась по маленькому поселку в Люшуе. Пэн и другие китайские старики, готовившие пищу для нашей части, грустно глядели на нас. Большие котлы и бадьи на кухне стояли в стороне, как бы потеряли своего хозяина.

Всегда так чувствуется: все при наличии занимает небольшое место, а при отсутствии пустое место кажется таким большим.

Жители поселка, даже и дети, устремляя свои взоры на нас из ограды и с дороги, очень сожалели, что расстаются с нами.

Мы встали ранним утром, все поспешно собирались в дорогу. «Родина нас зовет!» – Мы, охваченные радостным волнением, не сомкнули глаз всю ночь. Родина зовет нас на поле ожесточенного сражения! Так сильно билось сердце. Участвовать в боях и отдаться победе в войне – это самый священный долг перед Родиной.

Мы с итогами думали о днях в Люшуе, вспоминали о незабываемых случаях. Тихо прошла глубокая ночь, наконец наступил рассвет.

Я хотела снова увидеться и попрощаться со стариком Пэном, с матерью китайского добровольца. Но мы уже выстроились в ряды и шли по полевой дороге к станции.

Когда мы прибыли в Люшуй, обширные земли еще были покрыты белым снегом. А теперь на них зазеленели почки, по обочине росли неизвестные ярко-зеленые травы.

Строй остановился перед 7 могилами, расположенными недалеко от дороги, ведущей к станции. Там их не существовало тогда, когда мы пришли сюда, но сейчас по дороге рядом появились свежие могильные холмики.

– Ребята, минутой молчания почтим память похороненных здесь товарищей, – спереди слышался голос командира части. Все мы, сняв шапки, преклонили голову.

Строй снова тронулся. Но я, внимательно просматривая имена на надгробной надписи, не двинулась с места. Для пятерых из 7 умерших писала и произносила надгробные речи я. И как мне было жалко их, погребенных на чужбине.

Я остановилась у могилы одного бойца, выходца из студентов. Он слишком молодым рано ушел из жизни. Мечтал проектировать мост в родном селе, когда-то до душевной боли сожалел до слез, когда девушка решительно отказалась от его первого признания в любви. А он

сейчас лежал в могиле.

Я бормотала про себя: «Товарищи, с окончанием войны Родина возьмет вас к себе. Мы и на Родине не забудем вас». Казалось, в мое сердце вливались горькие слезы.

На станции уже ждал нас паровоз, испуская пар.

Мы сели на поезд, из тамбура оглядывали насиженный поселок в уезде Люшуй. Избы, колодец и базарная улица, которые сначала были немилы нам, теперь заняли заметное место у нас в душе, вызывая глубокое воспоминание.

А тут мы видели, что ниже от станции, на дороге толпились жители, махали руками старик Пэн и другие мужчины и женщины, бравшие на себя кухню для нас, а также дети. Высунувшись из окна почти до половины тела, мы размахивали им шапками, руками и кричали: «До свидания! До свидания!»

И они громко отвечали, тепло провожали нас.

Я искала мать, чей сын шел в добровольцы, но среди провожающих, видимо, ее не было.

Эшелон с грохотом тронулся. Когда он далеко отошел от станции, издали видно было, что на поле какая-то женщина, размахивая белым платком и крича что-то, бежала.

«Ах, вот она!» Узнав ее, я энергично махала шапкой, крича: «До свидания!»

Мой голос словно бы разлетелся ветром на воздух. Люшуй, место дружбы, так остался позади, паровоз гнал эшелон с нами в Чанчунь.

Последняя ночь

Родина, что ты такое, почему ты так волнуешь меня? 5 месяцев в Люшуе я действительно жила, окруженная дружбой, любовью и заботами всех, но почему-то душа все время устремлялась к родной земле, к моей Родине. Это, можно сказать, ничем неудержимое такое инстинктивное чувство, как душа ребенка, всегда устремляющаяся к матери.

И как же мне быть? Ведь мне лучше умереть в объятиях Родины, хотя она окутана порохом ожесточенной войны. Тогда я сердечно думала так, мы все мысленно уже оказались на сражающейся Родине.

По прибытии части в Чанчунь сообщили, что она ранним утром следующего дня, в 15 минут шестого должна отправиться через Даньдун в Синичжу.

В тот день мы всю ночь не могли заснуть. Нам не давали душевного покоя приказ о том, что мы должны находиться на станции к 4 часам, и, более того, напряженность и волнение от мысли, что скоро уйдем на фронт. И мы ворочались в постели, встали до четырех и направились на станцию.

Тот день был Первомай – праздник трудящихся всех стран мира, и с рассветом на площади перед вокзалом собиралось много людей с большими красными знаменами.

По мере того как приближался час отъезда, меня охватило и не покидало неясное, странное чувство: казалось, я

что-то забыла или ко мне придет кто-то.

Точно в 5 часов 15 минут эшелон с громыханием отправился, и я, успокоив себя, грузно опустилась на скамейку. Поезд несся в Даньдун. Но все меня охватывало что-то непонятное, что не могла точно объяснить.

В жизни человека бывает расхождение. Тогда старшая сестра, которую я так старалась разыскать на пути наступления на Юг, в дни временного стратегического отступления и даже в чужой стране, всю ночь ехала на конной запряжке ко мне. А кто же мог это представить себе!

Рассказ о запряжке

Сестра, которую я так хотела отыскать, работала, как и я, с больными в одном из поселков в провинции Гирин. И она искала и искала меня, единственную младшую сестру, во время наступления на Юг и временного стратегического отступления, потом и в Китае.

А оказалось, перед отправлением на фронт наша часть передала раненых именно части сестры, расположенной недалеко от нас.

Там, в госпитале она служила старшей медсестрой. Приняв и распределив новых больных по палатам, она привычно спросила их: «Кто-нибудь из вас не знает Чхун Ок, медсестру низкорослую?»

А один из них переспросил: «Низкорослую Чхун Ок? Минуточку, у меня есть фото, снятое с ней. А оно слишком

маленькое…» И он копался в вещмешке, вынимал, показывал ей фотоснимок величиной с почтовую марку (когда в Международный женский день – 8 марта мы снимались перед палатой, он завистливо глядел на нас, и я поставила его рядом со мной и снялась вместе).

Стараясь узнавать мое лицо, старшая сестра регулировала очки и долго рассмотрела фотографию. На ней я была в толстом ватнике, шапка надвинулась на лоб. И она воскликнула:

– Да, это она, моя сестра Чхун Ок!

Из ее глаз каплями падали слезы, голос был полон радости и слез.

– Нашла сестру! Ребята, это моя сестра, – кричала она.

Ее окружили военврачи и медсестры, фотография передавалась из рук в руки. Все, деля радость с ней, шумели.

– Старшая медсестра, как ты хотела отыскать ее! Скоро ты встретишься с ней.

– Оказалось, она находилась так близко от нас!

Все радовались, как своему делу. Взяв руки того раненого, показавшего фотографию, она радовалась, будто увиделась со мной, и выразила благодарность:

– Товарищ, большое спасибо. Очень рада, словно увиделась с моей младшей. Скоро найду свободное время – пойду к ней.

Одна девушка от волнения предложила:

– Ребята, давайте нашим отделением вместе пойдем!

На ее предложение все откликнулись.

– Конечно, мы все пойдем вместе!

В палате царила оживленная радость. А тут хозяин фотоснимка с неловким видом сказал:

– Товарищ старшая медсестра! Вы, может, не встретитесь с ней. Ее часть вчера ушла на фронт!

– Куда? На фронт?

– Наверно, теперь часть прибыла в Чанчунь. Слышал, там завтра ранним утром она сделает пересадку, – добавил тот.

И она, стиснув губы, проглотила нахлынувшие слезы:

– Ну, ладно. Я рада и только тому, что она жива!..

Эта весть сразу же передалась командирам части, даже донеслась до китайских стариков, помогавших части.

Той ночью, к сожалению, ни один автомобиль не ехал из госпиталя в Чанчунь. Пройти за ночь сотни километров было невозможно. Тут один из китайских стариков предложил быстро собраться и тронуться в путь, ибо можно добраться туда к 15 минутам шестого утра, если промчаться на лошади всю ночь.

Минут через тридцать погрузили два тяжелых вещмешка на запряжку, которая скоро тронулась в путь. Все, желая удачи – обязательно встретиться с младшей, провожали ее. Запряжка по полевой тропинке как стрелой неслась сквозь темноту.

Китайский старик, держа поводья и боясь, как бы не

опоздал к поезду, все погонял лошадей, сосредоточивая все нервы на темной дороге.

Говорили, запряжка со старшей сестрой доехала до станции, когда эшелон только что отошел и поворачивался за поворот горы, оставляя свой хвост.

Но тогда я не могла знать об этом. И впоследствии я не слышала о сестре и на восточном участке фронта, и после демобилизации из армии.

И сегодня не могу забывать о расхождении того дня. Конная запряжка промчалась бы всю ночь, китайский старик, запыхаясь, хлестал бы лошадь кнутом… Хотелось бы сделать ему хотя бы земной поклон…

Когда поезд приближался к Родине, как-то я успокоилась, сердце стало биться ровно. «Родина! Я так тосковала по тебе, скоро я ступлю на родную землю, – промолвила я про себя. – Как здороваться с встречающими нас на станции людьми?» У меня в голове вертелись разные приветствия: «Здравствуйте!», «Как вы трудились!»

Тем временем поезд уже переходил реку Амнок. Я неотрывно взирала на небо Родины. Хотя был поздний вечер, на небе еще разгорелась заря.

Все взяли на плечи вещмешки, вышли на тамбур. У всех нас сердца чаще стукали от сильного возбуждения и восторга, что мы уже оказались на родной земле.

Поезд остановился на платформе. Мы по порядку сошли с эшелона. На темной платформе никто нас не приветство-

вал, не встречал.

Непривычный резкий запах пороха, разгорающееся вечерним заревом небо и земля – все это, сливаясь в огромную гармонию, захватило нас. Родина горела.

Спускаясь по подножке, я во весь голос воскликнула про себя: «Сильная и священная Родина-мать! Пусть я буду сражаться и погибать за тебя, но снова буду рождаться в твоих объятиях! Моя любимая Родина! Родина!»

На лицах товарищей, глядящих на меня, глаза ярко сверкали, как огонек.

НА ПУТИ НОВОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Ребята, не плачьте!

Нет, на родном небе разгорелась не вечерняя заря. Это были отблески вспыхивающего везде пламени.

От бомбежки тут и там поднимались столбы огня, горели стропила, обрушались кровли, лопались стекла… В этом адском горниле более раздирали сердца плачи, вопли, крики детей.

Когда мы уехали от Даньдуна, американские варвары сбросили бесчисленные бомбы на эту землю, превратили ее в море огня. Родина измучалась от пламени войны, от бедствий войны.

Видя городские улицы, окутанные пламенем, мы чувствовали тяжесть в душе, как будто грудь давило огромным камнем. Наши сердца душила холодная ненависть так, что мы крепко кусали губы.

Все мы перед вокзалом молча смотрели на это трагическое зрелище. Нет, мы просто не видели, а глотали кровавые слезы. «Проклятые янки! Еще сколько бомб хочется сбросить, чтобы истребить наш народ? Сволочи!» Тут звучал голос командира части от жгучей ненависти:

– Видите, Родина горит. Давайте все возьмемся за спа-

сение народа из этого пламени.

– Есть. Первый взвод, за мной вперед!

Вслед за взводным я уже бежала в горящий переулок. У каждого из нас в санитарной сумке имелись простые медикаменты, индивидуальные бинты, медицинские инструменты. Ими можно было оказать первую помощь раненным жителям.

В переулке вдруг я услышала резкий плач ребенка – оглядывала. Дом с низкой кирпичной оградой охватило сильное пламя, его языки выползали из окна. Вбежала в ограду, невольно остановилась перед страшной картиной. Мальчик лет шести, держав на руках младенца в одеяле, печально плакал.

– Мама, мамочка, выходи! Быстрее! – выкрикивал он, весь в слезах, махая рукой в пылающий дом.

Я сразу же взяла у него младенца на руки, но его голова уже была обожжена, сердце перестало биться, губы чернели.

– Ох, ты держал на руках мертвого младенца! Брат умер. – Я хотела спросить, где его мать, но не решилась.

Мальчик, схватив мою гимнастерку, тащил меня в сторону горящего дома, умоляя:

– Моя мама в доме. Спаси ее! Маму… оттуда… – И он все плакал.

Я со слезами на глазах смотрела на него, снова завернула лицо мертвого ребенка в одеяло и, взяв мальчика за руку, выходила за ограду.

– Пошли. Мамы нет. Ее убили американские варвары!

Все оглядываясь в сторону дома, мальчик жалостно топтал ногами от горя:

– Мама, мамочка…

Я опустила умершего младенца на обочину дороги и, думая еще идти в другое горящее место, сказала мальчику:

– Здесь жди меня. Никуда не уходи.

Но он обоими руками крепче захватил мою гимнастерку, не отпускал меня.

– Не брось меня! И я хочу с тобой! Не иди! – И мальчик в слезах, в ужасе так крепко взял меня за ноги, что я не могла сдвинуться с места.

На дорогу вышла командир отделения, неся раненную женщину на спине. Увидев меня, она велела: «Она получила ожог! Ей нужна скорая помощь!», и еще бежала куда-то.

Я торопливо открыла сумку, вынула лекарство. От страшной боли женщина исказила лицо и громко плакала. Ее плечо и рука все были в ожоге. Смазали ожоги, но она содрогнулась от слишком сильной боли.

– Послушайте, скоро лекарство поможет вам, боль пройдет. Терпите, прошу… – настоятельно успокоила ее я.

Но она, ударяя кулаком в грудь, жаловалась:

– Девушка! Какая досада! Как я могу терпеть эту горечь?! Вся семья умерла, только я осталась живой…

От ее рыдания мальчик еще более горько плакал. Плакал он, рукой по-прежнему ухватившись за подол моей гимна-

стерки и боясь, как бы я не шла куда-то.

Откуда-то доносились выкрики, оклики, звуки шагов, но меня руки мальчика не отпускали. По улице группы из жителей бегом переносили раненых на носилках. Одни с котомкой за плечами, взяв детей за руки, спешили куда-то, а другие уносили раненых с перевязанными ногами.

Пола моей гимнастерки все еще находилась в руках мальчика, и я на месте, раскрыв санитарную сумку, оказывала первую помощь выходящим на улицу людям.

– Послушайте, там, в школе у горного подножия был устроен пункт скорой помощи. Идите туда! – предложила сидевшим на обочине раненым военная фельдшерица нашей части. И она мимо меня прошла, крича: – Собирайся там!

Скоро носильщики пришли и перенесли раненного в ногу человека. Ожженная женщина сидела на спине мужчины с повязкой на рукаве. И я встала с места, собираясь в место сбора.

– Тетя, возьми меня с собой! Ну, прошу! Давай и моего брата!.. – Глаза мальчика залило страхом и отчаянием. Их я и сейчас не могу забыть.

– Ну ладно, вместе пойдем. И с твоим братом – С обочины я взяла на руки завернутое в одеяло маленькое мертвое тело. Но страх от смерти малыша все-таки не покинул меня.

Я зашагала. Где-то на улице послышался голос женщины:

– О Док, стой! Стой, говорю…

Она догоняла убегающего мальчика и обеими руками крепко ухватилась за него.

«О Док? Это, наверное, не тот самый О Док?» У меня колотилось сердце. Я преграждала ей путь и спросила:

– Тетя, вы окликнули О Дока?

Со свету было видно овальное лицо пожилой женщины.

– Что? Зачем он тебе?

– Его, правда, звали О Док? Имя моего знакомого мальчика такое же…

Я вгляделась в лицо мальчика, стоящего перед ней. Маленькие глаза под черными бровями… Да, знакомое лицо, именно он. Я чуть было не воскликнула. А он сразу же, исказив лицо, захохотал, как бешеный.

– Девушка, он болеет нервным расстройством. По его словам, американские злодеи так сделали его…

Я громко спросила:

– Этот мальчик пришел с Юга, не так ли? Где его мать?

– Она, слышала, трагически была убита! При нормальном сознании он сказал… младшие братья тоже…

«Ой, несомненно, это он. На одной из улиц освобожденного Сеула я встретилась с матерью О Дока!» Я попросила ту женщину провести его в пункт скорой помощи части. Так мы – я, О Док, пожилая женщина и мальчик – направились в школу у подножия горы, где находится пункт скорой помощи.

Той ночью под тусклым светом луны я вместе с чле-

нами отделения похоронили мертвого младенца на склоне горы. И тогда тот мальчик крепко ухватился за полу моей гимнастерки, молчаливо, сделав плаксивый вид, следил, как закопали брата в землю. Потом я, неся его на спине, спустилась с горы.

Я вошла в класс, и та женщина, тихо сидевшая рядом с О Доком, оглянула и спросила:

– Кто этот мальчик?

Я рассказывала, какое несчастье с ним случилось. Она взяла из моих объятий спящего мальчика и сказала:

– Этого мальчика я возьму. У меня пять-шесть детей, потерявших родителей и бродивших на улице. Я выращу их в горном захолустье провинции Северный Пхёнъан, пока война не кончится.

У меня комок к горлу подступил.

– Тетя, спасибо. Детей, осиротевших во время войны… Скажите, пожалуйста, хотя бы имя… – тепло говорила я.

– Не стоит. В моем родном крае американские палачи совершили чудовищные злодеяния. Из односельчан только я одна осталась живой… Враги всех заживо погрели…

Сквозь просачивающийся в окно свет луны виднелись дрожащие ее губы и катящиеся по щекам толстые капли слез горечи.

– Когда наши отошли временно, у нас на Ракёнском руднике янки зверски убили много людей… – от нестерпимой обиды и возмущения часто прерывался ее рассказ, но ее

каждое слово, терзая сердце, врезалось нам в душу.

На Ракёнском руднике американские захватчики заживо забросили более 800 горняков и жителей на рихт-шахту глубиной в 110 метров. Ее мужа, начальника шахты, и детей они прикрепили к рельсам и раздавили их вагонеткой. Тогда она была у родителей, смогла избежать беды. Об этом она рассказала со скрежетом зубовным. Еще рассказывала и о чудовищном погроме в Синчхоне, насколько слышала у людей. Какое невообразимое зверское убийство совершили американские агрессоры после отступления нашей армии!

Той ночью глаза у нас, которые слушали ее рассказ, сверкали гневом и ненавистью к врагам. Та женщина сказала, что пойдет до того, как мальчик в ее объятиях проснется, еще раз попросила хорошо присмотреть за О Доком и, неся мальчика на спине, под колыхающимся лунным светом ушла из школы.

Казалось, в ушах все звучал плач ребенка, сидевшего на спине женщины, и я не находила себе места. В душе чувствовалась пустота так, как упустила из рук пойманную птицу, в один миг словно иссякли все силы, гнулись ноги.

Первую ночь на Родине мы так проводили, и повалились от усталости, заснули на полу класса. Беспокоясь об О Доке, я поспешила в класс, где он лежит. Он уже пробудился ото сна и угрюмо сидел. Я, гладя его по голове, спросила:

– Ты меня не узнаешь?

Он качнул головой.

– Неужели ты не помнишь? В Сеуле Народная Армия разделила рис, – напомнила я, – тогда твоя мама несла мешок с рисом на голове, вместе с тобой, а я помогла ей… – Но от него не было никакой реакции. Лишь его узкие глаза, как бы сомневаясь в чем-то, уставились на меня. – Ах, О Док! Ты вместе с мамой у въезда на мост...

И его глаза засверкали.

– Да, помню. Значит, ты та сестра, которая помогла нам.

Я от радости обняла его.

– А как же с мамой? Где твои братья? Ну, скажи, О Док!

– Нет, не буду.

О Док, поджав губы, обернулся спиной ко мне. Я задумчиво глядела на растрепанные волосы на его затылке. «Мать О Дока!» В моей жизни я застала ее только мельком, но она оставила у меня неизгладимое за всю жизнь впечатление. Я ничего не знала о ней – ни имени, ни биографии. Перед моим взором всплыло только ее чистое, бодрое и счастливое лицо. Спустя немного О Док повернулся ко мне, рассказывал прямо о своей матери, о которой я так хотела узнать.

…

Они, погрузив на ручную тележку братьев и одно ватное одеяло, по горной тропе направлялись на Север.

Изнеможенная по дороге мать О Дока, в конце концов, бросила одеяло, тележку и носила одного ребенка на руках,

а другого – на спине. И она, взяв О Дока и его другого брата за руки, шагала дни и ночи, говоря: «Пошли! Надо идти на Север». Они изголодались в пути несколько дней, порой грызли горные ягоды и плоды.

Однажды с горы они увидели, что из трубы дома у ее подножия идет дым. Мать спустила с себя детей на траву, повелела О Доку и его младшему брату сидеть за кустарником:

– Я иду за едой, и вы не двигайтесь с места.

Опасаясь, как бы младшие братья не плакали с голода, О Док напряженно следил за домом, куда вошла мать. Глаза детей, полные надежды, что мама скоро принесет пищи и воды, приковались ко двору дома, глотали слюни.

– Брат, есть хочу, – по-своему начал выпрашивать еды каждый из братьев.

О Док, закрывая ладонью их рот, требовал тихо сидеть, но это не действовало на них. И он в поисках чего-нибудь съедобного поднялся на заднюю гору. А с нее он видел, что два солдата марионеточной армии, приложив штыки к спине матери, выходили из дома.

– Откуда появилась этакая красная, а? Ты лазутчик? Отвечай! Убью тебя, – бросил один из них.

– Я мимоходом только заглянула попить воды.

– Что? Ну, посмотрим! Говорят, у красных даже глаза красные. – Он подошел к матери, обеими руками уколол глаза.

Тотчас из ее глаз текла кровь. Напрягая последние силы, мать одной рукой указывала не на заднюю гору, где сидели сыновья, а на переднюю, и крикнула:

– Ребята, идите. До конца… идите! – И она упала у плетня.

Но эти злодеи, поднявшись на гору, закололи трех младших братьев штыками и спустились, удовлетворенно смеясь, как хищники. Увидев из-за кустарника это ужасающее зрелище, О Док упал в обморок.

После этого он шел на Север один, с помощью народноармейцев добрался до провинции Северный Пхёнъан, встретился там с доброй женщиной. Закончив свой рассказ, О Док вдруг вскочил с места, заорал:

– Хочешь выколоть мне глаза? – И он уже выбежал в коридор.

Испуганные бойцы отделения встали как на пружинах. Я выбежала на площадку за ним. Еле я захватила его, отчаянно убегавшего от меня, и при помощи прибежавших за мной товарищей вела его к начальнику госпиталя. О Док был передан врачу больницы.

С рассветом мы начали поход на восточный участок фронта. Так мы провели вечер на северном краю Родины и отправились в далекий путь. Не знали, сколько сотен километров мы теперь пройдем до места назначения.

Я шагала, испытывая терзание души. Плач и вопль мальчишки, звавшего маму, смерть младенца, трагедия

матери О Дока, страдавший от нервного расстройства О Док, каждое слово незнакомой женщины из Ракёнского рудника, – все увиденное и услышанное мною вчера вечером возбудило у меня общее негодование. Мне на душе было больно и горько. Как-то казалось, мне тоже хотелось заплакать. «Нет, нельзя! Как я могу плакать? Я иду отомстить за них», – сдерживая душевную боль, я проглотила подступающие к горлу слезы.

Насколько мы преодолевали?! Как раз недалеко от подножия горы, на берегу ручья была подана команда на привал. Майская природа, утопающая в свежей зелени, лежала спокойно, будто на этой земле не бывает ничего страшного.

Мы расположились у подножия горы, в качестве обеда перекусили колобками вареного риса. А из недалекой землянки валили дети. Оказалось, она использовалась как класс для детей. У нас на душе, казалось, сразу же прояснилось.

Мальчишки, разные по возрасту и классу, оживленно бегали по траве, перегоняя друг друга. А несколько девочек перед землянкой грелись на солнце, глядя на играющих мальчишек.

Тут трое детей, игравшие на траве, подняли что-то с земли и радостным голосом крикнули:

– Смотри-ка его. Нашли здесь игрушечный автомобиль. Ой, их даже два…

– Неужели? Игрушечный автомобиль?

Три-четыре мальчика, стоявшие у землянки, с радостью

бежали туда.

– Учительница! Мальчики нашли там игрушечные автомобили. – На голос одной из девочек вышла из землянки учительница, она торопилась к ним.

«Да, если мы победим в войне, то у вас будет гора таких игрушек», – про себя сказала я и с улыбкой на лице смотрела на них. А неожиданно среди них возник громкий взрыв. Уже туда прибежали наши товарищи, и я тоже, выбросив колобки вареного риса, бегом пошла на место происшествия. Но там не было видно только сейчас радовавшихся, весело игравших троих детей, не нашлось ни останков погибших. В моем сердце вскипело негодование, и я вскрикнула: «Говорят, детей не хватает и тигр. Проклятые враги!»

Дети плакали, от их ужасной смерти рыдали во все горло, топая ногами. Успокаивая рядом плачущих детей, я от гнева сказала:

– Ребята, не плачьте!.. Сейчас народноармейцы сражаются, чтобы уничтожить двуногих волков – американцев и отомстить за их смерть. Никогда не забывайте сегодняшней трагедии. Надо из поколения в поколение передать, какие злодеяния янки совершили на этой земле.

Слыша плач детей за спиной, мы двигались вперед. Шагая, я подумала: где же на страницах мировой истории войн записаны более жестокие злодеяния, чем совершенные американскими империалистами! Их преступления никогда не забудет история войн 20-го века.

Враги хотели полностью покончить с корейской нацией на Земле. Разбросили бомбы в города, поселки, даже избы в захолустье. Не только людей. Хотели эти изверги истребить всех живых существ в Корее, стреляли из авиапулемета даже по бегающим собакам.

От американских зажигательных бомб сожглись плодородные поля, где колышутся золотые злаки, а также горы, покрытые зелеными лесами. Более того, по общему командованию маньяка войны Эйзенхауэра в нашу страну и даже в ряд районов Китая были сброшены бомбы с зараженными разными бактериями блохами, мухами, жуками, комарами и другими насекомыми. И американские убийцы 20-го века без малейшего колебания сбрасывали даже игрушки с бомбами замедленного действия.

Я очень сожалела, что не могу сбросить хоть одну бомбу в центр США, чтобы американцы сами изведали смерть и трагедию.

Ученые, юристы и общественные деятели мира, приехавшие на расследование бактериологической войны американских войск, резко осуждали преступников: «Американские империалисты оскорбили чистую совесть человечества, они являются предателями всего человечества, втоптавшими в грязь высокое звание “человек”»; «Надо выгнать американских империалистов из благородной сферы деятельности человечества и отнять у них высокое звание “человек”».

И сегодня при виде счастливых детей у меня в ушах будто звучит детский плач того дня. «Ребята, не плачьте! Обязательно сторицею отомстим американским захватчикам за пролитую кровь!»

Да. Мы никогда не забудем причиненных американскими империалистами беды и несчастья. Когда-то обязательно разоблачим и расплатимся с их неисчислимыми преступлениями. Пролитая корейским народом кровь никак даром не обойдется.

Что, мне заботиться о янки?

Направляясь на восточный участок фронта, наша часть временно остановилась в одном поселке. Мы облегченно вздохнули, мысленно радуясь, что немножко можем снять усталость от марша, а вдруг раздалась команда о тревоге. Нам было поручено новое боевое задание: принять раненых из передовой и пока лечить их в этом поселке. У подножия невысокой горы двадцать изб, как бы очень страдали от войны, стояли почти свалившимися. Но как только был отдан боевой приказ, поселок, казавшийся мертвым, словно возрождался с гибкими ритмами военных действий. Вокруг повозок с материальным снабжением для части суетилось много людей – выгружали мешки с толокном, ящики с медикаментами, палатки и др. Во дворе большой чугунный котел лежал на подставке из трех каменных плит.

Мы проворно переустроили комнаты изб в палаты. Медсестры процедурной разбили палатку на свободном пространстве перед домом, принесли аптечки и запасные медикаменты. А старшая медсестра ловко повесила на столб палатки флаг Красного Креста. С этим флагом прежний невзрачный поселок сразу приобрел гордый вид госпиталя Народной Армии.

Той ночью с наступлением темноты прибыла повозка с ранеными. Мы уносили их на спине в избы. Некоторых раненых перенесли на носилках в процедурную, где опустили светомаскировочные шторы. В результате тщательной организационной работы прием больных в темноте тихо, успешно закончился.

Запах крови от раненых, их стоны молчаливо передали нам трудность фронта и ожесточенность боев так, как есть.

В тот день мы почти всю ночь кружились как белка в колесе: снимали с раненых окровавленные формы, развязывали запекшиеся сукровицей бинты и стирали их у ручья. Пока не знали, кто и за какую палату с ранеными отвечать, но все бежали к палатам с чайниками, всю ночь, разделяя боль больных, не покидали их.

В небе на востоке забрезжил рассвет. Я вышла на улицу. Наступает новое утро ожесточенной войны. Уже откуда-то доносился резкий металлический звук вражеского самолета. «Значит, это утро начинается с вражеского воздушного налета?» – такая мысль тревожила меня. Мне досадно было

ничего не делать, и видя, что вражеские стервятники хозяйничают на воздухе моей Родины. Тут раздался зовущий меня голос старшей медсестры.

Выстроилось отделение. Старшая медсестра сказала, что отделение должно ухаживать за 18 ранеными, в палатах будет по 6, 5, 4, 2, 1 человек; каждому приходится одна палата. Я про себя подумала: «Палата, где лежит один, наверно, малогабаритная». А старшая медсестра, указывая рукой на ту палату, поручила ее мне.

Мы разошлись по своим палатам. Вдруг мне помнилось, как пронюхавшие запах сукровицы мухи всю ночь, не садясь на потолок, приставали к раненым. Как можно прогонять этих надоедливых мух? Вмиг в голове мелькнула прекрасная идея. Ведь я вчера, идя мимо речки в поселке, видела высоко растущие травинки. Сразу бежала к ручью, собрала те травинки и туго завязала их нижнюю часть веревочкой – получилось что-то похожее на веник. «Хорошо. Этого достаточно, чтобы ни одна муха не приставала к раненому моей палаты».

На берегу речки я быстро умылась и, не успев вытирать руки и лицо, бегом поспешила в палату. Душа моя уже оказалась в палате. Как дети, взяв хоть за подол юбки матери, чувствуют себя в покое, раненые тоже успокаиваются и уже не чувствуют боль, когда у них только сидим мы, медсестры. «Ну, пойдем быстрее! Меня раненый, несомненно, с нетерпением будет ждать».

Ловко поднявшись на выступ у входа палаты и распахнув полуоткрытую дверь, я вошла в комнату и позвала больного, который лежал, прикрывшись простыней с головой:

– Товарищ, как вам? – осторожно снимая простыню, я снова спросила: – Больно вам? Ну, скажите!

Вмиг я испугалась так, что шлепнулась на пол. «Ах! Это не янки, что ли?»

Он, бормоча что-то, приподнялся с постели и указывал на перевязанные грудь и руку.

– Что? Мне заботиться о янки?

Я очень обиделась, досадовала на старшую медсестру, поручившую мне эту палату. Во мне горела обида на нее, и я поднялась и переступала порог. А тот американец тонким и пискливым голосом позвал меня. Я рефлективно обернулась на голос. Он жестом просил воды. Я гневно косилась на него.

Прошло несколько секунд. Захлопнув дверь, я грузно опустилась на выступ и старалась успокоить себя. Хотелось заявить старшей медсестре протест. «Как вы можете заставлять меня уходить янки? Кто так приказывает? Ну, отвечайте! Я не могу!» – такой резкий голос протеста отозвался в груди.

У нас нигде не может быть ни лекарств, ни палаты для янки. Ой, никак не могу ухаживать за агрессором. Я вскочила, бежала спешно и появилась перед старшей медсестрой.

– Вы что? Как вы можете давать мне янки? – резко звучал мой голос. – Жаль и оставить этого негодяя живым. А как я могу лечить, уходить его? Какая нелепость!

Но она, никак не реагируя на мое негодование, на минуту стояла, затем очень резко и холодно только подчеркнула:

– Ненавидишь врагов не только ты. Это приказ. Поняла? Запомни: это приказ!

Решительно ответив, она повернулась. Какая жалость! Я, как будто ударило, впала в уныние. «Нечего делать. Это же приказ». Стирая слезы с глаз, я тоже повернулась. Мне напоминалось, что существует международная конвенция о пленных. И мы, исходя из гуманистической позиции, добросовестно выполняли свою обязанность по этой конвенции. А американцы? Во мне кипело чувство досады. Американские агрессоры совсем не считались с международной конвенцией.

Помнилось, что раньше перевозили раненых в эшелоне. Тогда мы развернули на крыше вагона большой флаг Красного Креста, чтобы с самолета хорошо было видно его. А американские стервятники, нацеливаясь на этот флаг, беспощадно сбросили бомбы. Тогда паровоз, укрывшись в тунеле, остался цел, но последний вагон, оставшийся за тунелем, не избежал пулеметной очереди и жестоко сгорел. В нем хранились упакованное в простыню толокно, бадья воды, котел, медицинские инструменты, медикаменты, вещмешки с причиндалами членов группы для эвакуации

раненых и другие. А вот все это сгорело. Чем же кормить раненых, где добыть медикаменты и дезинфекционный котел? Вот это скопище подлецов, варваров, которые, все гоняясь за флагом Красного Креста, стреляли из авиапулеметов, составляют американцы.

«Неужели американцы соблюдали международную конвенцию? Эти варвары стреляли по флагу Красного Креста из авиапулеметов», – от гнева дрожа всем телом, я хотела задать такой вопрос старшей медсестре, но ее не было на том же месте.

Взяв себя в руки, я обратно шла. Все-таки я солдат Народной Армии, несущий воинскую службу. Быстро на свое место! Душа тревожно торопила меня. Я с водой и пищей переступила через выступ и снова вошла в ту палату, где лежит американский раненый. Он попил воды, сожрал всю миску с волчьим аппетитом, по-видимому, очень проголодался.

Немного спустя старшая медсестра вошла с аптечкой, сделала ему укол, лечила рану и вышла. «Эх, этот мерзавец пользуется всеми благами!» – подумала я. И взяла с пола вязанку травы и как можно дальше выбросила за дорогу.

Тут американский раненый тонким голосом сказал что-то, поманил к себе. Я подошла к нему. Он вынул из-за пазухи и показал фотоснимок. Казалось, он и в огне войны очень бережно хранил его. На нем была запечатлена его семья: молодая жена улыбалась, на лицах сына и дочери играла

яркая улыбка, рядом с ними сидел тот американский солдат в штатском.

Он то целовал фотографию, то осенял крестом, усердно объясняя что-то. Из его уст то и дело вырывалось слово «Техас». Судя по этому, казалось, что он жил там. Он, конечно, очень тосковал по жене и детям. А зачем же он пришел на эту войну? Теперь он находится в плену – может, вернется домой живым. А меня все задел за живое личный знак военнослужащего, висящий на его шее. Я решительно бросила: «Иди к себе домой!» Не понимая меня, он на минуту недоумевал. И я снова говорила по-английски: «Go home». И он, осеняя крестом, очень радовался, слегка усмехнулся.

А тут на улице раздался бой в гильзу. И до ушей доходил пронзительный металлический звук вражеских самолетов. Вмиг я очень удивилась. Тот американец, стонавший до этого под простыней, встал как на пружинах, вышел из палаты и, как сумасшедший, кричал что-то, указывая целой рукой на небо.

– Входи, проклятье! – Я толкнула его в комнату, но он все, глазами устремляясь только в небо, махал рукой.

У меня глаза зажглись ненавистью. Я силой втащила его в комнату и выкинула на пол. Но он, свалившись на простыню, то и дело бормотал. Я сердито крикнула:

– Ты просишь, чтобы эти проклятые самолеты сбросили больше бомб? Или чтобы они прилетели за тобой? Ну, отвечай!

Затем я остро чувствовала, что он ни одного слова не понял. Я хотела по-английски сказать слова агрессора, убийцы и др., но их в моей памяти вовсе не существовало. Я схватилась за голову.

В тот день я так и не бросила на него ни одного ругательного слова. Решила позже о таких словах обязательно спросить заместителя главврача по технической части госпиталя. Казалось, лишь он знает английский язык. Но я не успела спросить, как раненые внезапно эвакуировались в тыловой госпиталь, мы ушли на фронт.

Через два года я в землянке-аудитории Университета имени Ким Ир Сена, что находился в селе Пэксон, слушала лекцию по английскому языку. Перед началом лекции преподаватель ласковым взглядом смотрел на наши лица, обгорелые порохом. Я встала с места и спросила:

– Скажите, пожалуйста, как по-английски произносятся слова «американский агрессор»?

– Что? Американский агрессор?

По лицу преподавателя пробежало удивительное, вопросительное выражение. Но он, как бы понимая меня, на доске, очень маленькой, почему-то до отказа по-английски писал слово «агрессор». Взоры всех других обращались на меня. Но тут нечего было говорить многословно. «Aggressors», – про себя читала я наизусть, с сожалением вспоминая тот день, когда не могла засыпать руганью янки, не зная английский язык.

Через перевал Масик

Поход на восточный участок фронта продолжался уже шестой день. В эти дни наша часть совершала форсированный марш по 40 километров в сутки. Мы с горьким молчанием миновали сожженные поселки, превратившиеся в руины города, двор детского сада, где от вражеской бомбежки остались лишь веревки для качелей, и безлюдные, пустые дома, все ускоряя шаги на фронт. Днем от назойливого воздушного налета не могли пройти много, но ночь служила нам прекрасной «дымовой завесой» для прикрытия боевых действий, полем деятельности. Днем мы вообще отдыхали, а ночью быстро, как на крыльях, согласованными действиями двигались вперед.

Я не знала, куда идет маршрут нашего движения на карте Кореи. Просто поход, начатый из Синичжу, продолжался и под перевал Масик в провинции Канвон. «Быстрее пойдем! Сейчас за перевалами Масик и Чхор, на высотах идут ожесточенные бои с врагами. Идем на те поля сражения с носилками и винтовками на руках. Вместе с фронтовыми бойцами разобьем врагов. В бою погибнешь – не пожелаешь». Чувствуя себя как под градом пуль и снарядов на передовой, я старалась пересилить тяжесть форсированного марша. Ни разу я не воображала себя, которая находится не на поле ожесточенного боя, а в тыловом госпитале. Не только я одна, но и все другие солдаты этого не хотели.

Мы добрались до подножия перевала Масик, когда спускались вечерние сумерки. В синеве июньского неба заходило солнце, освещенные зарей горные вершины и свежезеленый густой лес огромной силой природы как бы заключали все в свои объятия.

Враги отчаянно разбросали бомбы с целью сжечь все на этой земле, но природа с титанической силой приносила цветущее лето. Нам надо было за ночь преодолеть перевал Масик.

Командиры подчеркнули нам необычно готовиться к походу, и мы готовили вещмешки более удобно, окручивали ноги портянками. Отеки и водяные мозоли на стопе размягчили спичками, туго шнуровали обувь. С заходом солнца по перевалу вереницей спускались и поднимались автомобили для перевозки.

Вражеские самолеты, не упустив случай, стреляли из авиапулемета, все кружили над перевалом. На высоком перевале вечером, казалось, рано темнеет.

Мы должны были идти в стороне, давая дорогу минующим нас машинам. Из-за бомбежки они ехали обычно с выключенными фарами, иногда, как бы сопротивляясь вражескому самолету, демонстративно с зажженными, а на чьи-то крики с дороги быстро тушили фары.

На фронтовом пути бойцы Народной Армии в темноте здоровались друг с другом, шутили, вызывая смех. С кузова идущего с фронта автомобиля слышался громкий голос:

– Привет, красивые девушки! Куда вы?

Кто-то из нас ответил:

– И мы идем к сражающимся бойцам на высоту.

И разразился смех. С высокого перевала с глубоким утесом этот смех как-то долго отозвался эхом.

Преодолевая этот перевал, люди не могли шагать в полусне. Сбоку открывается глубокая пропасть, на дороге автомобили то и дело дают сигнал, в небе летят вражеские светящиеся бомбы, гудят моторы вражеских самолетов… И кто же может и на миг дремать? Поворот за поворотом… Я вся была в поту, щиколотки остро заболели, стопы ныли от водяных мозолей.

До места назначения, казалось, еще далеко. Но этим путем во что бы то ни стало надо было идти. Перед такими небольшими трудностями нельзя было пасовать, ведь я раньше в дни отступления прошла более тысячи километров. Давайте преодолеем! Пересиливая в себе слабость, я вместе с другими вскарабкалась на перевал. Заметив, что все очень устали, командир подошел к нам и громким голосом спросил:

– Кто из вас знает об этом перевале Масик?

Кто-то ответил:

– Масик, может, высокий перевал. Не так ли?

В рядах неудержимо смеялись. Командир рассказывал о перевале Масик. Название «Масик» происходило оттого, что и лошади (ма) переходили этот перевал с передышками (сик).

Этот перевал был расположен в северном краю горного хребта, растягивающегося между городом Вонсаном и уездом Поптон провинции Канвон, считался важным перевалом, связывающим центральный и западно-восточный районы нашей страны. И поэтому враги так отчаянно пытаются блокировать его.

– Хотя сейчас темно, хорошо запомните эту дорогу через перевал, – добавил он. – Дальше вы часто сможете переходить этот перевал.

«Что вы говорите! – подумала я про себя. – Скоро мы окажемся на передовой. А зачем нам снова переходить этот перевал Масик?» Только после я поняла, что он тогда намекнул на наши будущие дела. Но в тот момент я и не думала, как я вместе с ранеными буду часто преодолевать этот перевал. Плохо помню, как я спустилась с перевала. Наверное, я, не сдерживая сонливость, в полусне механически двинулась.

К рассвету в сосновом бору звучала команда на привал – с передышкой просто перекусили колобками вареного риса. Я вынула из вещмешка колобок вареного риса и поднесла его ко рту. Однако я с колобком в руке упала на вещмешок и заснула.

Минут через тридцать слышалась команда. Я незаметно для себя встала как на пружинах. Все, как и я, с пищей в руке спали мертвецки. Командир взвода предложила вместе мыть лицо и тело у речки и дальше перейти через перевал Чхор, стоящий перед нами. Мы в приподнятом

настроении хором ответили: «Есть».

Ручей журчал. Умывая голову и тело, мы так освежились, казалось, что можем одним махом преодолеть даже более крутой перевал, чем Чхор.

А командир сообщил, что нашим местом назначения является храм Сокван и здесь часть выполнит боевое задание. Нам так хотелось пойти на высоту на передовой, где идут ожесточенные бои. Но это был боевой приказ, иначе нельзя. Наше задание – здесь, в храме Сокван, расположенном на стыке перевалов Чхор и Масик, принять раненых из передовых частей, лечить и эвакуировать в Яндок через перевал Масик.

На территории храмового комплекса Сокван бил известный минеральный источник. После освобождения страны по инициативе Ким Ир Сена здесь были созданы дома отдыха и санатория, чтобы трудящиеся проводили у источника культурный отдых и использовали его в лечении болезни. А храмовые корпусы, говорили, в один миг превратились в пепелище от недавней варварской бомбежки американских захватчиков.

Я грустно смотрела на руины храмов в густом сосновом бору. На каменном постаменте стояли недогоревшие каменные здания. Вблизи них находились всего несколько изб с нависшими соломенными крышами, напоминающих сарай. Но я внушала себе: «Раньше мы работали в оптимальном здании? Наша обязанность – только лечить больных и в землянке,

и в пещере. Скоро здесь появится новый госпиталь».

В тот день сосновый лес с разрушенным храмом Сокван шумел необычно, будто бушевало море. Над небольшим каменным зданием развевался флаг Красного Креста. Все завертелись с подготовкой к приему раненых вечером. В каменном здании место занимали операционная и процедурная, из трубы кухни заклубился дым. Наш взвод должен был ответить за приемное отделение и палату № 1, а мне было поручено работать в приемной.

Мы принесли из окружного поселка большой котел для корма. И еще добыли бак, затем стали кипятить воду в котле. Раненым, которых привозят с фронта, в первую очередь надо было смыть в этой «бане» грязь с кровью, чтобы лежать в палате.

На закате солнца прибыли автомобили с первой партией раненых. Для них составили медицинскую карту в приемной и привели в «баню». А как они, раненые, могут одни мыть свое тело? Но они не хотели показать свое голое тело девушкам-медсестрам. Когда они упрямятся не раздеться догола, мы, поддавая по заднице, резко требуем: «Раздевайтесь!» А они, до конца закрыв свое достоинство руками, поворачиваются. Хорошо было бы, если бы все мы мгновенно превратились в санитаров…

Завтра нас ждет больше дел. Нужно обустроить палаты, принести снопы соломы для матраса, построить новую палату-землянку.

После приема больных на досуге я вышла на улицу. На улице было светло, как в полдень. Ой, неужели сегодня взошла полная луна? Я невольно смотрела вверх в небо. Вмиг испугалась. В ночном небе излучала яркий свет не полная луна, а многочисленные светящиеся бомбы, разбросанные вражескими самолетами. Я в испуге выкрикнула:

– Ребята, выходите быстро, смотрите вон туда. Враги светящиеся бомбы…

Они выскочили.

– Зачем враги так? В поисках чего-то? Черт с ними! – с ненавистью крикнул кто-то из нас.

Я, как бы убеждая себя, низко говорила себе: «И здесь – фронт!» Всю ночь приняли раненых, наконец светало.

Начиная с той ночи, проходили напряженные дни ухода за больными, через два года я демобилизовалась. После я услышала горестную весть о том, что через несколько месяцев после моего ухода из части наш госпиталь подвергся варварской бомбежке, все было разрушено и сожжено, погибло много больных и товарищей.

Так незабываемый храм Сокван вместе с моей родной частью сгорел дотла, погибли многочисленные люди! Мне на душе так было больно, что сердце разрывалось, а горячие слезы подступили к горлу. Те проклятые светящиеся бомбы, в конце концов, обнаружили наш госпиталь в лесу… Сволочи! Зачем же вы не считаетесь с корейцами и совершаете такие бесчеловечные злодеяния? Вы, варвары, без разбора

сбрасывают бомбы даже и на флаг Красного Креста…

С затуплением боли от раны войны истекли годы. В 1975 году я поехала в санаторий, что вблизи храмового комплекса Сокван. Поездка с самого начала вызывала у меня странное волнение. Сошла с поезда, направилась в санаторий. У входа в храмовой комплекс Сокван мне пришлось постоять на дороге, чтобы улеглось волнение. С течением времени там были построены много новых зданий: опрятные и уютные рестораны, грязелечебные помещения… Я с трудом нашла места приемной и «бани» в военное время. Не было видно места палаты, которую бомбили враги. А по-прежнему сохранились только сосновый бор, та дорога, по которой бегом переносили пищи, ручейка, где мы стирали запачканные кровью бинты, место минерального источника, откуда носили на плечах по 10 фляжкам. Они у меня вызвали глубокие вспоминания о тех незабываемых военных днях.

На этой земле, пропитанной кровью погибших соратников, дорогой ценой их жизни сегодня создано место отдыха для трудящегося народа. Храм Сокван, ты исторический свидетель! Навеки передавай дух моих друзей военных дней!

Парашют светящейся бомбы

И в сентябре вслед за августом под палящими лучами солнца продолжались ожесточенные дни войны. Дыхание

восточного участка фронта ощущали раньше всех мы, медсестры. Мы о положении на фронте узнавали не по газетам или радио. Из уст живых человек, которые на фронте сами сражались и получили ранение, услышали об ожесточенности войны и героической борьбе народноармейцев, по словам раненых и их ранам узнали о положении на фронте. В госпиталь непрерывно поступали раненые.

«Товарищ! Как там, на фронте? Где сражались?» – вот это первые вопросы, задаваемые нами раненым. В нашу палату унесли раненого, потерявшего зрение, – его военная форма оборвана, все лицо перевязано. Его вид вызывал жалость. Я сразу не решилась обратиться к нему, но, взяв его руку, спросила:

– В каком бою вы так…

И он, ударяя себе по груди, гулким голосом заговорил:

– Девушка! Отправь меня обратно на высоту 1211! Кто же меня послал сюда? Сейчас там ведут трудный бой, а я здесь…

Он, все ударяя себе по груди, очень переживал. Казалось, его не касались и потерянные глаза, их боль. У него сердце пронзили только гнев, которым не мог разразиться на высоте 1211, на поле боя, и сожаление, что расстался с боевыми друзьями.

Мы поняли его. К тому времени враги, потерпевшие серьезное поражение при «летнем наступлении», делая вид, будто будут вести наступательную операцию на всем западном участке фронта, сосредоточили на восточном участке крупные

вооруженные силы, чтобы при содействии со своими частями, которые будут высаживаться на восточном побережье, одним махом оккупировать северную часть Кореи. И они в начале сентября 1951 года снова начали «осеннее наступление».

Вовремя отгадав хитрый замысел противника, Верховный Главнокомандующий Ким Ир Сен приказал: с одной стороны, передвинуть некоторые оборонительные части из западного побережья на восточный участок фронта, а с другой – создать рубеж мощной обороны в районе высоты 1211, где ожидается крупномасштабное наступление врагов, и тем самым вести истребительный бой и отбить их наступление.

И в начале сентября началось крупномасштабное наступление на высоту 1211. Враги лезли из кожи вон, чтобы занять эту высоту любой ценой. Они, мобилизовав огромное количество вооруженных сил и боевой техники и сбрасывая более 30 – 40 тысяч бомб и снарядов в день, совершили «волновое нападение».

Действительно, в то время нервы всех нас, нет, все взоры мира сосредоточились на высоте 1211 в Корее. Правда, бой за высоту 1211 был ожесточенной битвой, не имеющей прецедентов в мировой истории войн.

Раненый именно из этого поля сражения сейчас оказался передо мной, от него еще пахло порохом. Наши доблестные народноармейцы беспощадно били американских агрессоров, которые десятки раз только в день атаковали, твердя о «крупнейшей бомбежке» и «крупнейшем артобстреле».

Они, если кончились боеприпасы, скатывали камни с высоты, если даже и их не было, перешли в рукопашный бой с саперными лопатками в руках или голыми руками. У всех бойцов в сердцах глубоко сохранились бесконечная преданность и самоотверженность, чистая совесть и чувство долга солдата перед Верховным Главнокомандующим и Родиной. Тот больной читал наизусть письменную клятву, данную Верховному Главнокомандующему на открытом партийном собрании, проведенном между ожесточенными боями. Я не запомнила весь текст клятвы, но у меня в памяти свежа только его последняя фраза:

«Мы хорошо знаем, что и есть земля, где будут погребены погибшие в боях, но нет ни пяди земли, на которую мы отступим. Пока ваши солдаты стоят на страже высоты 1211, она вечно останется высотой нашей Родины».

Раненый, как бы выбился из сил, закрыл рот. Казалось, он чувствовал жажду. Я принесла ему теплой воды. А он качал головой. И я, вставая с фляжкой в руке, шептала: «Я принесу вам минеральной воды!» Хотя время было около полуночи, ради защитника высоты 1211 мне, казалось, нечего было жалеть, не было ничего страшного. Хотела как-нибудь теплее, сердечнее ухаживать за ним.

Я, взяв с собой карманный фонарик, вышла на двор. Там было светло, будто в полдень. В небе висели многочисленные светящиеся бомбы, черт знает, когда вражеские самолеты прилетели и разбросили их. Наверное, они народноар-

мейцев, которые и этой ночью непрерывно передвигаются на фронт, и наш народ, который для обеспечения фронтовой перевозки под градом пуль подносит снаряды и продовольствие на высоту и восстанавливает разрушенные дороги и мосты, считали бельмом на глазу. И хоть с использованием лучей осветительных бомб они хотят прочесать землю, полить из авиапулеметов и сбросить бомбы.

Той ночью, когда больные уснули, я вышла на двор, долго поглядела в небо, чтобы угадать тайну осветительных бомб. Смотрела на светящиеся бомбы – казалось, что они плывут прямо над головой. Но потом узнала, что они на самом деле освещают не воздушное пространство над нами, а другое место. А осветительные бомбы падают на землю, постепенно тускнея. При мутном свете рассмотрела: они подвесились на аппарате в виде раскрывающегося зонта. Несомненно было, что светящиеся бомбы падают на землю с помощью парашюта, постепенно теряя свет.

Спустя немного мы получили приказ – срубить деревья для брусьев носилок. Конечно, мы в качестве брусьев носилок могли и использовать стропила какой-нибудь пустой избы, подвергнувшейся бомбежке. Однако мы прежде всего думали о ее хозяине, который вернется из убежища, да еще никогда не нарушали дисциплину армии – ничуть не тронуть имущество народа, и никто не обратил внимания на пустые избы.

Мы поднялись на гору, срубили подходящие для брусьев носилок деревья. Зеленые деревья, цветущие полевые цветы

внушили простые эмоции – мне вспомнился тот больной из высоты 1211. «Хотя он не видит красоту цветов, но сделаю так, чтобы он хоть нюхал их нежный аромат. И буду говорить, что это аромат нашей Родины, которую вы защищаете ценою жизни!»

А вдруг я заметила, что с ветви сосны свесилось что-то и слегка колыхалось на ветру. Затаив дыхание, скрылась в зарослях и пристально следила за ним. На вещь, пеструю, как маскхалат разведчика, нависли перекрещенные стропы. Вдруг у меня в голове мелькнуло: «Неужели это не парашют для осветительной бомбы?» Это, очевидно, парашют. Я громко позвала:

– Ребята, быстрей сюда. Здесь парашют для осветительной бомбы!

Я подошла к свешивающемуся с ветви сосны парашюту. Потянула его – он беспрепятственно скользнул на землю.

– Ребята, смотри, он еще там!

Мы взяли парашют и на траве. Может быть, он на ветру долетел до верхушки горы и упал здесь. В тот день у нас, девушек-бойцов, захвативших с собой парашюты, приподнялось настроение, как будто взяли кого-то в плен. Одна из нас заговорила:

– Ребята, а для чего их использовать?

Все на минуту замолчали, будто размышляют. Я тоже ломала голову. Вдруг в голову пришла хорошая идея.

– Ребята, как вам, если повесить их на стены палаты-

землянки? Ведь они неровные, безобразные с виду и сырые! – Передо мною всплыли стены палаты-землянки, где лежит отважный боец из высоты 1211 с бинтом на глазу. Все согласились на мое предложение.

Да, как в палате будет прекрасно, если покрыть ее стены нашими трофеями! Я спустилась с горы, словно на крыльях. Не было старшей медсестры: она пошла в роту. Я среди других четырех солдат по воинскому званию была самая старшая: на плечах лежали погоны младшего сержанта. И я имела право распорядиться им. Я предложила: до прихода старшей медсестры покрыть стены парашютами и доложить ей об этом.

Я побежала в палату с букетом полевых цветов. Дежурная сестра сказала мне, что тот больной после острой боли только что уснул. Я положила букет цветов у его подушки. Мне очень жалко было, что он, наверно, больше не увидит. Я, вынув иголку из фуражки, вышла на двор. Другие уже в тени деревьев ножницами резали парашюты и сшивали.

– Послушайте. Редко сошьем! Не надо так аккуратно!

По моему указанию они стали редко сшивать тонкую и гладкую материю. Спустя немного мы надлежащим образом навесили ее на стены палаты-землянки. Пестрые окраска и узоры сразу же странно украсили интерьер помещения. Я была очень довольна.

– Хорошо, товарищи! Увидит старшая медсестра – очень удивится! – воскликнула я, а тут же вошла в палату та, держа белые простыни на руках.

Я не без гордости доложила:

– Товарищ старшая медсестра, захватили на горе парашюты и так повесили их на стены палаты.

Ее удивленный взор повел по стене. Скоро на ее лице отразилось недовольное выражение.

– Захваченными парашютами… – объясняла я, как бы оправдывая себя.

А старшая медсестра холодно бросила:

– Разве вы участвовали в каком-то бою? Не захватили, а, может быть, нашли.

На ее замечание нечего было ответить.

– Снимайте их быстро! Откуда мысль такая… – Она непонимающе глядела на меня. – Если у вас нет лишних белых простынь, почему не думали скрыть стены палаты хотя бы своими простынями?

От ее слов я пошатнулась будто от сильного удара железной палицей. Это были совершенно верные мнение, совет и критика. Моя «оригинальная» идея, которую я считала очень прекрасной, оказалось, просто была вроде бы мыльным пузырем.

Все в палате должно быть белым, опрятным и чистым, чтобы не раздражать больных. Это элементарные требования гигиены. А с парашютами американских войск? С какой стати я так сделала? Я поспешно вбежала в палату, как можно скорее сняла их. И небрежно выбросила эту проклятую вещь в угол заднего двора. В этот день палата-землянка была украшена принесенными старшей медсестрой чистыми простынями.

Позже тот отважный боец из высоты 1211 был эвакуирован в тыл. Из передовых частей все поступали новые вести о поразительных боевых успехах, волнующие и вселяющие в нас большую силу.

Дыхание битвы за высоту 1211, проводившейся немногим более месяца, одновременно чувствовалось и в палатах нашего госпиталя. Когда видела раненых из высоты 1211, я помнила письменную клятву в адрес Верховного Главнокомандующего, которую читал мне наизусть тот раненый: «Пока ваши солдаты стоят на страже высоты 1211, она вечно останется высотой нашей Родины». Героические защитники высоты 1211 сдержали эту клятву ценой жизни.

Позже я прочитала в газете Народной Армии о следующих боевых успехах: в бою за высоту 1211 противник понес огромные потери – было выведено из строя более 29 000 солдат убитыми, ранеными и пленными, было сбито более 40 самолетов, захвачено и разрушено 60 с лишним танков, большое количество боевой техники…

После победного окончания битв за высоту 1211, высоту 851 и других боев, весной следующего года в Пхеньяне проходил фестиваль военнослужащих. Наша часть подготовила стихотворение и скетч.

В скетче рассказывается об американской корреспондентке, которая хотела подтасовать факты об ущелье-ловушке высоты 1211. Она с громким топотом ботинок вышла на место ожесточенного боя, где упадала в обморок, перепугавшись

от своего шарфа, задетого за недогоревшую ветку.

Подготовка к репетиции была закончена, но, к сожалению, еще не достали шарфа для американской корреспондентки. Тут мне в голову приходило, что я выбросила парашют. Казалось, что из парашютной ткани можно сделать подходящий шарф!

Я копалась в углу заднего двора. Парашют сильно измялся, но я ножницами вырезала из его целой части отрез на шарф. Я с этим «шарфом» пошла к старшей медсестре, и она с нежным блеском в глазах и улыбкой на лице хвалила:

– Молодец! Это ничего себе.

И скетч, поставленный нашей частью на фестивале военнослужащих, за свое юмористичное и сатиричное содержание пользовался успехом у зрителей.

Парашют осветительной бомбы наряду с поражением противника на высоте 1211 так использовался как реквизит для спектакля на фестивале военнослужащих, проходившем в честь победы в бою.

Эвакуация больных через перевал

Зимой того же года особенно нападало много снега. В декабре 1951 года непрерывно шел снег. И наши бойцы говорили, что много снега предрекает победу в войне. Логично, что крестьяне связывают снег с богатым урожаем. Но мы так радовались снегопаду, хорошо понимая, что весь народ этой

страны горячо желает победы в войне.

Все-таки весь день снег падал хлопьями, стих свирепый ветер, словно бы поменял свое направление в какое-то космическое пространство. Белый снег тепло застлал землю, и гулко слышался и грохот дальнобойных орудий с корабля на море, и резкий металлический звук бомбардировки, как бы они проникли в землю. Погода была очень подходящая для эвакуации больных. И мы, члены эвакуационной группы, с еще более легким настроением поднимались на машине на перевал Масик.

Мы отправились в путь глубокой ночью, когда вокруг было темно, с целью эвакуировать 12 тяжело- и легкораненых в Яндокский госпиталь. Наша эвакуационная группа состояла из четырех человек, включая меня – ее старшую. Я, бывшая вчерашним новобранцем, в горниле войны закалилась, выросла в младшего сержанта, заместителя командира отделения, а сегодня как старшая эвакуационной группы так переходила перевал с бойцами и ранеными.

И на тряской машине я ощупью то делала так, чтобы раны больных не коснулись чего-то, нежно то утешала их словами: «Скоро начнется Яндок», то вселяла им веру. И высокий перевал, и глубокая долина были в снегу, но под тусклым лунным светом четко обнаруживали свои очертания. По дороге через горный хребет то и дело сновали автомобили на фронт или в тыл. Отчего-то в тот день ночью не налетели вражеские самолеты, и машины ехали смело с зажженными фарами, с фар-

ного света перед моими глазами промелькнули автомобили, нагруженные снарядами и продовольствием, причудливые виды заснеженных дуба и березы Шмидта, стоящих на склоне горы. Где-то кто-то крикнул в сторону нашей машины:

– Товарищ! Выключите свет!

А, высунувшись из окна кабины, шофер ответил:

– Зря вы беспокоитесь! Сегодня ночью враги, наверно, погрузились в крепкий сон. Где слышно звук самолета?

От этих слов шофера я привычно бросила взор вверх в небо. Подвергаясь постоянной опасности вражеского воздушного налета, мы уже привыкли к доносящемуся издали гулу вражеских самолетов. В темном небе ничего не было видно, но и среди шумов машин мой слух раздражил резкий металлический звук. Очевидно, он доносился совсем недалеко, из-за горной вершины. Я встала с места, стучала по оконцу кабины шофера.

– Воздух, погасите свет, – резко звучал мой голос, но свет по-прежнему зажигался.

Я снова выкрикнула: «Воздух, воздух!» На дороге в одно мгновение выключились фары всех машин. А в эту минуту с верхушки горы громадный фюзеляж вражеского самолета, ковыляя, пикировал на дорогу. В миг раздался грохот взрыва, сливаясь с оглушительным звоном мотора… В горной долине то и дело разрывались бомбы, вскидываясь мощными столбами огня. Я распростерла руки, как бы заключая в объятия всех раненых, и наваливалась на их голову. Автомобили во мраке, набирая максимальную скорость, неслись.

Но все же назойливо и упорно продолжался воздушный налет на дорогу. Вражеские самолеты, которые, казалось, совсем улетели, вновь появились над перевалом, как обнаруживший добычу ястреб. Наряду с треском пулеметной очереди совсем недалеко, прямо перед моими глазами поднялось пламя от напалмовой бомбы.

– Ребята, быстро раненых! Укрывайтесь! – спешно крикнула я. Пулеметные пули попали в кабину шофера нашей машины.

Я выдернула засов кузова. И стали спускать из машины раненых на руках, переносить их на спине.

– Товарищи, – крикнула я, – помогите нам. Быстрей!

В этот опасный момент к нам прибежали прохожие воины, они в один миг тащили больных из пламенеющей машины и уносили на спине или на руках в откос. Тут послышался чей-то выкрик:

– Ой, шофер упал от пулеметной пули.

Сразу же я бежала к пылающей машине. Шофер, проливая кровь, лежал на снегу. Он получил сквозную рану в плечевую кость. Я торопливо оказала ему первую помощь и перевязала рану. И перенесла на спине и уложила его рядом с нашими ранеными.

– Мою машину сожгли!.. Сволочи! Как вы теперь сделаете с ранеными, товарищ старшая! – Он, терпя острую боль, дрожал от ненависти к врагам, прежде себя беспокоился о раненых, сидевших на обочине.

Я про себя выругала его: «Сколько же раз я говорила:

воздух, воздух! А он так открыто ехал с зажженными фарами!..» Но я нежными словами утешала его:

– Товарищ, не так переживайте. Слава Богу, все раненые остались целыми.

Так к числу эвакуируемых нами раненых прибавился один человек. Я побежала к автомашине, стоящей впереди нашей горящей на тусклом свету. Как бы только что кончил ремонт, шофер вылезал из-под машины.

– Товарищ, мы эвакуируем раненых, а, видите, наша машина так горит. Не можете ли вы посадить их на вашу машину? Хоть бы нескольких… Помогите! – настоятельно попросила я, мой голос был полон слез.

Шофер разрешил, но сказал, что можно посадить на машину только нескольких тяжелораненых. И пересадили 7 тяжелораненых на его машину. Раненые уступили друг другу, но я выбрала семерых из них и посадила их на машину. И конкретно указала двум бойцам, как эвакуировать и передать их в Яндокский госпиталь. Они настаивали, что старшая группы должна ехать. Но я не могла ехать, оставив остальных раненых на обочине, да еще нельзя было так делать.

Из удаляющейся машины они кричали: «Мы добудем повозку и придем навстречу вам». Их голоса чувствовались нам необычно на шумной дороге.

А как же нам теперь перевезти остальных раненых?.. Пока не ремонтируется дорога, по ней не пройдет ни одна машина. А холод каждую секунду пронизывал все сильнее.

Если от мороза их раны озябнут… Я слишком хорошо знала, какие последствия это повлечет.

Испытывая давящую сердце тяжесть, я крепко сжала губы. Оглядывая раненых на снегу, я подумала. Надо было как можно скорее пройти этот крутой и трудный поворот. А как же нам для этого… Когда я так размышляла про себя, пылавшая машина с грохотом низвергнулась в овраг. Ее тяжестью обрушивалась некоторая часть поворота дороги. Тут из темноты прибежали пять-шесть мужчин, неся на плечах мешки с землей. Раздался чей-то радостный крик:

– Ребята, вон там идет ремонтный отряд перевала!

Сразу на перевале послышались радостные голоса:

– Товарищи! Большое спасибо!

– Ну что вы! Прошу только хорошо сражаться! Не беспокойтесь об этом перевале.

И разразились смехом. «Значит, скорее пройдем этот поворот», – решила я. А как же перенести раненых? Солдат Ок Сир, остававшаяся вместе со мной, предложила посадить четырех раненых на одеяло и вдвоем потащить его. Да. Если будет так, то можно одновременно перевезти и одеяла.

Мы развернули два одеяла на снегу, требовали от раненых сесть на них. Они показали неудобные виды, но все-таки собрались на одеялах. Им оставалось только подчиниться моему приказу – они не могли делать и одного шага без помощи других. Мы, взяв за края одеял, с силой проволочили.

Дорога шла по скату, она была покрыта снегом, но

одеяла не скользили, как сани. На одеялах раненые метались из стороны в сторону. Мы беспокоились, не усилит ли это их боль от ран. Я остановилась. И Ок Сир, казалось, падала духом. Улыбаясь, я повернула спину к одному из раненых:

– Пожалуй, эта спина лучше всего! Ну, сидите за моей спиной!

Но тот раненый сразу не решился. Он от растерянности отказался:

– Ну что ж! Вам нельзя перенести меня на спине.

– А зачем? Сколько раненых я до сих пор носила на спине!

– Но сейчас…

Я насильно притянула его к себе, несла на спине. Меня, малого роста, очень давило тяжестью того раненого крупного телосложения. Но я сзади схватилась за его бедра, чтобы его ноги не волочились по земле, делала шаг за шагом. Рядом со мной еле двигался другой раненый, получивший ранение в руку и плечо, постепенно он отставал от меня.

Чтобы как можно больше облегчить тяжесть своего тела, раненый плотнее ухватился за мои плечи. У меня из горла вырывалось учащенное дыхание. Но я крепко стиснула зубы. Еще немножко, еще немножко… Из-за спины слышался огорченный голос:

– Сестренка, опускайте меня. Если бы я знал, что это… Как жаль, что я такого крупного телосложения!

Я, передыхая, рывком приподняла его за спиной и с улыбкой сказала:

– Что вы говорите! Мы, женщины, предпочитаем мужчин большого телосложения.

Я дальше пошагала, спустила его на широкую обочину и обратно бегом поднималась по перевалу. Так делала не раз… Когда я, неся последнего раненого на спине, спускалась по склону, ноги у меня подкосились, еле переступала ногами. Из вымокшего потом тела тонкими струйками шел пар.

Я очень измоталась, но все, напрягая нервы, более зорко следила за дорогой через перевал, чтобы расслышать доносящиеся из нее звуки. Оттуда доносились шумные голоса, бормотание, выкрики, звуковые сигналы. По-видимому, была отремонтирована дорога, по ней стали ходить автомобили.

Наконец-то на дороге появились автомашины. Однако все проезжающие машины были загружены ящиками до отказа, не нашлось порожняка. Нетерпение не дало мне покоя: надо было быстрее перехватить автомобиль, и я вышла на дорогу. А тут там ехал автомобиль с пустым кузовом. Я распростерла руки в середине дороги. Непрерывно подавали предупредительные сигналы, требующие отодвинуться в сторону. Но я, плотно закрыв глаза, с распростертыми руками все еще как вкопанная стояла посередине дороги. Вдруг у меня под самым носом остановился автомобиль. С шумом открылось дверце кабины управления – вырвалась ругань:

– Черт! Не слышишь? Зачем ты так?

– Извините, товарищ шофер. У нас положение так трудное… Прошу подсадить на вашу машину этих раненых, –

умоляла я.

Шофер, казалось, взглянул на сидевших по обочине больных и, кивая на кузов, на воина с винтовкой на плече, сказал:

– Я не имею такого права. Просите этого конвоира.

Сверху, с кузова один воин смотрел на нас, и я обратилась к нему с просьбой:

– Разрешите подсадить этих раненых. Вы можете опустить нас по дороге, ничего…

И Ок Сир подбежала и, ухватившись за борт кузова, умоляла:

– Прошу подсадить их. Вижу, на кузове пусто. Не так ли?

А конвоир выговорил:

– Что? Пустой кузов? Неужели вы не видите?

Я впрыгнула на машину, заглянула в кузов – что за нелепость! К удивлению, на кузове толпились американские пленные: дрожали от холода, стонали от боли. В миг во мне кипела нестерпимая обида.

– Товарищ конвоир! Сейчас же снимайте этих пленных с машины. Как же эти гады так могут сидеть здесь удобно? Машина нужна нашим больным. Быстрей снимайте. Скорее этих… – у меня в голосе звучали обида на шофера и ненависть к врагам.

А конвоир выговорил: «Товарищ, отойдите! Сейчас я выполняю приказ», и стучал по кабине шофера, торопя шофера тронуться. Машина стала запускать мотор. Я снова стояла пе-

ред ней и преградила путь. В эту минуту меня осенила остроумная реплика. Глядя на конвоира, я решительно заявила:

– Конечно, вы исполняете приказ. А вы получили и такой приказ не посадить раненых на эту машину?

– Что? Вы… – запнулся конвоир, не найдя нужного ответа.

Правда, такого приказа никто не давал. Из проезжающих автомашин поддержали нас:

– Товарищ! Так нельзя, принимайте просьбу сестренки. Понял? Кто знает, станет ли она после войны твоей женой! Ха-ха-ха…

Конвоир от смущения не знал, что делать, не решался, а шофер раскрыл борт кузова. Мы заставили американских пленов как можно плотнее тесниться к задней стенке кузова, и наши раненые разложились в его передней части.

Машина спустилась по откосу с перевала, дошла до распутья, в восточном небе начало рассветать. На распутье она должна была повернуться в боковую дорогу. И мы с ранеными сошли с нее.

– Девушки, до Яндока, может, остается километров восемь.

– Спасибо. Счастливого пути! – попрощалась я с конвоиром и шофером. И я, оглядывая раненых, сознательно улыбнулась им. – Товарищи, вам, наверно, мучительно, но только немножко держитесь. Ну, давайте за моей спиной. Может, нигде не найдешь средства перевозки лучше этого!

Я умело посадила одного раненого на мою спину. И Ок Сир несла другого на спине. Вслед за нами шли два раненых, способных ходить, поддерживая друг друга. Мы пере-

несли их в определенное место, обратно бежали и несли туда остальных на спине.

Спустя немного на мутном рассвете к нам неслась конная повозка. По-видимому, люди, держащие вожжи в руках, были те бойцы, которых раньше отправили. И послышались их голоса:

– Товарищ старшая группы!

– Ребята!

На их зов, чудилось, откликнулась Ок Сир. Но я услышала ее голос, как во сне, скоро потеряла сознание. Меня вместе с больными доставили в Яндокский госпиталь. Через час я пришла в сознание. Перед моими глазами тускло светился огонек на поле боя, он приближался ко мне, становясь все яснее. Однако это не был тот огонек на поле боя – просто горел свет самодельной лампы из патронной гильзы, повешенной на столбе реанимационной. Я раскрыла глаза и увидела, что члены группы, военврачи и медсестры со слезами на глазах смотрели на меня.

– Ок Сир, как с нашими ранеными? – спросила я.

– Не беспокойтесь. Передали их, как приказано, – ответила она.

– Ну ладно! – Я сделала глубокий вздох облегчения.

В голове всплыл образ старшей медсестры, которая в один из летних дней наступления со света карманного фонарика, повешенного на ветви, переливала свою кровь раненому, находившемуся на грани жизни и смерти. Тогда я, рядовой солдат, решила по ее примеру жить и служить.

В прошедшие дни – наступления, временного страте-

гического отступления, лечения больных на чужбине, и здесь, на восточном участке фронта я под градом пуль и снарядов проходила огонь и воду. Война вырастила меня достойным членом младшего командного состава, более сильным и смелым бойцом.

Возвращаясь в часть по дороге через перевал, я подумала о прошлой трудной ночи. Но как-то чувствовалось, что меня охватывает не мучительное, а веселое чувство. Как-то хотелось открыть душу, и я заговорила:

– Ребята, как странно! В армии и такие испытания, которые в обычные дни трудно было вынести, кажутся не мучительными.

Я оглядывалась назад на удалившийся перевал Масик. Пожалуй, я нигде не испытаю такой радости жизни, такой гордости за то, что отдала себя ради Родины и товарищей.

И сейчас я с волнением вспоминаю о перевале Масик, по которому той ночью, скользя по снегу, несла тяжелого раненого на спине и, задыхаясь, переступала ногами. И хочу говорить, что жизнь солдата, исполнившего приказ – высокий или нет, плодотворная, чистая и светлая, как голубое небо Родины!

Прием в партию на фронте

«Член Трудовой партии Кореи. Дата приема: 21 апреля 1952 г.» – так написано на первой странице моего личного дела, чем я горжусь больше всего.

Физиологическую жизнь, данную родителями, имеют

все, кто родился на этой планете, но политическая жизнь – честь и дорогое звание, которые может заслужить только солдат вождя. И поэтому все мы считаем прием в Трудовую партию Кореи, созданную и возглавляемую великим вождем Ким Ир Сеном, наибольшей славой и так горячо желаем иметь честь члена партии.

Я тоже после вступления в армию никогда не забывала об этом. Два года военной службы я много слышала, видела героические поступки партийцев. Были и такие боевые друзья, которые в последнюю минуту жизни оставили просьбу: «Называй меня членом ТПК».

Неужели и я когда-нибудь могу стать членом ТПК? Нет, я обязательно должна стать членом ТПК. Если не жить как солдат великого Полководца Ким Ир Сена, член ТПК, то не может быть истинного смысла моей жизни. С течением времени такая решимость у меня еще более окрепла, это затаенное желание служило источником силы и бодрости, чтобы я всегда продвигалась вперед.

А однажды в апреле 1952 года мне выпала неожиданная слава, несказанная радость (тогда мне исполнилось 19 лет). Сообщили мне, что на траве в сосновом бору состоится собрание партийной ячейки для рассмотрения вопроса приема меня в партию.

У меня билось сердце, как-то казалось, что на собрании ячейки не могу достойно выступить перед партийцами. Я сделала слишком мало дел, чтобы стать членом партии. А как же я могу выступать перед партийцами?! О чем расска-

зать им? Об уходе за больными? Или о выполнении задания как старшей эвакуационной группы? Нет, это обычные боевые задания, их, естественно, выполняют все другие бойцы.

До того момента, когда выступала перед партийцами, у меня с такой мыслью сильнее стучало сердце. И от неуемной радости, что и я стану членом партии Полководца Ким Ир Сена, никак не могла успокоить себя.

На собрании партячейки я от слишком большого волнения не могла расслышать содержания доклада насчет меня и голосов партийных, серьезно обсуждающих вопрос моего приема в партию. Только всем существом ощущала, что все выступают в поддержку приема меня в партию, советуют и указывают мне что-то.

Я снова выступила перед партийцами. Дрожащим голосом дала клятву: «Раньше я на Юге бродила в потемках без надежды на будущее. А Полководец Ким Ир Сен так вырастил меня достойным бойцом КНА, членом партии. Его великой любви и теплой заботы я ни на минуту не забуду. Если забыть их, то я, можно сказать, не человек. Я буду всегда соблюдать программу и устав нашей партии, в любых неблагоприятных обстоятельствах непременно жить как вечная дочь ТПК ради Полководца, Отчизны и родной партии…»

Этот славный день – 21 апреля 1952 года – бережно сохранился у меня в сердце наряду с партийным билетом, который я постоянно несу за пазухой. После рассмотрения приема в партию замполит батальона и боевые товарищи крепко обняли меня:

– Поздравляю тебя с приемом в партию!

– Поздравляю!

В порыве радости и восторга я не могла стоять на том же месте. Хотела тихо, в одиночку изведать эту радость, пользоваться этой славой. И я побежала в сосновый бор. Там, как бы апрельские лучи солнца стали питательными веществами, уже из-под земли пробивались неизвестные травы и цвели цветы.

Я здесь долго сидела. Во мне кипело не только чувство радости. Отчего-то хотела на лоне природы повторить про себя данную себе клятву. Говорили, что на благодеяние надо ответить долгом, а на любовь – преданностью. Даже если я умру на эшафоте, то я до конца буду соблюдать долг и совесть члена партии. Мне казалось, что я душевно более выросла, и чувствовалась ответственная готовность – дальше не жить обычно.

В тот день в нашей части посчастливилось вступить в партию пяти бойцам: я из первой палаты и секретарь ее кожно-венерического отделения, а товарищи из второй и третьей палат, находящихся в соседнем поселке. Через несколько дней мне приказали обратиться к политотделу Военно-медицинской службы в Вонсане за партийным билетом.

В один из майских дней утром в голубом небе было безоблачно. У меня еще не улеглось неудержимое волнение от того момента приема в партию, а к этому прибавилась еще радость: идти в Вонсан получить партийный билет. И я необычно торопилась, раньше других вышла на развилку дорог, откуда мы должны отправиться вместе, и ждала

спутников. А там на горной дорожке появилась Воль Сун из третьей палаты. Увидев меня, она подбежала.

– Куда вы так? – спросила я.

– Сегодня я вместе с тобой иду в Вонсан, – ответила она.

– Да? Зачем?

– Я тоже получу партийный билет.

Вмиг я была ошеломлена. Считала я ее партийной, думала, что она стоит гораздо выше меня, и чуть не спросила: «Только теперь вы стали членом партии?»

С ней я познакомилась на Северо-Востоке Китая, но мы служили в других ротах, и между нами не было особой связи. Однако она привлекла мое внимание своим маленьким ростом и тонким, простодушным и честным лицом. Более того, я не раз изумленными глазами видела, что она всегда самоотверженно работала, без малейшего колебания отдавала себя в трудных обстоятельствах. И я приняла ее за партийную, никак не равнялась с ней. Тем более, услышав, что она раньше служила в Восьмой Армии Китая, очень хотела как-нибудь разговаривать с ней.

– Как хорошо, что вместе с литератором нашей части иду получить партийный билет! – крепко пожав мне руки, сказала она.

– И мне тоже. Между прочим, меня всегда очень интересовала ваша биография.

– Да? А знаешь, мы с тобой ровесники.

– Ой, я и не знала… Ну, могу ли я на обратном пути послушать твою автобиографию?

– С удовольствием. Послушай, с детства я росла жалко. Жила не по-человечески. А теперь я достойный член ТПК. Хорошо бы, что у меня есть кому-нибудь писать об этом!

Собрались и другие товарищи, замполит части на широкой дороге поймал грузовик и позвал нас. Все побежали туда, вскочили в кузов. Автомашина через перевал и поля неслась вперед.

Мы, как триумфаторы, гордо все пели песни, в приподнятом настроении мчались на машине сквозь свежий утренний воздух. Переехав перевалы, машина неслась по дороге через поле. Глаза всех невольно следили за небом. Воль Сун, улыбаясь, весело говорила:

– И вражеские самолеты, может, знают, мы едем получить партийные билеты. Видите, там, в небе совсем тихо.

– А как же! Кто осмелится помешать вам идти за партийным билетом! Ха-ха…

На шутку секретаря все разразились смехом. А тут вдруг послышался пронзительный металлический звук, оглушительный звон мотора.

– Воздух!

Неизвестно откуда появился вражеский самолет и пикировал на гору. Все ложились ничком. Над головой рассыпался клекот пулеметных очередей, с грохотом бухнул взрыв, поднялся столб огня.

Спустя немного все кончилось. Истребитель улетел, а я поднялась, стряхивая землю с себя, и оглядывала вокруг. Как-то все были разбросаны – и в дорогу, и в поле. Замполит

части позвал нас. Они тут и там подымались, шли к нему. Но Воль Сун не было видно.

– Воль Сун! – окликали мы, бегая из стороны в сторону.

А она лежала мертвой на пылающем кузове.

– Воль Сун!

– Открывай глаза! Не слышишь? Быстрей опомнись!

Но сердце у нее уже перестало биться. В этот радостный день мы так пережили большое горе от утраты боевого друга. Как было печально, как было досадно! Как Воль Сун была рада получить партийный билет! Очень жаль! В тот день у подножия невысокой горы появился могильный холмик. Мы вместе с местными жителями похоронили ее.

Мы прибыли в Вонсан позже назначенного времени. За дверью землянки, где самодельная лампа светила тусклo, нас с нетерпением ждали тамошние офицеры.

В землянке мы получили партийные билеты, со слезами на глазах приняли партийную присягу. Это была присяга в кровавых слезах, клятва крови, звучащая в сердце: «Отдам всю мою жизнь во имя великого Полководца Ким Ир Сена, во имя Отечества». На столе лежал партийный билет, не врученный Воль Сун.

– Потеряли хорошего товарища. Прекрасную партийную… Слышали, она во всех делах не жалела себя, – заговорил один из офицеров, и у нас из глаз неудержимо лились горькие слезы.

Замполит части доложил, что бережно похоронили ее в могиле. А я в слезах обратилась к нему:

– Можно попросить?

Офицер политотдела в знак согласия поднял взор на меня.

– Разрешите положить партийный билет Воль Сун на ее могилу хоть на минуту. Хотя бы в могиле она видела его… – больше не вымолвила слова я, не сдерживая слезы.

Мы с ее партийным билетом вышли из землянки. В ночном небе сияли звезды. Однако вдали, из вида темно-синего моря пронзительно прилетел и оглушительно разорвался шальной снаряд вражеского корабельного орудия, потрясая приморский город.

Той ночью мы уехали из Вонсана и к утру добрались до могилы Воль Сун. Перед ней замполит части стоял как вкопанный. Мы молча возложили полевые цветы на могилу. Замполит положил на них партийный билет.

– Товарищ Воль Сун, это ваш партийный билет. Имя: Чи Воль Сун. Номер партийного билета: *х х х*, – сильно дрожал его голос.

Мы сняли фуражки чтить память ее. И я произнесла простую надгробную речь:

«Товарищ Воль Сун! Как вы радовались приему в партию…

Мы не забудем вас, самую близкую соратницу и товарища. За вашу беззаветную преданность партии мы всегда неизменно защитим нашу родную партию – Трудовую партию Кореи и будем преданными ей. Верите нам, всем партийным. Прощайте, товарищ Воль Сун!..»

С тех пор уже прошло более 50 лет. В благодатном социалистическом строе я до седых волос жила счастливо, но по сей

день, думаю, не сделала ничего особенного. И всегда чувствую угрызение совести за то, что с долгом солдата не оправдала доверие партии. Однако никогда не могу забыть присяги, данной в те суровые дни, при вступлении в партию на фронте: «Во имя великого Полководца Ким Ир Сена, во имя Отечества…»

Это не сон, а явь

Война по-прежнему затянулась в ожесточенной обстановке. На фронте враги, пытаясь прорвать наши оборонительные позиции, десятки раз в день выступали на атаки. По их новому оперативному плану на Восточном море беспрерывно стягивались вражеские военные корабли. Но и в этой обстановке неизменно наступила весна, наша жизнь все шла оживленно. Весной того года проходили фронтовой концерт нашей части, да и фестиваль военнослужащих Военно-медицинской службы, который своей высокой идейностью и художественностью, неисчерпаемым талантом участников и их твердой верой в победу поразил мир. Так наша жизнь, несмотря на условия войны, по своей колее текла – от сегодня к завтра, к тому, что мы называем будущим.

С наступлением весны ко мне, казалось, подряд приходили радость и счастье, как бы ждали меня в очереди. У меня еще не улеглись волны большой радости и высокой гордости, которые я испытывала несколько месяцев назад при вступлении в партию, а меня охватила еще одна невыразимая радость. Мне казалось, что просто снится сон.

Однажды мне передали, что вызывают меня в политотдел части. Я вышла из палаты, поднялась по склону холма к землянке, где находится политотдел. Из нее выходили 5 – 6 бойцов в погонах старшего сержанта или старшины, в свое время бывшие студентами. А на их лицах отчего-то ярко отражалось очень взволнованное чувство, вызванное каким-то необычным душевным потрясением. Их губы молчаливо были сжаты, но глаза сверкали большой радостью. Они улыбались мне: казалось, в этой улыбке скрылся их внутренний мир, полный необычной нежности и добродушия.

Я завистливым взглядом смотрела на них, спускающихся со склона. До сих пор после вступления в армию я все время относилась к ним с уважением, завистью и симпатией. Они, выходцы из студентов, были моими товарищами, старшими сестрами. Ом Ок Хи из математического факультета и Ли Юн Хун из второго курса химического факультета Университета имени Ким Ир Сена, которым все очень завидуют, Ким Чын Сук, Пак Хе Ок, Сон Ми Ок и Пак Ок Хи из политехнического института имени Ким Чака (тогдашнее название), Ким Хян Рён, Ли Сун Хи и Чвэ Ху Нам из медицинского института (тогдашнее название)… Они, на которых я всегда смотрела с завистью, после войны снова пойдут в институты.

«А когда же я стану студенткой?» – с такой мыслью мне как-то стало грустно. Я, глотая слюну, старалась смягчить пустоту на душе. «Сейчас не то время мечтать быть студенткой! Эй, какая ты дура!» – взяв себя в руки, я поспешно вошла в землянку.

– Замполит батальона, заместитель командира отделения Ли Чхун Ок пришла по вашему приказу! – доложила я.

В землянке сидели командир части, замполит батальона и другие несколько офицеров. Мне, вошедшему от света в темноту, трудно было рассмотреть их, но только было ясно, что все они смотрели на меня с улыбкой. Не зная, в чем дело, я молча стояла. А замполит батальона, положив руку на мое плечо, сказал:

– Хочешь идти в институт? Мы решили послать вас в Университет имени Ким Ир Сена!

В этот миг меня постигло ошеломление. «Как же он мог узнать, о чем только что я подумала за дверью землянки? Хочет прозондировать меня?» Почему-то я очень смутилась, озадачилась.

– Вы сможете сделать больше дел ради Родины, если в институте научитесь многому, я уверен, – продолжал он. – Верховный Главнокомандующий приказал отозвать бывших студентов с фронта в институты.

Я слушала его как во сне, в мутном сознании. Кажется, мне снится сон, слышу во сне. Но в ушах все звучал его четкий голос:

– Конечно, раньше вы не учились в институте. Но решили вместе с ними послать и вас учиться. Собирайтесь в путь!

Я, как будто проснулась ото сна, вдруг громко ответила:

– Товарищ командир части! Разве я тоже иду в институт? Это не сон, что ли? Да, пойду. Хочу учиться в институте.

Совсем не помнила, как я вышла из землянки. Не сдер-

живая радость, почти бегом шла по склону холма не вниз, а вверх к лесу, где густо растут деревья. И опустилась на траву, валялась. «Ой! Был бы это не сон… Скоро я стану студенткой!» Из моих глаз текли теплые слезы радости и восторга. Все это, казалось, происходило как во сне, и я щипнула себя за щеку. Было больно. Но, боясь, не является ли это болью во сне, я брала, как попало, травинку, подносила ко рту и пережевывала ее – во рту сразу пахло свежим ароматом травы. Я проглотила ее, встала. Разгоряченная в одно мгновение чувственность словно постепенно уступала место холодному рассудку. Я снова воскрешала в памяти произнесенные только что замполитом слова: «Верховный Главнокомандующий Ким Ир Сен приказал отозвать бывших студентов с фронта в институты». Значит, мы уже победили в войне. А иначе так не отозвали бы воинов-студентов в институты ради далекого будущего после победы в войне. Моя душа уже побежала к светлому лекционному залу Университета.

А тут где-то за горой бухали мощный разрыв один за другим. Я вскочила с места, напряженно глядела на горную вершину. «Нет, я с ума сошла. Как мне идти в институт? На фронте еще проливают кровь. Они выходцы из студентов, и им надо идти… А что я? Нет! Учиться надо после войны. Пойду, поговорю: не могу в институт!» Разум, ударяя, как шило, по сердцу, заставил меня бежать в штаб части. В тот день я от всей души предложила командирам: «Извините меня. Пока война в разгаре, а я мечтала об институте. Я неправильно думала. Но после

войны обязательно пойду в Университет имени Ким Ир Сена, и тогда посылайте меня». Однако они так и не одобрили мое предложение, толкали меня к институту.

В тот день я, избегая других, одна молча и усердно делала многое. Перед уходом в институт хотела сделать много дел. Когда я стирала на речке бинты, ко мне с радостью прибежала Вон Чон Хи, работающая в аптеке штаба части.

– Знаешь, – шептала она мне на ухо, – мне тоже дали заниматься искусством, чего я так хочу. Я стану киноактрисой.

Я от радости терла ей лицо:

– Хорошо. Ведь ты так хотела быть актрисой.

Мы с ней, правда, имели особо близкие отношения. Раньше я несколько месяцев ведала библиотекой политотдела. Тогда я вместе с Чон Хи проводила в одном из помещений аптеки много времени. Мы часто обменивались мнениями об искусстве, рассказывали о своей мечте.

Однажды в наш госпиталь поступил раненый, учившийся в пианистическом отделении консерватории. А у него вражеской пулей был оторван большой палец – это для него, специализировавшегося по пиано, явилось действительно тяжелым ударом. Однако он, успокаивая свою горькую душу, часто гулял в сосновом бору с песней.

Мы ходили к тому больному ободрить его. Скоро он написал Вон Чон Хи письмо, в котором он признался в любви, а я ей передала его и принесла больному ответное письмо. Он, выписываясь из госпиталя, поставил цветы космоса в ее фуражку

и ушел на фронт…

Вечером того дня у меня собрались боевые друзья. Они, нежно пожимая мне руки, вместе радовались, что я иду в Университет. Когда я чувствовала себя неловко, они говорили: «Не смущайся, после войны мы тоже вслед за тобой пойдем в институты».

Да, рядом со мной всегда стояли такие боевые товарищи. С ними я с улыбкой преодолевала суровые испытания, пробиралась сквозь огненный ливень. Так мы разделили друг с другом горе и радость, и у нас в груди было полно лишь такого чистого, очищенного чувства, как прозрачный ключ. Вот это я в период войны много раз переживала.

Той ночью я не могла заснуть. Человек, когда бывает самый радостный или горестный случай, обычно думает о своих родных. Я очень сожалела, что не могу разделить с родными эту радость от того, что скоро пойду в Университет. Об этом некому из них было писать хоть записку.

Через несколько дней мне надо было попрощаться с родной частью. Соратники нашего взвода наперебой помогали мне собраться в дорогу. Говоря, что после демобилизации все понадобится, они каждая вынимали разные вещи из своего мешка и совали их в мой. Женщина вообще любит хранить что-то, и у них в вещмешках тоже всегда лежали уникальные вещи. А они, ничего не щадя, вложили в мой вещмешок все эти вещи: шелковый шарф, хранившийся с самого начала вступления в армию, катушку ниток, носки, новые портянки, чисто стираное

белье, носовой платок с вышивкой, мыло, красную ленту… Мой вещмешок сразу же был набит так, что не могли завязать его. Я, отнимая у них мой вещмешок, сказала: «Ну, хватит!» Но они вовсе не хотели «оставить свое дело». Кто-то, улыбаясь, шутил:

– Вот смотри, девочки! Этого, может, достаточно, чтобы и выйти замуж.

И все весело посмеялись. Я взяла в руки связку записок из трепаных бумаг, которые писала урывками с самого начала войны, и вкладывала в вещмешок, говоря:

– Положили бы самое дорогое в глубину мешка.

– Ой, говоришь о записках? В них обязательно должно быть отмечено и мое имя! – подчеркнула Бок Сун, и другие наперебой просили обязательно упомянуть также о них.

– А как же! Что я могу писать помимо рассказов о вас? Кстати, мои записки от начала до конца говорят о вас. – И все были очень довольны моим ответом.

В тот день часть для нас, уходящих в институты, накрыла в сосновом бору скромный стол и устроила вечер. На следующий день моросил дождь. Мы собрались у дороги, идущей за околицу, и ждали машины. Наконец появилась машина. Мы крепко обнялись с командирами части, попрощались.

– Желаю вам успехов в учебе!

Но не было слышно ответа. Мы, обняв товарищей, со слезами или со смехами попрощались с ними.

– Прощайте! Я никогда не забуду вас, мою родную часть! – крикнула я.

Мы сели на машину. В тот момент, когда прощалась с боевыми товарищами и частью, из моих глаз хлынули слезы. Машина отправилась сквозь дождь. Мы, махая букетами цветов с машины, со слезами на глазах крикнули:

– Товарищи, встретимся на военном параде в честь Победы!

Наконец толпа людей на дороге стала виднеться одной точкой. Прощайте, моя родная часть, мои боевые соратники! Хотя расстаемся с вами, мы отнюдь легко не забудем фронтовой дружбы, завязанной с вами на пути кровопролитной борьбы. Машина все мчалась вперед. Так я сделала первый шаг к новому миру, к вершине знаний.

Через два дня я на берегу реки Тэдон случайно встретилась с одним из работников в области просвещения. Он сказал, что приехал в Пхеньян 27 апреля 1952 года как делегат слета научных работников. Мне, как во сне, не верилось, что в сожженном Пхеньяне, в подземном театре «Моранбон» состоялся такой съезд. По его словам, с 1951 года все вузы страны начали свою работу в землянках, Верховный Главнокомандующий приказал отозвать с фронта бывших студентов в институты или послать за границу учиться, когда добросовестные люди мира глубоко опасались за судьбу Кореи в войне. И весть о том, что корейские студенты с портфелями прибыли в братские страны учиться, поразила весь мир.

Он еще рассказывал, что на слете научных работников Ким Ир Сен подчеркнул: интеллигенция – большая сила, бесценное сокровище нашей страны; без нее или ее актив-

ной деятельности немыслимо и развитие экономики и культуры, и после освобождения страны перед ТПК в качестве одной из первоочередных задач была поставлена подготовка национальной интеллигенции.

И после прощания с ним в моих ушах все звучали его слова как во сне. Я, повторяя их в уме, погуляла по берегу реки Тэдон, куда ступали ноги.

На водной глади реки уже отражались звезды, с нее дул теплый ветерок раннего лета. Откуда-то доносился гул взрыва. Враги, по-видимому, где-то совершали ночную бомбежку. А в этой обстановке состоялось не совещание офицеров, а слет научных работников, с фронта бойцы вернулись в лекционные залы, был создан не военный завод, а Академия наук, обсуждался вопрос послевоенного восстановления и строительства.

«Что все это значит? – подумала я. – Да, Верховный Главнокомандующий Ким Ир Сен и в обстановке, когда пока перед глазами шла ожесточенная война, предвидит победу и планирует послевоенную Родину!»

С того момента я стала таким человеком, который с твердой верой в победу оптимистически смотрит на исход войны и живет ради завтра. Нечего говорить, вера в победу и оптимизм отнюдь не являются продуктом иллюзии. Уверенность в будущем – это исходит из веры в непревзойденную стратегию и гениальную прозорливость Верховного Главнокомандующего Ким Ир Сена.

Я была уверена, что ведомую великим вождем нашу Роди-

ну всегда ждет лучезарное будущее, она все будет процветать. С ней расцветут также мои политический идеал, мечта молодости, хранившиеся у меня в сердце, как сокровище, моя настоящая жизнь. Такая уверенность наполнила всю мою душу.

В ночном небе еще ярче мерцали звезды, как бы благословили меня, вчерашнего фронтовика, которая встречает поворотный момент в своей жизни, поступая в храм науки.

Вечно буду жить солдатом

Здесь, в сосредоточии демобилизованных наконец закончилась моя военная служба. Теперь у меня не было ни погон на плечах гимнастерки, ни солдатского ремня на поясе. В память о военной службе осталась только одна фотография с марку, на которой была снята я в стеганом ватнике среди больных на Северо-Востоке Китая. Взяла бы хоть погоны!

Во дворе было полно демобилизованных, съехавшихся с фронта. Мы проделали всю необходимую процедуру, теперь оставалось только получить в продовольственной службе свидетельство о продовольственном снабжении, чтобы отправиться в свои родные институты.

Между тем сестры из моей части, приехавшие со мной, расходились встретиться со своими товарищами по учебе, зовя друг друга. Ом Ок Хи из математического факультета Университета имени Ким Ир Сена, заметив знакомое лицо среди людей, с радостным восклицанием бежала к нему. Они

обнимались, плакали, смеялись от радости, кружились и, узнав о погибших товарищах, проливали слезы. Как им будет приятно, что они, преодолев трудные моменты в ожесточенных боях и оставшись в живых, так встречаются со старыми товарищами по учебе, как у них будет много говорить! И Вон Чон Хи, увидев кого-то, с радостью кричала и бежала к нему.

Я просто растерянно смотрела на развернувшееся в этом небольшом дворе волнующее зрелище. Стояла одна как вкопанная: у меня здесь не было ни товарищей, с которыми я могу обняться, как они, ни одного знакомого. А мои глаза обходили каждого в надежде, что авось появится старшая сестра. Но, к сожалению, нигде не было видно такого офицера, похожего на нее.

Мне хотелось сидеть где-то на укромном месте. В углу двора стояло дерево. Густые листья, шевелясь на ветерок, отбрасывали на землю прохладные тени. Решила ждать здесь сестер из нашей части. Прислонившись к дереву, глядела далеко в небо. Почему-то оно казалось бесконечным. А где это пространство начинается и кончается? Есть начало – есть и конец. И моя солдатская жизнь имела свое начало, и, может, где-то будет ее конец. Так вот, неужели ее конечным пунктом является здесь место сбора демобилизованных, где я одиночкой сижу?

Да! Мой трудный, полный испытаний путь солдата, начатый два года назад в один из незабываемых летних дней на площади одной женской гимназии в освобожденном Сеуле, кончается здесь, на этом неизвестном месте, не обозначенном даже и на карте.

И всплывали одна за другой, как будто нитки смотались с клубка, те многочисленные фронтовые пути, по которым два года маршировала, шагала и бежала я. Путь наступления на Юг, трудный путь отступления, путь в обширный Северо-Восток Китая, обратный путь на пылающую родную землю, путь на восточный участок фронта, опять путь через родные горы и поля, реку Чхончхон к полям в Люшуе… Так вспоминая еще свежо хранящиеся в памяти те многочисленные пути, я погрузилась в глубокие раздумья. «А сколько километров я до сих пор шагала? – считала я в уме. – Наверное, шагала более тысячи километров», – шептал голос в моей душе.

Преодолевая эти тяжелые пути, я и плакала, и тяжело вздыхала, но не пасовала никак. Начиная с первой ночи на сборах новобранцев, я постепенно более окрепла – стала расти настоящим человеком, который отличается качествами солдата, дерзкого, сильного чувством долга и убеждениями, живущего ради справедливого дела и готового отдать всего себя во имя Родины. В эти дни все у меня было связано с Родиной, и в моей душе остался только дорогой, настоящий и правдивый дух.

Я подумала: «Вот этот дорогой дух только наша священная, справедливая война могла бы привить каждому солдату, нет, всему народу этой страны, переживающему войну. Этот дорогой дух, этот благородный духовный мир, который чувствуется лишь на войне, никакими словами не выразить, не объяснить! Очевидно, этот дух проявляется так высоко под лучами великого Солнца нации – Полководца Ким Ир Сена. Роди-

на для всех очень дорогая. И когда она стенает под сапогами врагов, они не сдерживают душевное терзание сердца, ради нее отдают свою жизнь, бросаясь на вражеский стан. Родина, я вечно буду жить твоим защитником, твоим солдатом!»

Моему раздумью не было конца. А тут вдруг кто-то, взяв меня за руки, притянул. Это были Ок Хи и Вон Чон Хи.

– О чем ты так глубоко думаешь? – поднимая меня, спросила Чон Хи. – Литератор есть литератор. Мы уже закончили процедуру. Иди быстро в продовольственную службу!

Я бежала к недалекому деревянному корпусу.

Настоятельная просьба

В продовольственной службе сидел за столом мужской офицер, которому, казалось, лет тридцать пять. Демобилизованные, стоявшие передо мною, один за другим получали свидетельство о продовольственном снабжении и выходили на улицу.

Настала моя очередь, и я подошла к нему. Его стол был накрыт толстым стеклянным листом, разломанным на куски. А мой взгляд странно от нее не отрывался.

Тот офицер молча ручкой писал что-то на листе бумаги и выдавал мне, говоря: «Следующий». Взяв его, я чуть отошла и, улыбаясь ему, спросила:

– В это помещение заходят все демобилизованные?

– Да, конечно, – кивнул он.

Под тенью мои спутницы ждали меня. Солнце уже в зе-

ните, веяло горячим летним воздухом. Ок Хи предложила шагать два-три часа и обедать в одной из крестьянских изб.

И мы тронулись в путь. Шагая, я, как бы оставила позади что-то, все еще оглядывалась назад. «Говорили, что все демобилизованные заходят в это помещение. Может, не придет ли туда и моя старшая сестра? Раз я так уйду отсюда, навсегда и не смогу иметь связи со старшей сестрой, о которой еще совсем неизвестно мне», – такая тяжелая мысль как-то замедлила мои шаги. Вдруг мне в голову пришло, что только что видела разломанный на куски стеклянный лист на столе. «Да. Нашла!» Я остановилась.

– Минуточку! – И я обратно бежала к тому офицеру в продовольственную службу.

– В чем дело? – Тот офицер вопросительным взглядом смотрела на меня, прибежавшую с задыханием.

– Простите, товарищ офицер, давайте, пожалуйста, бумагу. Хочу оставить записку!

Он протянул мне лист бумаги и ручку с пером. И я большими буквами писала на бумаге имя, дату рождения, домашний адрес старшей сестры и рядом с ними – мое имя, потом еще большими буквами – «Я иду в Университет имени Ким Ир Сена». И я приподняла куски стеклянного листа, положила под ним записку раскрытой.

– Почему ты так делаешь?

Но мои проворные руки уже снова положили стеклянные куски на свои места.

– Извините. Товарищ офицер, прошу обязательно выполнить мою настоятельную просьбу. Не убирайте, пожалуйста, эту бумагу из-под стекла. Хотелось бы, чтобы все те, кто приходит сюда, видели ее, – торопливо попросила я.

Он заглянул в записку и, как бы понимая все, кивнул головой. Кроме того, другой гарантии не следовало.

Я открыла дверь и вышла на улицу. И, помня о товарищах, ждущих меня, стала бежать, но спустя немного снова остановилась. «А до какого времени тот офицер служит на той должности? Если он переходит на другую работу? – мелькнуло в голове. – Да. Без него, кто еще может знать сегодняшнее обещание со мною?» Я опять повернулась обратно и встретила того офицера, как раз он выходил из своего помещения.

– Товарищ офицер, даже если вы переходите на другую работу, обязательно передайте следующему эту записку. Очень прошу, – почему-то прозвучал мой голос, полный слез.

– Понял. Не беспокойтесь! Обязательно передам. – И он подмигнул мне.

Я внимательно всмотрелась в него, как бы читая по лицу его душу. И, повернувшись, опять побежала к товарищам. Перед глазами всплыло лицо офицера, только что подмигивавшего мне. А кто знает, не пропадет ли на полпути моя настоятельная просьба? Нет, кажется, он выполнит мою просьбу. Только время докажет все.

Я размахивала рукой, как бы рассеивая те или иные мысли, устремилась вперед. А, правда, время доказало, как тот офицер

продовольственной службы выполнил обещание этого дня.

И я хочу здесь рассказывать о том, как оставленная мною записка создала момент встречи со старшей сестрой, которую я так разыскивала.

В Университете я зачислилась на подготовительное отделение. Мы, студенты, учились по одному или двум часам и работали на поле. А однажды я неожиданно заболела. Когда я лежала в постели, за дверью послышались шаги, потом – женский голос:

– Слушайте, там кто-нибудь есть? Можно спросить?

Я не ответила. Но снова звучал торопливый голос:

– Слушайте! Можно спросить?

Я из-под одеяла крикнула:

– Здесь никого нет, я говорю. Спросите на поле.

А шаги уже слышались у входа:

– Где здесь Чхун Ок? Не знаете ее?

Это был очень знакомый голос, и я вскочила с постели и открыла дверь:

– Кто? О ком вы?..

Мне в глаза бросилось милое лицо женщины-офицера в очках. Это же была моя старшая сестра, по которой я так тосковала и которой с нетерпением ждала. От несказанной радости я незаметно для себя воскликнула:

– Ой! Сестра! Как ты здесь, а?

– А чем ты болеешь? Ну, скажи! Как хорошо, что ты так жива!

Мы с сестрой крепко обнимались, как одно целое, заплакали.

– Сестра, как я искала тебя! А как ты узнала, что я здесь? – глотая слезы, спросила я.

Она объяснила, что вместе с демобилизованными приехала в место сбора и в продовольственной службе прочитала записку, лежащую под стеклом на столе. Оказалось, тот офицер этой службы, переходя на другое место, передал ее своему следующему. «Ой, большое вам спасибо!» – мне очень хотелось выразить тому офицеру благодарность.

Так у меня состоялась трогательная встреча со старшей сестрой, которую я так искала на пути наступления, в дни отступления и пребывания на Северо-Востоке Китая. В тот день я от неудержимой радости, несмотря на недомогание, побежала к полям и воскликнула:

– Товарищи, вот пришла моя старшая сестра!

И все, бросив мотыги и перепрыгивая через грядки, прибежали ко мне. В тот день вражеские самолеты низко летели и перешли в пике, но они, окружив меня, очень радовались моей встрече со старшей сестрой.

И сейчас перед моим взором всплывает тот стеклянный лист на столе в продовольственной службе, с благодарностью вспоминаю о том офицере, даже незнакомом по имени, добросовестно выполнившем мою настоятельную просьбу.

Сгоревшая связка записок

До сих пор никак не могу помнить, по какой насыпи тогда шагали мы. Все же мы шли тропинкой на неизвестной

насыпи, по которой растут разные полевые цветы. И спустились к речке, на ее берегу сняли свои вещмешки и пообедали колобками вареного риса.

Речка была неглубокая, но прозрачная, чистая. И она в разгаре лета притягивала к себе внимания прохожих так, что они бросились в нее. На берегу там и сям мимоходом отдыхали воины, шоферы и невоенные.

И мы, порядочно поставив вещмешки на траву около машины, на речке мыли руки, лица и головы. Прозрачная речка журчала, на воде отражались плывущие кучевые белые облака. Это еще приподняло у нас настроение. На противоположном берегу речки два воина крикнули нам:

– Девушки, зачем сняли у вас погоны?

И кто-то из нас подал реплику:

– Что вы говорите? Мы демобилизованные. Возвращаемся в родные институты.

Тут послышался привычный самолетный гул. В миг наши взоры прочесали небо.

– Воздух, воздух! – крикнул чей-то голос.

Уже вражеский самолет несся вниз к автомобилю, строчил из пулемета. Мы укрылись в боковой стороне насыпи. Раздался взрывной грохот – разорвалась где-то слепая бомба. Автомобиль был охвачен пламенем.

Вражеский самолет улетел, и мы подбежали к пылающему автомобилю взять свои вещмешки, лежавшие на траве. А волнами взрыва их снесло, мы бегали из стороны в сторону в по-

исках своего вещмешка. Я тоже везде и всюду искала свой вещмешок, но в конце концов не нашла:

– Товарищи, не видно моего вещмешка.

– Что? Твоего?..

Все обыскали берег, траву и даже насыпь, но его нигде не нашлось.

– А куда мешок слетел?

Тут шофер горящего автомобиля, вытащив из-под колеса недогоревшую тесемку вещмешка и подняв ее, крикнул:

– Девушки, зря стараетесь! Мешок уже сгорел!

На его голос и я, и другие бегом пошли к машине. Недогоревшая тесемка – это было все, оставшееся из моего вещмешка. В конечном счете, тот вещмешок, который накануне ухода из части от души приготовили мне все члены взвода, так сгорел от бомбежки.

– Очень жаль, что твой вещмешок сгорел.

– Может, у них хватает бомб, эти проклятые злодеи!

От гнева все скрипели зубами. А моя душа была переполнена печалью, чуть было не плакала. Но я, сознательно улыбаясь, говорила:

– Ничего. Пусть они сожгут вещмешок, мой путь не будет прерван!

И Ок Хи тащила меня за руку, предлагая: «Ну, давайте присядем вон там!» Мы под ивой на берегу расселись вокруг. Ок Хи сняла со своих плеч вещмешок и протянула его мне:

– Ну, возьми. Знаешь, мы заходим в свои дома по пути

к институтам, а ты здесь одинокая и бездомная, да еще сгорел даже вещмешок, твое единственное имущество. И как ты дальше будешь жить?

От ее слов у меня, казалось, наполнявшее сердце горе было готово вот-вот вырваться из горла, но я еле подавила его. А все другие тоже, сдвигая мне свои вещмешки, предложили мне взять их. Я, махая руками, встала с места:

– Ну что вы? Не надо! – Глаза всех обратились на меня. – Ну, только представьте себе! Как вам, демобилизованным, появиться дома даже без вещмешка? Нельзя так. Ни в коем случае!

В моем голосе звучала жалость. Вокруг слышалось одно тихое дыхание.

– Мне ничего, – добавила я. – Я, знаете, иду не к родителям и односельчанам, а в институт, и не беспокойтесь обо мне! – Я старалась улыбаться, но как-то не получилось. – Только бы была связка записок… А что теперь мне делать? Черт!

От горечи невосполнимой утраты у меня, казалось, иссякли все силы, качались ноги. Пусть я теряю 10 вещмешков, хоть бы осталась лишь связка записок.

Для меня записки были душевным другом. С первого дня военной службы я разделяла с ними горе и радость, с любовью и ненавистью выкладывала им всю свою душу. В них четко были записаны все места, где остаются мои следы, – ущелья, захолустье и др. Действительно, эти записки были всем моей жизни, зеркалом моего сердца. Я так берегла их и под градом пуль и снарядов, а злодейские

враги сожгли их. Как мне досадно было!

Товарищи вынули разные вещи из мешков и сшили платок из портянок. Чон Хи, гладя меня по спине, искренне утешила меня:

– Не так горюй! Скоро все пройдет.

Я не хотела больше беспокоить товарищей, с которыми расстанусь, и, сознательно улыбаясь, ответила:

– Ну, товарищи, не так беспокойтесь! У меня в памяти достаточно материалов, чтобы переписать записки. И в новых записках обязательно буду писать и рассказ о сгоревшем сегодня вещмешке, о последнем крещении, обрушенном противником на меня. Как вам?

Я стала успокаиваться, и на лицах боевых подруг играла светлая улыбка. Они завязали в большой платок, сделанный из портянок, разные предметы первой необходимости. Так был приготовлен белый узел, который я должна была нести на руке до Университета.

А два воина, которые только что на берегу шутили с нами, подходили к нам. Они были в зеленых погонах.

– Девушки, мы услышали от шофера о вас. Возьми этот вещевой мешок! Как вам неудобно будет без него! – И они протянули его.

– А как вы без вещмешка?

– Не надо беспокоиться о нас! Мы в части еще добудем.

– Большое спасибо. Никогда не забудем вас, – кричали радостные голоса.

– А вы из какой части?

– Мы служили в госпитале части *х х х* медсестрами.

И один из воинов шлепнул себе по колену:

– Ой, в песне поется: «Медсестра – мать больного…» Хотелось бы пользоваться у вас той материнской заботой.

Кто-то с улыбкой перебил его:

– Что вы говорите! Товарищ, никак не вздумайте обратиться за помощью в медсанбат! – И вокруг взорвался громкий смех девушек.

Мы, провожая уходящих воинов, долго махали руками. Так я носила на плечах новый вещмешок благодаря заботе товарищей. У нас на душе стало легко, чувствовалось приподнятое настроение. Все пережитое до этого теперь стало неизгладимыми приятными воспоминаниями, которые, казалось, позволили нам с верой в победу твердой поступью идти вперед к светлому будущему.

Мы остановились на развилке трех дорог – надо было разойтись. Две – автомобильная, а третья – тропинка. Мне говорили, что по тропинке идешь и дальше переходишь через холм – виднеется тот поселок, где находится подготовительное отделение Университета.

Мы здесь попрощались друг с другом. Но это было не горестное прощание. А Ок Хи даже и в этот момент все тащила меня к себе домой. Может, она не хотела направить в Университет меня одну, которая с ней отступила и перешла через высокий перевал. Но я упорно отказалась от ее просьбы. Хотела не помешать ей трогательно встретиться с родными.

Я всегда не любила, что тянется час прощания. И, скоро повернувшись, тащила Чон Хи за руку по тропинке.

– Сестра! Снова встретимся! – махая руками, крикнули мы.

– До встречи! – откликнулись вон там.

Мы с Чон Хи расстались у въезда на мост через насыпь, пересекающий сортировочную станцию в Пхеньяне. Мы, то плача, то смеясь, долго не отпускали руки друг другу:

– Давайте, я стану киноактрисой, а ты – писателем.

– А я – писателем, а ты – актрисой.

Мы снова крепко сжали руки. И она через мост шла дорогой к киностудии.

На дороге водворилась тишина, стрекозы летали по траве на обочине. Вдруг откуда-то с оглушительным треском мотора появились вражеские самолеты. Они по три пролетели куда-то.

«Теперь хватит бомбить, проклятье! А куда еще хотят сбросить бомбы?» – зажглась у меня ненависть к врагам. Испытывая на себе боль Родины, дотла разрушенной вражескими бомбами, я ускоряла шаги.

О, пока не кончилась война, а я так иду в институт! Какое великое доверие оказала мне Родина, какую важную обязанность она возложила на меня! Как я могу оправдать эти доверие и заботу, которыми окружил меня Полководец Ким Ир Сен! Я всю жизнь, пусть умру или снова рожусь, буду идти одним путем как солдат Полководца Ким Ир Сена, родной партии. Так я, продолжая путь солдата с фронта к институту, уверенной поступью шла к светлому будущему.

Послесловие

Путь простой военной медсестры дошел до площади, где проходил военный парад в честь Победы.

Наконец наступил исторический день – день Победы. 27 июля 1953 года 3-летняя война закончилась победой корейского народа и Корейской Народной Армии, ведомых непобедимым стальным Полководцем – великим вождем Ким Ир Сеном. Империалисты США, попытавшиеся одним махом поглотить Север Кореи, встали на колени перед корейским народом. Они на том же месте, где развязали войну, склонили голову и подписали Соглашение о перемирии.

В день Победы в небо Пхеньяна взлетел праздничный салют. На фронтовых высотах развевались разорванные осколками флаги Республики, победные возгласы сотрясли небо и землю.

И на площади военного парада в честь Победы раздавались возгласы: «Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!» С трибуны великий вождь корейского народа Ким Ир Сен в белой маршальской форме, высоко подняв руку, с широкой улыбкой на лице ответил на горячие приветствия участников парада.

Перед трибуной твердой поступью шествуют гвардейские, доблестные дивизии, потом – герои разных родов войск. Вслед

за ними проходили колонны сражавшихся в тылу рабочих, крестьян и интеллигентов, взирая на Полководца Ким Ир Сена со слезами на глазах и с радостными возгласами.

«О, вот это легендарный герой нашего народа Полководец Ким Ир Сен, которого я так хотела видеть! – твердой поступью проходя перед трибуной, крикнула я про себя. – Он – великое Солнце нации. Вчера он разгромил сильных японских захватчиков и добился освобождения Родины, а сегодня победил американских агрессоров и отстоял мою Родину, мою страну и нацию. Действительно сегодняшняя Победа была выкована под руководством Верховного Главнокомандующего Ким Ир Сена! О, моя великая, славная Родина!»

Великий народ и великая Народная Армия, сплотившись вокруг великого вождя, разбили в пух и прах миф о всемогуществе США, хваставшихся «сильнейшими» в мире.

В период корейской войны противник потерял убитыми, раненными и взятыми в плен более 1 567 100 солдат, в том числе свыше 405 000 американских. На эту войну были мобилизованы ведущие военные главари США – Макартур, Риджуэй, Ван Флит, Уоркер, Дин и Кларк, но все они испили горькую чашу поражения, из них Уоркер нашел собачью смерть, а Дин был взят в плен.

Корейский народ отстоял свою славную Родину – КНДР. Мир воспевал его как героический народ.

С тех пор утекло много воды, но на Юге Кореи все еще

остаются американские империалисты. Путь нашей борьбы еще не кончился. На плечи всех нас история возложила тяжелую миссию воссоединения Родины.

Юноши и девушки, будущие хозяева объединенной Родины! Смело вставайте на священную борьбу за объединение!

Я твердо уверена, что вы, унаследовав от защитников Родины 1950-х годов героический боевой дух, без остатка проявите патриотическую преданность и высокий самоотверженный дух в борьбе за защиту социалистической Родины.

Дорогой читатель, который вместе со мной прошел путем простой военной медсестры! Хочу отметить вам: не загрязните себя, не собьетесь с выбранного самим справедливого, истинного пути, не поддадитесь соблазну и не повернитесь обратно! Путь всегда идет только вперед.

С почтением.

Ли Чхун Ок

ПУТЬ ВОЕННОЙ МЕДСЕСТРЫ

Автор Ли Чхун Ок

Перевели Со Чхоль Чжин, Мун Пхиль Сон

Издательство литературы на иностранных языках в КНДР

Выпущено в июне 103 года чучхе (2014)

ㄱ-483543

E-mail: flph@star-co.net.kp
http://www.naenara.com.kp

КОРЕЯ, ПХЕНЬЯН

103 чучхе (2014)